

МЕМУАРЫ

В. Ф. Степаненко

**ПЛАМЕННОЕ
НЕБО**

Аннотация

Дважды Герой Советского Союза, заслуженный военный летчик СССР, генерал-майор авиации запаса Иван Никифорович Степаненко прошел свое первое боевое крещение в 1942 году в районе Ельца — Воронежа. Затем были битвы под Сталинградом и на Северном Кавказе, освобождение Орла, Курска, Риги и других городов. Книга воспоминаний посвящена героическим подвигам боевых побратимов.

- [И.Н. Степаненко](#)
 - [Книга о героизме советских авиаторов](#)
 - [Из кладовой памяти](#)
 - [От плуга — к самолету](#)
 - [Здравствуй, Кача!](#)
 - [Первые испытания](#)
 - [На фронт](#)
 - [Дороги на восток](#)
 - [На новую технику](#)
 - [Над городом Ярославлем](#)
 - [На Брянский фронт](#)
 - [Отличный ориентир, но...](#)
 - [Удар на себя](#)
 - [Первые раны заживают быстрее...](#)
 - [Высокая честь](#)
 - [Фронт над Сталинградом](#)
 - [За все в ответе](#)
 - [Ракета зовет к бою](#)
 - [Асами не рождаются](#)
 - [Дорогу осилит идущий](#)
 - [Долго не мог уснуть...](#)
 - [Удар по «осиным гнездам»](#)
 - [На боевых перекрестках](#)
 - [Подарок Саратовских колхозников](#)
 - [Атаки на «воздушный мост»](#)
 - [В небе над Кубанью](#)

- [Пиратская уловка фашистов](#)
 - [Чей клин крепче](#)
 - [Слово об авиационном командире](#)
 - [Уроки взаимодействия](#)
 - [Высота 246](#)
 - [Счастье друга — и мое счастье](#)
 - [Агрессор остается агрессором](#)
 - [Высокая награда Родины](#)
 - [Дороги в бессмертие](#)
 - [Дорогие мои земляки](#)
 - [Необъятно, как небо](#)
 - [Под нами — Рига](#)
 - [Почетная награда](#)
 - [Новогодние тосты](#)
 - [Последние удары](#)
 - [Незабываемое](#)
 - [Великое слово «мир»](#)
 - [Иллюстрации](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
-

И.Н. Степаненко

Пламенное небо

*Пусть память о героических событиях
прошлого служит грядущим поколениям добрым
уроком бдительности, мужества и героизма.*

*И.Н. Степаненко, дважды Герой
Советского Союза*

Книга о героизме советских авиаторов

Воспоминания дважды Героя Советского Союза, заслуженного военного летчика СССР, генерал-майора авиации запаса И. Н. Степаненко «Пламенное небо» посвящены советским летчикам-истребителям, сражавшимся с немецко-фашистскими асами в годы Великой Отечественной войны. Автор рассказывает, главным образом, о воздушных бойцах 4-го истребительного авиационного полка 20-й смешанной авиационной дивизии, в составе которой мне пришлось воевать в районе Кишинева и на юге Украины.

Многое из того, о чем автор повествует в первых главах, помнится и мне. Все мы восхищались тогда самоотверженными действиями в небе Родины командира полка В. Н. Орлова, старшего батальонного комиссара Н. И. Миронова, которые показывали всему летному составу пример личной храбрости и ратного умения, воспитывали неудержимое стремление к победе. Уже в первых боях с фашистами, прикрывая свои войска и военно-стратегические объекты с воздуха, советские истребители в тяжелейших условиях добились значительного успеха, противопоставили хваленым фашистским асам высокую морально-психологическую закалку, стойкость и боевое мастерство. За те бои многие летчики награждены правительственными наградами, а капитан А. Г. Карманов, старший лейтенант А. А. Морозов и лейтенант М. П. Галкин удостоены высокого звания Героя Советского Союза.

В своих воспоминаниях автор на конкретных примерах как бы прослеживает нелегкий путь роста наших авиаторов в пламени войны, показывает, каких высот они достигли благодаря самоотверженному ратному труду.

В книге предельно лаконично и правдиво повествуется о героических событиях военных лет, о людях большого мужества и отваги, патриотах-интернационалистах, совершавших беспримерные подвиги в борьбе за свободу и независимость своей социалистической Родины.

Известно, что борьба эта была нелегкой. Герой войны И. Н. Степаненко не скрывает трудностей и невзгод, которые приходилось преодолевать советским авиаторам на пути к завоеванию превосходства в воздухе. Как человек, испытавший на себе все тяготы фронтовой жизни, горечь поражений и радость побед, он с неподдельной искренностью и присущей ему наблюдательностью воссоздает дух военного времени, рисует картины воздушных схваток с врагом, передает характеры советских авиаторов — отважных сынов Отчизны.

Автору книги И. Н. Степаненко пришлось участвовать в воздушных боях на Южном, Брянском, Воронежском, Сталинградском фронтах, в небе Кубани, над Орлом, в битве на Курской дуге, в Прибалтике. За годы войны отважный авиатор произвел более 400 боевых вылетов, участвовал в 120 воздушных боях, сбил лично 33 и в групповых боях — 8 фашистских самолетов. В полку, в составе которого он служил всю войну, выращено 15 Героев Советского Союза, 4 летчика удостоены этого высокого звания дважды: Владимир Лавриненков, Амет-Хан Султан, Алексей Рязанов и Иван Степаненко.

В мемуарах И. Н. Степаненко хорошо представлен образ советского аса — патриота, отлично знающего технику, в совершенстве владеющего тактикой воздушного боя. Четко прослеживается становление кадров советской авиации, когда крестьянские дети, получившие трудовую закалку в колхозе, воспитанники заводских коллективов учились в аэроклубах Осовиахима, становились курсантами военных училищ, пополняя Военно-Воздушные Силы нашей Родины.

Все дальше уходят в прошлое события, описанные в воспоминаниях бывалых людей, героев минувшей войны. Советский читатель учится на этих правдивых и искренних рассказах горячо любить нашу великую и прекрасную Родину и беречь светлое небо планеты от разрушительного военного пламени.

А. И. ПОКРЫШКИН, трижды Герой Советского Союза, маршал авиации

Из кладовой памяти

Каким бы малым, далеким, неприметным ни было родное село, оно всегда кажется нам самым близким, дорогим, всегда зовет и как бы притягивает к себе. Наверное, потому, что именно там ты сделал свой первый вдох, первый шаг по земляному полу, носился босиком по росистой лужайке с такими же мальцами, как сам, пошел в первый класс. И все то, что ты вбирал в себя, наблюдал, познавал, навсегда осело, закрепилось в твоём сознании, изначально открыв перед тобой мир. И хотя на протяжении последующих быстротекущих лет ты узнаешь множество нового, встретишься с сотнями интересных людей и неизмеримо расширятся перед тобой горизонты бытия, все это не затмит радостей детства, не вытеснит из памяти родных и близких, друзей, деливших с тобой радости и беды, а потом ушедших каждый своей дорогой...

Воспоминания часто возвращают меня на Черкасщину, в Нехайки Драбовского района. Нынче это большое село, раскинувшееся на берегу узкой, мелководной реки Супой, в 25 километрах от ближайшей железнодорожной станции. А в старое время было среди моих односельчан много таких, кто, прожив всю жизнь, так и не увидел никогда бегущего по стальным лентам рельс паровоза. Безропотно копались они на крохотных клочках земли, не подозревая, что где-то есть другой мир. В селе не было фельдшера, не было школы.

Существует легенда о том, что когда-то на этом самом месте располагались казацкие курени. Верховодил своим войском удалой и храбрый запорожец по прозвищу Нехай. На старинном кладбище на горе за селом Нехайки в прежние времена, как говорили старики, было множество надгробных плит — памятников погибшим казакам. С годами плиты куда-то исчезли, но остались героические легенды.

Испокон веков великий труженик — крестьянин — стремился к лучшей жизни. Свои чаяния, простые, как сама душа народа, мои земляки пронесли сквозь все тяготы крепостничества, политического, экономического и национального угнетения. Непосильная работа на помещиков, неграмотность и вековая

отсталость были постоянными спутниками жителей села. Только Советская власть, дав крестьянам землю, открыла перед ними возможность строить новую, светлую жизнь, без богатых и бедных, без голодных и пресыщенных.

Конечно, в первые годы после Великого Октября это была еще только возможность. Чтобы она стала действительностью, селу предстояло пройти нелегкий путь экономических и социальных преобразований. Для того чтобы изменить жизнь и быт крестьянина, нужны были громадные усилия всего народа, направляемые ленинской партией.

...Родился я 13 апреля 1920 года в бедной крестьянской семье. Овдовевшие отец Никифор Денисович и мать Прасковья Дмитриевна уже имели от первых браков троих детей: у отца было два сына Иван и Тимофей, у матери дочь Варвара. Прокормить такую семью было нелегко. От зари до зари отец и мать работали на помещика, имея в своем хозяйстве лишь одну десятину земли.

Отстояв завоевания революции, отец вернулся из армии домой. Стала расти семья. Вскоре она пополнилась Катериной, Мариной, Марусей, Иваном. Семеро детей на двоих кормильцев! Однако теперь Советская власть выделила нам целых десять гектаров земли.

Детство вспоминается мне постоянным стремлением к куску хлеба. Голодным, босоногим было оно, но и... счастливым. Особенно в пору, когда отступали холода.

Весной река Супой широко разливается, и ее воды покрывают пойму, луга, заливают канавы и овраги. Эти водоемы, обычно неглубокие, всегда были богаты рыбой: окунями, линями, карасями, даже щуками.

Весной и летом мы, деревенские мальчишки, да и многие взрослые ходили с сачками, вентерями, удочками на реку и заводи. Помню радость всех домашних, когда я появлялся со своей добычей.

Однако рыбалка — в порядке развлечения. Одними карасями да линями сыт не будешь. Главное — хлеб. Труд на земле. Отец купил лошадь, выезжаем в поле всей семьей. Радуемся: скоро конец нищете.

— Может, и разбогатеет, — высказывается старший брат Иван.

— А что! — оживлялся отец. — Вот поработаем — и станем на ноги. Верно, хлопцы?

Старшие братья (и, конечно, я) соглашались. В самом деле, почему бы и нет: приложим руки к земле, потрудимся — и осенью успевай только собирать урожай. Проще простого!..

Доныне с содроганием вспоминаю те страшные дни, когда по селу прошли эпидемии. Первым умер отец, затем — мать, брат — Тимофей, сестренки Марина, Маруся, Катерина.

Самый старший из нас, Иван, крайне удрученный, уехал в город Каменское^[1] на Днепре. «Устроюсь на завод, может, помогу и вам...» — сказал на прощанье.

Когда началась коллективизация, мы с Варварой вступили в колхоз «Искра». Работы для молодежи хватало, и я находил в ней утешение. Ухаживал за лошадьми, возил воду к молотилке и тракторам, пахал, сеял, бороновал. И учился в школе. Вскоре вступил в комсомол.

Вместе с товарищами — Иваном Наталенко, Максимом Козяриным, Иваном Мусиенко, Григорием Точковым — мы часто ездили в райцентр на совещания и собрания сельских активистов, читали в клубе газеты и журналы, выступали перед колхозниками с рассказами, участвовали в художественной самодеятельности. Это возвышало нас в собственных глазах, вдохновляло. Много заботились о колхозных делах, старались все делать как можно лучше, основательнее. Любо было смотреть на зеленеющие колхозные хлеба, почувствовать пряные запахи земли, возделанной нашими руками для общего блага.

Бурные перемены в жизни страны все более властно вторгались в каждый ее уголок. Не обошли они и наши Нехайки. На смену лошадям и косам в село прибывали тракторы и сенокосилки. Конечно, их пока еще было не так много, можно сказать, единицы, но они рождали твердую уверенность в светлом завтрашнем дне. Знатными людьми становились самоотверженные труженики-хлеборобы.

Все чаще в небе над Нехайками мы слышали непривычное гудение аэропланов. Кто из нас, сельских мальчишек, не мечтал тогда вблизи рассмотреть это чудо!

Впервые настоящий самолет я увидел в 1931 году над родным селом. Мы с мальчишками пасли коров у дороги. Неожиданно в

небе послышалось громкое гуденье. С каждой секундой оно нарастало, и вот почти над самыми крышами хат появилось что-то большое, с длинным хвостом и широкими крыльями.

Ребята все как один бросились навстречу машине и совсем близко увидели крылья, мотор и даже самого пилота, на секунду высунувшего из кабины голову. Самолет развернулся, и нам показалось, что летчик что-то сбросил на землю, иначе зачем бы ему прилетать? Обыскали все ржаное поле, вымокли до нитки, но ничего не нашли. После крутого разворота стальная птица исчезла так же быстро, как и появилась, оставив по себе лишь долгие воспоминания.

«Железо, а летает! — с восхищением думал я о самолете. — А какой же сильный тот человек, что поднимает и направляет его в небо!» И так хотелось взглянуть на родные Нехайки не только с крыши своей хаты, а из-под облаков, откуда, наверное, видно все вокруг до самого Днепра и даже до Киева. Однако долго пришлось ждать, пока, наконец, представилась такая возможность.

В школе, увлеченные мечтой о небе, мы с товарищем — Иваном Мусиенко — решили построить модель самолета. В поисках образца рылись в газетах и журналах. И вот в нашем воображении сложилась собственная модель, и мы склеили ее из выструганных планок и картона, покрасили красными, синими и черными чернилами. Для нас, школьников, это было настоящее чудо, хотя вид модель, безусловно, имела весьма неуклюжий.

Закончив первую модель, мы притащили ее в школу и показали учителю математики Юрию Васильевичу Савину, который посмотрел и сказал:

— Молодцы ребята. Одобряю. Дерзайте. Начало у вас хорошее. Но и о математике не забывайте.

Подбодренные, мы построили целую эскадрилью деревянных аэропланов. Последние уже не вмещались в моем сарае, часть их пришлось перенести домой к Мусиенко.

Увидев наши «изобретения», отец нахмурился, но мать заступилась за меня.

Отобрав лучшие модели, показали их классному руководителю Наталии Ивановне Еременко. Учительница предложила:

— Давайте, ребята, повесим их в классе.

Так и сделали. Две машины с красными звездами на крыльях повисли над нашими головами. Держались они на нитках, но нам хотелось, чтобы ниток вовсе не было видно и чтобы наши модели парили в воздухе.

Не знаю, помогала ли наша «выставка» учебе. Скорее наоборот, отвлекала от занятий. Но Наталия Ивановна не могла оставить без внимания наших стараний и сказала:

— Чтобы полететь на настоящем «самолете», нужно учиться только на «отлично». Верно я говорю?

Мы с Ваней Мусиенко с видом знатоков отвечали, что именно так.

Это был период становления социалистической экономики страны, укрепления могущества ее армии, авиации и флота.

В газетах все чаще появлялись призывы: «От модели — к планеру, от планера — к самолету!», «Трудовой народ — строй воздушный флот!», «Пролетарий, на самолет!», «Без победы в воздухе нет победы на земле!». Эти призывы пробуждали в головах моих сверстников смелые надежды.

В тридцатые годы наша авиация высокими темпами «набирала» высоту, скорость и дальность полета. Вихрем облетело страну известие о присвоении звания Героя Советского Союза А. В. Ляпидевскому, С. А. Леваневскому, В. С. Молокову, Н. П. Каманину, М. Т. Слепневу, М. В. Водопьянову, И. В. Доронину за спасение челюскинцев, терпевших бедствие во льдах Арктики. Весь мир взволновали полеты В. П. Чкалова, Г. Ф. Байдукова и А. В. Белякова на Дальний Восток и через Северный полюс в Америку. Вскоре это достижение перекрыли М. М. Громов, А. Б. Юмашев, С. А. Данилин. А летчицы Валентина Гризодубова, Полина Осипенко и штурман Мария Раскова установили женский международный рекорд дальности полета без посадки.

Вся страна жила достижениями и рекордами славных авиаторов. В. П. Чкалов, М. М. Громов, М. В. Водопьянов, В. К. Коккинаки стали подлинно национальными героями.

Вслед за этим последовали героические победы наших летчиков в небе Испании, в период сражений на озере Хасан, на реке Халхин-Гол. Боевые подвиги своих соколов Родина отметила высокими наградами. Дважды Героями Советского Союза стали Г. Кравченко, С. Грицевец, Я. Смушкевич. Весь мир с затаенным

дыханием следил за необыкновенными деяниями советских соколов.

Эти события, откладываясь в нашем сознании, еще больше разжигали стремление попасть в авиацию. Я поставил перед собой задачу — во что бы то ни стало научиться летать!

Мечту о крыльях мне помог осуществить случай. Но для этого пришлось расстаться с Нехайками, куда я потом наезжал лишь изредка в гости. Родное село запечатлелось в моем сознании не только воспоминаниями о нелегком детстве, но и радостями первого приобщения к труду, к общественной работе. Оно преподавало первые уроки жизни, невысказанной без твоего личного вклада в создание благополучия близких тебе людей, товарищей по колхозу, всего твоего народа. Здесь я воочию убедился, как необходимо было переустройство села на новых, социалистических началах, которые открыли перед крестьянами замечательную перспективу Коллективного хозяйствования.

Вновь и вновь убеждаюсь в этом и ныне, бывая в Нехайках, при виде красивых жилых домов, школы и клуба, всего того, что привлекает каждого исконного крестьянина, где бы он ни побывал, в какие края ни заносила бы его служба Отчизне.

От плуга — к самолету

Осенью 1938 года в Нехайки приехал в отпуск мой старший брат Иван, работавший тогда в Днепродзержинске. Шесть лет самостоятельной жизни очень изменили нас. Теперь брат — настоящий рабочий. Повзрослел, стал представительным, крепким. Помогая по хозяйству, Иван присматривался ко мне, беседовал с сестрой о моей дальнейшей судьбе, интересно рассказывал о Днепродзержинске, будущем центре металлургии.

Как-то вечером сел рядом со мною, положил руку на плечо.

— Через неделю уезжаю, Ванюша. Может, махнешь со мной? — предложил неожиданно.

Разговор об этом был и раньше, правда, лишь намеками. Но внутренне я уже был готов к отъезду.

— Согласен, — с готовностью ответил я.

— Значит, собирайся, — одобрительно улыбнулся Иван.

Настал день отъезда. Мне собраться — подпоясаться. Рано утром нас провожали друзья, родственники. Сестра Варвара вытирала платком глаза, просила писать. Все долго шли за нами, затем остановились и махали платками и картузами до тех пор, пока мы не скрылись за горой.

Я оставлял родной край, где прошли детство, юность, учеба в школе, работа в колхозе. Впереди был незнакомый мир, одновременно притягивающий к себе и тревожащий.

— Ничего, Ванюша, не робей, — успокаивал меня Иван. — Будь смелее. Молодому парню чего бояться? Пойдешь на завод, будешь работать. А захочешь учиться — учись, наука от тебя не уйдет, если сам от нее не дашь тягу.

По прибытии в город брат устроил меня вначале учеником слесаря в паровозное депо завода имени Ф. Э. Дзержинского, потом рабочим на вагоностроительный. Огромные цеха со сложными станками по тонкой обработке металла с их необычным шумом и свистом запомнились навсегда. Здесь я получил первую рабочую закалку. Стремился быстрее овладеть профессией токаря, слесаря, фрезеровщика. В большом коллективе оттачивалось рабочее мастерство. Дух захватывали стахановское движение, социалистическое соревнование.

Еще и теперь, вспоминая те годы, всегда думаю о том, что каждому юноше, готовящему себя к летной или любой другой профессии, где нужна физическая сила, очень полезно смолоду пройти школу трудовой закалки. Труд на заводе, в колхозе, на стройке, а потом служба в армии укрепляют человека, дают зарядку на всю жизнь.

На окраине Днепродзержинска размещался аэродром аэроклуба имени В. С. Молокова. Мы, комсомольцы, с завистью посматривали на пролетающие в стороне самолеты. Кто управляет ими в небе? Как им там, наверху?

Однажды к концу рабочей смены ко мне подошел молодой, энергичный человек. Это был инструктор аэроклуба И. С. Приходько, подбирающий кандидатов в учлеты.

— Учлет — это ученик аэроклуба, — объяснил он, представившись. — Если согласны учиться, можно попробовать пройти комиссию. Подумайте.

Долго думать не стал. Уже на следующий день сообщил о своем согласии. Вскоре по рекомендации заводской комсомольской организации мы, несколько молодых рабочих, с путевками в руках направились в аэроклуб. Учеба начиналась для нас с общего знакомства с настоящим самолетом. Для лучшего усвоения материальной части нам поручили чистить У-2 от пыли, грязи и масла. Делали мы это с огромным старанием и любовью — мыли крылья, фюзеляж, мотор, колеса. Больше тут, правда, старались девчата, особенно Антонина Худякова, веселая симпатичная комсомолка.

Занятия на аэродроме проходили почти каждый день — от простого к сложному. Время, казалось, стоит на месте, не движется. Наконец, первые пробы управления самолетом: руление по взлетной полосе. С места стоянки на линию предварительного старта машину рулит инструктор. Мы выстраиваемся там и ждем его указаний.

— Хвост — взяли! — командует он, и четыре учлета поднимают хвост на плечи. Остальные толкают У-2, упиравшись в крылья. — Тронули!..

Таким порядком учлеты катят машину к месту руления. Отбуксировав ее на исходную точку, пытаемся запустить мотор,

что было тогда на У-2 не так-то просто. Но вот уже кое-кто самостоятельно запускает двигатели, рулит.

...Наконец, инструктор И. Ф. Мусиенко подает мне команду: садиться в кабину. Быстро привязываюсь ремнем и поднимаю левую руку — сигнал готовности.

— Тронули! — командует Иван Федорович.

Прибавляю газ, самолет медленно катится, подпрыгивает. Веду машину на прямую, делаю пробежку для взлета, совершаю круг. Заруливаю на стоянку.

Неописуемая радость овладевает тобой, когда чувствуешь, что машина подчиняется твоей воле. А перспектива подняться в небо вызывает столько энергии, что хочется учиться и учиться без перерывов на сон и еду.

Вот и первый полет!.. Ощущение необыкновенное. Может быть такое ощущение у птицы, парящей высоко в небе над всем земным.

Домой вернулся счастливый, покрасневший от возбуждения. За ужином спрашиваю брата:

— Видел сегодня в небе самолеты?

— Не припомню, — помолчав, отвечает тот. — Хотя, правда, гудело что-то.

Я даже расстроился. Мне, казалось, что весь город наблюдал сегодня за небом и не мог не запомнить четко выведенную цифру «5» на фюзеляже.

— А знаешь, ведь сегодня летал я! — не выдерживаю перед искушением поделиться радостью.

Брат с удивлением смотрит на меня.

— Катали? — хмурится недоверчиво.

— Нет, — взмахиваю головой и смеюсь. — Сегодня управлял самолетом. Со мною был, конечно, инструктор.

— А не врешь? — даже встревожился Иван.

— Честное слово! Выполнил пилотаж и посадку.

Так я признался брату, что учусь на летчика.

Учеба в аэроклубе без отрыва от производства требовала не только большого напряжения физических сил, но и воли, упорства в достижении цели. Изрядно потрудившись в цеху всю первую смену, вечером мы отправлялись на занятия или на полеты. Нередко на аэродроме проводили весь выходной день.

— Только настойчивый труд становится ступенькой к подвигу, — говорил нам комиссар аэроклуба Борис Михайлович Василенко.

Мнение комиссара, начальника клуба Матевоса Асканазовича Матевосяна, инструкторов Приходько и Мусиенко мы уважали, их советы оказывали на нас огромное влияние. И мы не жаловались, не уклонялись от самых сложных и тяжелых заданий.

После доброго десятка провозных^[2] по кругу и в зону Иван Федорович Мусиенко разрешил мне самостоятельный полет на У-2. Перед строем спросил:

— Как самочувствие, учлет Степаненко?

— Хорошее. К самостоятельному полету готов, — отрапортовал я.

Особенно бойко выговаривалось заветное «к самостоятельному». Такого события каждый из нас ожидал с нетерпением. Выполнив «самостоятельный», ты словно переступаешь порог, за которым другая среда, где тебя будут уважать наравне с летчиками.

— Вот тебе мешок с песком, — подает мне груз Мусиенко. Мешок весит приблизительно столько, сколько и я.

Быстро тащу мешок к самолету, прижимаю его ко второму сиденью и закрепляю ремнем. Мусиенко лично проверяет и одобряюще улыбается.

— Учлет Степаненко, не теряйся, делай все так, как при мне. Тот, — кивает на груз, — никакой команды тебе не подаст. Так что действуй самостоятельно.

Сердце бьется все сильнее. Слышанное ли дело — один в кабине, тебе доверена эта сложная машина! Хочется петь. Даю газ, медленно двигаюсь вперед. Первые метры по взлетному полю... Вот и старт. Полный газ! Машина набирает скорость, бежит, подпрыгивая на невидимых неровностях полосы. Наконец отрывается от земли, набирает высоту.

Внизу проплывают строения аэродрома, железнодорожная станция. Сейчас следует выполнить первый разворот влево. Поднимаюсь все выше и выше. Горизонт колеблется, то удаляясь, то приближаясь, темнея и светлея. Внимательно слежу за приборами, чтобы выдержать прямую полета. Согласовываю

скорость и крены на разворотах. Иду по кругу, наблюдаю аэродром слева. Все на нем кажется пестрым и маленьким.

Мотор работает ровно. Ищу характерные, запомнившееся по прежним полетам ориентиры: дома, дороги, ленту рельс. Выхожу прямо к четвертому развороту и снижаюсь на посадку. Убираю газ и приземляюсь у знака «Т». Заруливаю на стоянку.

Неподалеку вижу Ивана Ребрика. Он показывает большой палец. Значит, все в порядке! Инструктор Мусиенко подходит и крепко жмет руку.

— Будешь летать, учлет Степаненко, молодец.

В этот день еще несколько моих товарищей выдержали первую серьезную проверку.

К вечеру снова мыли и натирали свою «пятерку». Работали с особым энтузиазмом, ведь чувствовали себя на целую голову выше, чем вчера, однако хорошо понимали, что это лишь начало.

Кроме полетов нам надлежало совершить прыжки с парашютом. В клубе работала отличный инструктор парашютного спорта Анастасия Дейнека. Под ее руководством и внимательнейшим контролем мы укладывали парашюты, садились в самолет, по команде отделялись от машины.

Первый прыжок я совершил вместе с учлетом Антониной Худяковой 10 июня 1939 года.

В один из полетных дней, едва мы прибыли на аэродром, Иван Ребрик, всегда первым узнававший новости, с загадочным видом спросил:

— Слышали, хлопцы? Мы насторожились:

— Что?

Увидев заинтересованность в наших глазах, Иван замолчал. Выдержав паузу, сообщил:

— Сюда должен приехать представитель из училища.

Вскоре всем стало известно, что для участия в приемных экзаменах и отбора учлетов в аэроклуб прибыл представитель Качинской школы военных летчиков-истребителей. Лейтенант сразу понравился нам. Привлекали не только военная форма, но и выправка, умение говорить с людьми. Мы смотрели на него с восхищением и надеждой.

Летчик захватывающе рассказывал об истребительной авиации, ее назначении и задачах, потом беседовал с каждым

учлетом, выясняя усвоение теории, летал в зону. Спустя несколько дней нам стало известно, кто зачислен кандидатом в военные школы пилотов. Мне посчастливилось: еду в Качинскую.

Пройдут десятилетия, после Качинской школы летников я буду учиться в Военной академии имени М. В. Фрунзе, в Академии Генерального штаба имени К. Е. Ворошилова, но в памяти ярче всех лет учебы запечатлятся эти первые шаги в авиации, сделанные перед войной в Днепродзержинском аэроклубе. Здесь в моей душе были посеяны зерна любви к авиации, понимания дисциплины и самодисциплины, которые потом пустили глубокие корни. И теперь, когда приходится бывать в Киеве, при первой возможности встречаюсь с живущим там генералом запаса Борисом Михайловичем Василенко, бывшим комиссаром аэроклуба. Добрым словом мы вспоминаем бывшего начальника клуба Матевоса Асканазовича Матевосяна, инструкторов И. Ф. Мусиенко, И. С. Приходько, Н. П. Кравченко, Анастасию Дейнеку... Спасибо вам, первые учителя и наставники, за ваш тяжелый труд и терпение. Вы сумели по зову партии поднять перед назревающей бурей новые эскадрильи молодых летчиков и вдохновить их на ратные подвиги.

Многие летчики, бывшие учлеты Днепродзержинского аэроклуба, проявили высокую выучку и героизм на фронтах Великой Отечественной войны, за что награждены орденами и медалями. Среди них пять Героев Советского Союза — В. М. Дрыгин, С. Л. Левчук, И. К. Сачко, А. Ф. Худякова, И. Н. Степаненко.

Летчица 46-го гвардейского авиационного полка Антонина Худякова совершила 926 боевых вылетов и сбросила на врага 136 тонн бомб. Во время последнего полета ее самолет был поврежден, а сама Антонина контужена. Однако она нашла в себе силы привести и посадить машину на свой аэродром.

Подвиги бывших учлетов — прекрасная аттестация плодотворности работы по первичной подготовке летчиков этого славного аэроклуба.

Здравствуй, Кача!

В апреле 1940 года нас вызвали в городской военный комиссариат на медицинскую комиссию. Врачи с особой тщательностью осматривали каждого. Никаких отклонений в здоровье не нашли. Всем вынесли заключение: «Годеи к летной работе без ограничений».

В конце рабочего дня военком объявил о назначении, выдал направления. В Качинскую школу летчиков едут И. Н. Степаненко, И. Ф. Ребрик, Н. С. Федосов, А. И. Медведев, В. М. Дрыгин, В. Е. Бондаренко и другие бывшие учлеты.

На сборы — пять дней. За это время надо рассчитаться на заводе, в аэроклубе, подготовиться всей командой к убытию. Времени мало.

— Ну, Ванюша, — сказал мне Иван, когда я, запыхавшись, прибежал и сообщил ему об отъезде, — избрал ты себе нелегкую дорогу. Желаю тебе на ней больших успехов.

Старший брат был для меня как отец. Не знал я тогда, что вижу Ивана и разговариваю с ним в последний раз. Он погибнет в первые дни войны, участвуя в отражении атак фашистов, рвущихся к Днепропетровску...

Нас тепло провожал весь завод. Товарищи давали наказ помнить о рабочем коллективе, честно служить Родине, героически, не щадя жизни, защищать ее от нападений любого врага, не забывая, какое сложное время переживает страна.

Международное положение было действительно сложным и напряженным. Черная тень фашизма нависла над Европой. Гитлеровцы рассматривали свою интервенцию в Испании как тренировку на полигоне, где они проверяли оружие. Они раструбили на весь мир, что Германия обладает самым мощным вооружением и что, в частности, новые истребители Me-109 во взаимодействии с итальянскими «фиатами» и «макки» завоевали господство в воздухе.

В фашистском бахвальстве было немало преувеличений. Наши добровольцы-летчики Я. В. Смушкевич, А. К. Серов, В. С. Хользунов, Л. Л. Шестаков, А. И. Гусев, С. П. Денисов, Е. С. Птухин, М. Якушин, И. Девогченко, А. Г. Карманов, многие другие героически

сражались в Испании с отборными фашистскими асами, и хваленые немецкие эскадры «Рихтгофен», «Кондор» не раз терпели поражения.

Лихорадочные приготовления империализма во главе с его передовым отрядом — фашизмом к войне не могли не вызвать ответных мер со стороны Советского Союза. Наша страна срочно и решительно предпринимала все возможное для укрепления своей обороноспособности.

... Мы торопились в Качу — наше старейшее летное училище. Там обучались летать первые летчики-асы, закладывались основы применения авиации. Нам, комсомольцам тридцатых годов, выпала честь продолжать традиции и боевую славу этого учебного заведения.

Поезд доставил нас в Севастополь, где состоялась встреча с представителями Качинской школы. Они посетили с нами панораму обороны Севастополя, показали стоящие на рейде грозные красавцы-корабли, познакомили нас с городом, словно вводя в преддверие будущей жизни и учебы.

В Качу прибыли вечером. Строгие корпуса школы высились на берегу Черного моря. В них размещались четыре учебные эскадрильи. Учебный отдел и классы располагались вблизи аэродрома.

Всех нас, прибывших из Днепродзержинского аэроклуба, зачислили в первую эскадрилью к майору Гайдамаке. Итак, мы стали курсантами.

Пройдя курс молодого бойца и приняв присягу, мы быстрыми темпами включились в учебу по программе, которую нам предстояло (в отличие от предыдущих выпусков) освоить не за 2–3 года, а за один. Этого требовала обстановка: стране нужны были новые и новые отряды летчиков, техников, других авиационных специалистов, способных осваивать новые самолеты и умело действовать на них.

Командиром звена был назначен старший лейтенант С. Аистов, нашим инструктором стал младший лейтенант В. П. Попутько.

— Надеюсь на ваши знания и энергию, — сказал он, знакомясь со своими подопечными. — Теперь все зависит только от вас.

Владимир Павлович Попутько был замечательным методистом. Строгий и взыскательный, он считал главным, чтобы курсант усвоил положенный материал, а уже если допустил ошибку, то чтобы непременно понял причины ее возникновения и стремился исправить ее. Постоянно заботясь о получении курсантами глубоких знаний, Попутько добивался от нас целенаправленности в учебе, требовал уяснения каждого полетного задания, проводил качественные разборы. Он следил за тем, чтобы все вели рабочие тетради, в которых бы накапливался материал об успехах и недостатках, и не уставал напоминать о том, как важно вновь и вновь просматривать заметки и учитывать их в работе ежедневно. Благодаря упорной работе нам удалось за несколько месяцев изучить самолет в полном объеме. Раньше на это уходили годы.

Полеты на истребителе давались нелегко. Сказывалось отсутствие привычки к большим скоростям. Следовало освоить особенности посадки, пилотажа в зоне, воздушного боя. Истребитель — грозная боевая машина, но побеждает она врага только в надежных и умелых руках.

После очередного полета и посадки Попутько, выслушав мой доклад, сказал:

— Сдвиги к лучшему у вас есть. Последовательно выполняйте все приемы, не торопитесь, не сбивайтесь с ритма. Главное — расторопность, четкость в действиях. Сумеете выдержать умственную и физическую нагрузку — станете военным летчиком.

Стану ли летчиком?

Этот вопрос волновал не только меня. Кое-кто уже сам убедился, что ему не под силу профессия, некоторых об этом поставили в известность врачи, инструктора или командир эскадрильи капитан Гайдамака. Так случилось, к примеру, с моим хорошим другом Николаем Федосовым. Полеты на истребителе для него оказались слишком тяжелым делом. Командир эскадрильи после нескольких контрольных проверок вызвал его и сказал:

— Жаль, но должен вам сообщить: нет у вас нужных данных. Учитесь на техника, моториста или выбирайте себе другую профессию.

Федосов ходил сам не свой. Переживали за него и мы, но что поделаешь! Чтобы стать авиатором, недостаточно только желания летать. И Федосов стал мотористом.

Занятия проходили с огромным напряжением. Один за другим курсанты держали экзамен в воздухе на знание летного дела и способность управлять боевой машиной. Все волновались, но с задачей справились успешно.

Наконец настал день экзамена и для меня. С нетерпением ожидал я на стоянке капитана Гайдамаку. Выслушав мой рапорт, он приказал садиться в машину... Взлетели на УТИ-4 и пошли в зону. Я выполнил весь заданный пилотаж и уже хотел было уходить на аэродром, когда майор сказал:

— Неплохо, курсант Степаненко, но вяловато. Смотри, как надо.

Он взял управление на себя, и самолет завертелся в воздухе, словно волчок. Каскады фигур переплетались так, что у меня от напряжения темнело в глазах.

После посадки командир эскадрильи определил:

— Курсанта Степаненко можно выпускать самостоятельно.

— Завтра готовьтесь к самостоятельному на И-16.— улыбнулся Попутько, довольный успешным завершением проверки.

— Один? — переспросил я недоверчиво.

— Конечно, — спокойно подтвердил инструктор.

Не прошло и года учебы, а мне уже поручают лететь на боевом истребителе! Не верилось, на инструктор не шутил. Лицо его было серьезным.

— Так вот, курсант Степаненко, — напутствовал меня на следующий день утром Попутько, — делаете обычный взлет, полет по кругу на высоте тысяча метров. Не упустите направления на взлете — машина может развернуться на сто восемьдесят градусов. Помните: И-16 имеет большое сопротивление и малые крылья. Ниже ста пятидесяти метров не разворачивайтесь. Внимательно следите за воздухом: машин по кругу летает много. Если что, не стесняйтесь, уходите на второй круг, — Попутько прекрасно понимал, что творится в моей душе, и старался успокоить.

Сижу в кабине. Он нервного напряжения стучит в висках.

— Все понятно?

— Да. Готов к самостоятельному полету!

— Запускайте мотор и выруливайте.

Стартер курсант Медведев взмахивает флажком в направлении взлета. Сопровождающий курсант Ребрик взял руку под козырек. Это означает, что можно взлетать. Лицо моего друга Ивана Ребрика сияет. Я машу ему рукой.

Дорога в небо открыта, и она манит меня в голубую даль. Даю полный газ. Боевая машина бежит по взлетной полосе, набирает скорость и, оторвавшись от земли, устремляется ввысь.

Моя мечта сбывается. Думаю, если человек по-настоящему захочет испытать себя в каком-то деле, то обязательно своего добьется. Для этого нужны упорство, стремление отдать все свои силы и умение без остатка самому главному делу твоей жизни.

Первый самостоятельный полет прошел нормально. Попутько похвалил меня.

— На сегодня хватит, — сказал коротко. — Завтра будет сложнее.

В этот же день я видел, как проходил над Качей на новом истребителе Герой Советского Союза С. П. Супрун. Машина чудесная — изящная, остроносая, с отличной скоростью. Промелькнула над городком, как метеор.

— На такой полетать бы, — вырвалось у меня. Инструктор улыбнулся.

— Еще полетаете. Качинцы всегда были первыми. Попутько гордился школой. И имел на это полные основания. Здесь были разработаны первые программы обучения и подготовки летчиков, инструкции по боевому применению авиации, поведению пилота в воздухе, которые вошли в практику других школ и авиационных подразделений. Штурм неба продолжается здесь по сей день.

В те дни напряженной учебы мы еще не знали, что пройдет немного времени и Кача даст стране 250 Героев Советского Союза, двенадцать из них станут дважды Героями — Амет-Хан Султан, М. З. Бондаренко, Д. Б. Глинка, А. Т. Карпов, А. И. Колдунов, Г. П. Кравченко, Б. Ф. Сафонов, Я. В. Смушкевич, И. Н. Степаненко, С. П. Супрун, П. А. Таран, В. А. Шаталов, а один — А. И. Покрышкин — трижды Героем Советского Союза.

Клич, брошенный ленинским комсомолом в 1936 году: «Дадим стране 150 тысяч летчиков!», — был выполнен.

Наступил июнь 1941-го. Мы упорно готовились к выпускным экзаменам, зубрили теорию, много летали, закаляли себя физически, понимая, какие нелегкие испытания могут выпасть на нашу долю. Спешили. Причины веские. Фашистская Германия оккупировала почти всю Западную Европу. В небе Испании, Франции, Польши, Чехословакии господствовали чернокрылые бандиты Геринга, наводя ужас на мирное население, беспощадно истребляя его. Враг стоял у наших границ.

В напряженном, нелегком труде завоевывали мы знания авиационной техники, умение управлять ею, осваивали тактические приемы. Обучаясь в классах и на аэродроме, твердо и непоколебимо верили в могущество нашей армии и авиации, и никакие угрозы со стороны империалистов не страшили нас. Курсанты знали: качинцы оправдают славные традиции школы, носящей имя большевика-ленинца Александра Федоровича Мясникова.

Первые испытания

В то воскресное утро 22 июня 1941 года так хотелось вволю поспать! Накануне вечером, как обычно по субботам, у нас состоялись гуляния. Перед этим мы играли в волейбол, слушали музыку, купались в море. Отбой ко сну полагался на час позже, чем в обычные дни. Потому-то и спалось очень сладко.

На рассвете нас разбудили взрывы необычной силы, доносившиеся со стороны Севастополя. В воздухе слышалось незнакомое гудение.

Мы повскакивали с постелей.

— В чем дело?

— Что случилось?

Кто-то передал полученный по телефону приказ: «Боевая тревога!..»

Вмиг ожила казарма, поднялись по тревоге все, кто находился в летной школе, — летчики и техники, мотористы и инженеры, связисты и преподаватели.

Быстро расхватываем снаряжение, винтовки, бежим во двор на построение. Старшина эскадрильи курсант Пасько командует:

— В две шеренги... становись! Всем проверить оружие и противогазы!

Над акваторией бухты гремят малокалиберные пушки, всплескивается пламя бомбовых разрывов. Один из самолетов, оставляя дымный шлейф, срывается в воду.

Старшина, не задерживая строй, командует:

— Эскадрилья, на аэродром, — бегом марш! Запыхавшись, бежим к ангарам, чтобы по сигналу быстро выкатить машины на летное поле.

Торопимся, но все же успеваем переброситься словами:

— Неужели война?!

— Фашисты...

— А может, турки? — неуверенно спрашивает кто-то. — Они ведь с нами рядом, рукой подать.

— Куда там туркам... Не посмеют.

— А фашисты?

— От этих можно всего ожидать...

От подошедших офицеров узнаем: фашистская Германия.

Какое неслыханное злодейство! Ведь совсем недавно подписан договор о ненападении, обещавший стране мирную перспективу, успокоивший людей. А сегодня бомбы падают на Севастополь, на порт, на корабли. Как же так?

— Может, и танки двинули на нас? — мрачно произносит, ни к кому не обращаясь, Иван Ребрик. Он идет впереди меня, тяжело дышит, неся снаряжение.

— Конечно, — предполагает Степан Тетерюк. — Одними самолетами многого не достигнешь.

— А тебе откуда известно? — вмешивается кто-то из идущих позади. — Возможно, это всего-навсего провокация. Местного значения...

Прибыв на аэродром, выводим машины из ангаров, поближе к стартовой площадке. Наши наставники — инструкторы Попутько и Козенко — уже вылетели оборонять Севастополь. Спустя полчаса вернулись — сбить фашистские самолеты не удалось, они ретировались в сторону моря. Наготове И. Сидоров, В. Луцкий, С. Аистов. Они сидят в кабинах, ждут сигнала. Вспыхивает красная ракета, и машины взмывают в небо. Первый полет для барражирования. Израсходовав горючее, возвращаются.

В памяти всплывают лекции по тактике. «Первыми наносят удар по бомбардировщикам противника менее скоростные истребители И-15, затем скоростные И-16, они сковывают боем истребителей противника и завершают его разгром, — слышу, будто наяву, голос преподавателя. — Противник воспламеняется, горит и падает...» Все это теоретически верно, а как на практике? Поживем, увидим...

На аэродроме устанавливается относительная тишина. Лишь время от времени то в одном, то в другом конце взлетного поля техники и мотористы прогревают двигатели машин, проверяют их готовность. Нас тревожит неизвестность.

В полдень обстановка проясняется из выступления по радио заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров и наркома иностранных дел В. М. Молотова: без объявления войны на нашу Родину предательски напала фашистская Германия. Коричневые полчища гитлеровских головорезов вероломно двинулись на советскую землю.

Вскоре после окончания правительственного, сообщения начальник Качинской школы генерал-майор авиации А. А. Туржанский построил личный состав и объявил:

— Вы уже знаете, что налет фашистских Самолетов, бомбежка Севастополя — это не провокация, это — война! Тяжелая, кровавая, навязанная врагами советскому народу. Нападению подверглись и другие города и села нашей Родины. С этого часа вся работа школы перестраивается на военный лад, личный состав переводится на казарменное положение. От нас, летчиков-инструкторов, требуется отдать все силы быстреей подготовке курсантов к выпуску, а если придется встретиться с врагом в воздухе — каждый, не колеблясь, отдаст жизнь для победы. К этому призывают нас партия и народ. Генерал сообщил, что учеба заканчивается.

— Экзамены будете держать на фронте в воздушных боях, — добавил он, обращаясь к выпускникам.

Над летным полем прозвучало дружное «ура!».

Раньше мы готовились к экзаменам со всем старанием. Но теперь обстоятельства изменились. Наши усилия и мысли были направлены к одному — скорее на фронт!

Война... Каждый из нас крепко сжимал кулаки, с тревогой вглядывался в небо. Кончилась наша курсантская жизнь. И мы готовы были по приказу Родины в любую минуту вступить в бой с врагом.

Слово предоставляется инструкторам, курсантам. Гневом полны слова выступающих, нет предела их ненависти к подлому врагу, нарушившему мирный труд советских людей.

— Могилой станет для фашистов советская земля. Они еще почувствуют силу нашего удара и на земле и в воздухе...

Из числа опытных инструкторов-летчиков при школе формируется боевое подразделение. Оно составит основу полка, в задачу которого вводит сопровождение на машинах И-16 тяжелых бомбардировщиков, летящих из Крыма для ударов по Констанце, Плоешти, Бухаресту, а также оборона Севастополя и Качинского аэродрома.

Спустя неделю нам объявили приказ. Все мы стали сержантами. Где-то в глубине души немного жалко было расставаться с Качинской школой, в которой проучились чуть

больше года. Конечно, хотелось бы приобрести побольше знаний, практических навыков. Но, казалось, и того, что уже есть, вполне достаточно для боя. Юношеская горячность и самоуверенность брали свое: ведь усвоен курс военного летчика-истребителя.

В минуты, когда прикрепляли на свои петлицы сержантские знаки различия, в памяти всплывали эпизоды недолгих месяцев учебы. Запомнилось посещение школы главкомом Военно-Воздушных Сил генерал-лейтенантом авиации Я. В. Смушкевичем. В тот день я был дневальным по учебно-летному отделу. Доложил главкому, а он пожал мне руку и сказал: «Хорошо несешь службу. Молодец...» Генерал держал себя очень просто. Уважение и восхищение вызывали у курсантов его скромность, воинская выправка, но больше всего приводили в восторг, конечно, две Золотые Звезды Героя и ордена, которые тогда носили на повседневной форме одежды. Не было среди нас ни одного, кто не мечтал бы стать таким летчиком, как главком. Да, теперь скоро и в бой. Это будет не только экзамен для вчерашних курсантов. Это также начало нового раздела в формуляре Качинской школы летчиков, а вместе с тем — начало новой судьбы каждого из нас.

На фронт

После торжественного митинга — прямо на автомобили. Наша группа — до тридцати молодых летчиков — едет на Юго-Западный фронт, в свою часть. Правда, пока никто не знает номера этой части, далеко не всем известен и маршрут.

Едем пока на север. В группе вместе со мной И. Ф. Ребрик, А. И. Медведев, С. Е. Тетерюк, В. М. Дрыгин, А. Н. Петушков и другие...

Из сообщений центральных газет и радио нам известно об упорных оборонительных боях советских войск на всех фронтах, в том числе и на Юго-Западном, о беспримерной стойкости и массовом героизме наших солдат. Гитлеровское командование рассчитывало, с ходу уничтожив пограничные заставы, захватить мосты, переправы и тем самым открыть главным силам вермахта путь на Украину. Но враг просчитался. Советские войска первого эшелона стойко и мужественно сдерживали натиск превосходящих сил противника, самоотверженно сражались с немецкими асами и наши славные авиаторы. На рассвете 22 июня в 4 часа 25 минут летчик-истребитель старший лейтенант И. И. Иванов таранным ударом сразил фашистского пирата. Это был первый таран в Великой Отечественной войне. Час спустя летчик комсомолец младший лейтенант Л. Г. Бутелин, вступив в решительную схватку с фашистскими стервятниками в небе над Галичем, таранил на малой высоте бомбардировщик Ю-88.

Боевые подвиги в первый день войны совершили командир эскадрильи капитан М. П. Жуков, летчики старший политрук К. С. Сердюцкий, капитан И. Д. Гейбо и многие другие. 22 июня на Юго-Западном фронте в воздушных боях нашими летчиками было сбито 46 фашистских самолетов. Но силы были неравны, и частям Красной Армии приходилось с боями отходить.

Добравшись до Запорожья поездом, вновь пересели на автомашины. Наконец, позади остался Днепр. Все дороги и речные переправы забиты войсками и толпами беженцев. Кажется, мы не едем, а плывем в пыли. Чем ближе к фронту, тем больше трагических следов войны и ощутимее ее присутствие: дома с пустыми черными глазницами вместо окон, обезображенные

паровозы вверх колесами, разорванные и погнутые рельсы, тысячи людей, усталых и измученных, одетых кое-как... Женщины, дети, старики и старухи с котомками на спинах спешат на восток. В испуганных глазах одна мысль: уйти подальше от грохота и огня.

Катятся телеги, арбы, коляски, ползут, переваливаясь с боку на бок, трактора. Взбивая густую пыль, плетется колхозный скот. Автомобили и танки прижимают их к обочинам, но люди торопятся, неся свое горе дальше и дальше на восток, за Днепр.

Все больше раненых солдат — на автомобилях, повозках. Перебинтованы руки, шеи, головы. Вот на телеге окровавленный боец. Он стонет, упрашивая ездоного: «Не тряси, браток... Да тише ты...» Ездовой уже не обращает на него внимания, подгоняет обессилевших потных лошадок: «Пошли, милые...». Далеко ли довезешь его по такой дороге?..

Колонны войск держат путь на запад. Машины, пушки, пулеметы. Конница. Танки. И мы в этом потоке движемся все быстрее, увереннее.

В Первомайске на площади у горсовета многолюдно. Здесь — привал. Красноармейцы пополняют запасы воды, продовольствия, отдыхают.

К нам подходит пожилой солдат с переброшенной через плечо скаткой шинели. Одна рука у него перебинтована, здоровую он протягивает со свернутым из газетной бумаги «козликом»:

— Не угостите ли махорочкой, товарищи соколы?

Один из сержантов достает из кармана коробку «Казбека», раскрывает и протягивает бойцу. Прокуренными пальцами тот выдергивает одну папиросу, с наслаждением закуривает.

— Как там на передовой? — спрашиваем осторожно.

— Лютует, гад, ох как лютует! — вздыхает солдат. Затягивается дымком, причмокивает: — Зверь зверем. Никакой пощады ни малому, ни старому. Для всех одна мера — пуля. Никакая агитация не поможет. Только сила на силу.

Пуля и виселица — вот что уготовил Гитлер для всех, кто не покорится, не сдастся на милость оккупантам.

— Скорее бы в часть, да по морде фашиста, по морде... — стиснул в гневе кулаки Иван Ребрик.

Наконец прибываем в авиационный полк. Нас размещают, кормят и неожиданно объявляют: будете переучиваться на новый

штурмовик Ил-2.

Беремся за учебу с большим энтузиазмом. Штурмовик, бронированный, с мощным вооружением и кабиной для стрелка, нам нравится. Учеба длится неделю. Вдруг где-то в штабах разобрались, что мы истребители, и — новый приказ.

Двигаемся дальше. Скорее в боевую часть, а то, гляди, и война закончится! Получить бы самолеты — и сразу в небо...

Город Котовск, Балта. Выгружаемся на полевом аэродроме. Фронт близко, мы его слышим. Над нами кружат фашистские стервятники, грохочут зенитки. Передовая извещает о себе орудийным громом.

На полевом аэродроме в зелени кукурузы и на опушке леса застыли замаскированные истребители И-15, И-16, МиГ-3, И-153 «Чайка». Мы воспрянули духом: теперь налетаемся! Стоим усталые, запыленные, изголодавшиеся. Но не внешний вид определяет нашу боевую готовность. Сердца требуют: быстрее в бой, смерть фашистским гадам — за гибель отцов и матерей, за слезы, страдания и лишения народа!

Личный состав полка выстроен для встречи с командирами. Мы ждем, с нетерпением поглядываем на дорогу. Вот и машина.

— Вы прибыли в Четвертый авиационный полк, — объявил нам энергичный майор, легко соскочивший со ступенек подъехавшей к нам «эмки». — Я командир полка Орлов Владимир Николаевич, рядом со мной — старший батальонный комиссар Миронов Николай Иванович.

С остальным начальствующим составом познакомитесь на службе. Самолеты — вот они, — кивнул он в сторону кукурузного поля.

Наличие такого количества и разнообразие самолетов в одном полку сразу успокоили и подбодрили нас. Откуда-то упорно ползли слухи, будто фашистам в первую же ночь удалось уничтожить всю нашу авиацию, а потому летчикам придется воевать в пехоте.

— Об обстановке на фронтах и боевой работе полка сообщит старший батальонный комиссар, — сказал далее Орлов.

— Комиссар коротко рассказал нам о положении на фронтах.

— Как ни тяжело об этом говорить, — подчеркнул он в кратком сообщении, — но противник пока продвигается на всех направлениях огромного советско-германского фронта. Он рвется

в глубь страны, бои идут на минском, киевском, ленинградском направлениях.

Советские воины проявляют массовый героизм. Жестокие сражения наших танковых частей в районе Луцк, Броды, Ровно, Дубно задержали наступление фашистов на Киев. Противник приостановлен и на линии реки Березина. Фашисты остервенело рвутся к Днепру. Они имеют в большом количестве танки, артиллерию, конницу. Им помогают несколько румынских дивизий. Главарь румынских фашистов Антонеску надеется таким образом поживиться и заполучить в результате ожидаемой победы часть советской территории. Не будет этого!

Комиссар рассказал нам о подвиге командира эскадрильи капитана Н. Ф. Гастелло, о героизме летчиков-истребителей С. И. Здоровцева, П. Т. Харитонов, таранивших самолеты противника, ценой собственной жизни одержавших победу над врагом.

— Они переступили через смерть во имя Родины, и потому память о них бессмертна. Нам есть кем гордиться и на кого равняться. Командование Юго-Западного фронта принимает меры к тому, чтобы остановить рвущихся в глубь нашей страны фашистских захватчиков. Наша задача: прикрывать войска фронта от налетов авиации, поражать ее на аэродромах и в воздушных боях, штурмовыми действиями уничтожать войска противника.

Далее шла речь о боевом пути полка, подвигах летчиков — героев борьбы с белофиннами, о первых стычках с фашистами на земле Молдавии.

Полк был сформирован в конце апреля 1938 года, а 17 сентября уже принимал участие в освободительном походе Красной Армии в Западную Белоруссию. 7 января 1940 года перебазировался на другой аэродром, а весной того же года прибыл в город Кишинев и еще до начала войны уничтожил три самолета-нарушителя границы. Война застала полк на аэродроме Григориополь и Риваки. Фашисты при первых ударах не уничтожили ни одного самолета. Бомбардировке подверглись макеты, умышленно выставленные на открытых площадках ложного аэродрома.

— Теперь, — заключил старший батальонный комиссар, — полк защищает Кишинев и Балту, прикрывает переправы через Днестр, где сражаются наши войска.

Мог ли я знать тогда, что с этим полком, с его личным составом мне придется пройти — точнее, пролетать — всю войну до последнего ее часа, пережить много горя и радости.

После беседы мы разошлись вдохновленные. Рассказ комиссара укрепил веру в наши силы и возможности. Действительно, если к этому времени полк сохранил высокую боеспособность и продолжает драться с врагом, то теперь, когда в его ряды вливаются молодые летчики, полные энергии, отлично теоретически подготовленные, его могущество, конечно же, возрастет. Каждый ожидал: вот вызовут, посадят в самолет — и в воздух!

Нас распределили по эскадрильям, звеньям. Отныне вся наша жизнь принадлежит авиации, полку, небу. Никто не думал о том, сколько жизни отмерено ему на войне.

Утром мы вновь на аэродроме. Погода солнечная, летняя. Пусть не примем участия в воздушном бою — еще не получили самолетов, — так хотя бы увидим его.

Однако интенсивных полетов не было. С аэродрома поднялся один МиГ-3. Летчик Иванов произвел облет машины после ремонта. На высоте две-три тысячи метров сделал один круг, другой, барражировал, испытывал двигатель на разных режимах. Никто из командиров, как и сам пилот, не ожидал опасности. И за такую беспечность летчик жестоко поплатился.

Со стороны солнца неожиданно вынырнули два «мессера» и с ходу, не применяя даже сложного маневра, ринулись в атаку. Пилот вряд ли успел понять, в чем дело. Самолет вспыхнул, как спичечный коробок. Длинный шлейф дыма протянулся с неба в кукурузное поле...

Это была первая гибель пилота, которую мне пришлось наблюдать на войне. Мы похоронили товарища недалеко от места падения. Всем было ясно, что в полете он не проявил достаточной осмотрительности и потому не успел принять бой. Долго об этом говорили. Высказывались разные соображения — особенно молодыми летчиками — как действовать в таких случаях. «Следовало бы спикировать, а потом...», «Отвернул бы в сторону — и на прицел...»

Капитан Постнов, командир нашего звена, сказал:

— За науку расплачиваемся жизнями. Иванову усваивать поздно, а остальным — обязательно! Когда враг наступает, осмотрительность — главное оружие летчика. Если бы он своевременно сманеврировал, а потом, улучив момент, сам перешел в наступление, то и победу мог обеспечить. Ошибка влечет за собой расплату.

Угнетающее впечатление произвела на нас неожиданная и такая бессмысленная смерть пилота. Однако она напомнила нам не только об осмотрительности в полете, но и о многом другом: нельзя недооценивать врага, когда он силен и подготовлен лучше нас.

Налеты вражеской авиации на наш аэродром участились, но и мы не сидели без дела. Командир полка посылал более опытных летчиков для охраны важных объектов, перехвата вражеских бомбардировщиков.

Из состава полка для прикрытия Кишинева и железной дороги Кишинев — Тирасполь была выделена эскадрилья прославленного летчика-орденоносца капитана Афанасия Георгиевича Карманова. До войны Карманов работал летчиком-испытателем, воевал в Испании, имел правительственные награды. На Карельском перешейке в его эскадрилье и произошел тот случай, о котором позже узнала вся страна.

Карманов возвращался с боевого задания, когда у ведомого Анатолия Афанасьевича Морозова стал давать перебои двигатель. Скорость и высота быстро падали. Попытки Анатолия дать больше газа, сманеврировать не увенчались успехом. Единственно возможный выход — вынужденная посадка. Но под крыльями — снежные сугробы, лес и белофинны. Однако раздумывать нечего. Определив расстояние до голубеющего подо льдом озера, Морозов условным знаком сообщил командиру: сажусь.

В полукилометре от озера Морозов еще с воздуха рассмотрел рубленый домик с толпившимися подле него вражескими солдатами. Заметив приземляющийся на лед

29

советский самолет, они метнулись за дом, опасаясь, видимо, обстрела, но потом, осмелев, двинулись на лыжах к поврежденной машине.

Карманов, передав управление эскадрильей своему заместителю, решился сесть рядом с ведомым. Анатолий подбежал к машине командира и с трудом втиснулся в кабину, рассчитанную на одного человека. Чтобы дать товарищу хотя бы немного места, А. Г. Карманов высунулся наружу. Теперь они оба стояли.

Белофинны, приближаясь к самолетам, били из пулеметов и винтовок. Пули секли фюзеляж, решетили крылья. Карманов прибавил газ, и «Чайка», набирая разгон, взмыла в воздух.

Путь из неминуемого плена был очень трудным. Теперь главным препятствием оказался мороз — термометр показывал минус 36 градусов. За полчаса полета к своему аэродрому лица друзей от набегавшего потока морозного воздуха покрылись ледяной коркой. Когда самолет приземлился, они оттаивали лед, прикладывая к щекам ладони. Потом Морозов бросился к другу и горячо его расцеловал.

— Спасибо, командир. До самой смерти не забуду!

Боевая выручка и дружба не раз спасали их от гибели. Теперь друзей и водой не разольешь. Здесь, у Кишинева, они сравнялись в должностях — Морозов тоже получил под свое командование эскадрилью.

...В состав группы Карманова, прикрывающей Кишинев, входило 15 боевых самолетов. На протяжении двух суток они не давали возможности противнику появляться над городом.

Вскорости группа была разделена на три подгруппы, по пять машин в каждой, что обеспечивало пребывание пяти самолетов в воздухе непрерывно с утра до позднего вечера. При таком боевом напряжении возник своеобразный метод экономии сил: едва натиск противника ослабевал, садилась и вторая пятерка, но уже не для заправки, а для кратковременного отдыха и ориентирования в обстановке.

По такому же методу группа Карманова работала и в тот день. Пятерка, возглавляемая лично капитаном, пошла на «подсадку», а в воздух были подняты другие пять машин. Не успели летчики, севшие с командиром, осмотреться, дозаправить самолеты, как на Кишинев прорвались десять «юнкерсов» под прикрытием «мессеров».

— На взлет! — подал команду Карманов, и машины с половинным запасом горючего взмыли в воздух.

...Атаки следовали одна за одной. В вихре боя Карманов заметил, как фашистский истребитель подкрадывается к ведомому, заходит ему в хвост. Капитан вошел в крутое пике и атаковал противника с разворота. Камуфлированный «мессер» вспыхнул, как факел, и пошел вниз.

Потеряв «мессершмитт», противник на какое-то время растерялся. Замешательством воспользовался Карманов, сбив еще один вражеский истребитель, но тут подоспела новая группа фашистов. Капитан не сворачивал, дрался до последнего патрона. Шесть «мессеров» набросились на безоружную машину, когда у нее остановился двигатель — вышло горючее. И тогда Карманов решил выпрыгнуть с парашютом. К несчастью, купол не раскрылся, так как шальным осколком был перебит вытяжной тросик. Спасти летчику не удалось...

Весть о героической гибели любимого командира и боевого товарища была воспринята в полку как большое общее горе. У многих на глазах блестели слезы, а старший лейтенант Морозов не мог сдержать рыданий. Он поклялся жестоко отомстить врагам за гибель своего боевого друга.

Вскоре Указом Президиума Верховного Совета СССР капитану А. Г. Карманову было присвоено звание Героя Советского Союза / посмертно/.

Мы, молодые летчики, пока не имевшие закрепленных машин и лишь наблюдавшие за событиями со своего аэродрома, не знали многого из того, что происходило в те дни в воздухе, и потому с особым вниманием слушали рассказы бывалых товарищей, уже не раз «понюхавших» пороха. Фронтовики принимали нас душевно и старались передать как можно больше из того, чему успели научиться сами, без каких бы то ни было прикрас и преуменьшения опасности.

На наши настойчивые вопросы, почему нас не пускают в боевые полеты (ведь самолеты есть!), командир звена младший лейтенант Гаранчук неизменно отвечал:

— Потерпите, хлопцы. Налетаетесь еще...

Время было очень трудное. Невеселые, мы слонялись из палаток на аэродром и обратно. В один из дней командир звена

отважный летчик Амет-Хан Султан пошутил:

— Куда это вы, молодежь, с торбами собрались? — А потом уже серьезно добавил: — На войне летчик должен иметь легкую экипировку. Придется перелетать — садись и скачи в своем реглане. Техникам с такими «сидорами» тяжело перебазироваться на попутном транспорте.

Что касается самого Амет-Хан Султана, ходил он в реглане, с противогазной сумкой, в которой помещались полотенце, бритва, мыло, зубной порошок и щетка. После этого разговора мы выбросили из своих вещмешков лишние вещи, но о регланах могли только мечтать.

...Каждый вечер, собравшись у общей палатки, слушаем рассказы командиров, спорим, обсуждаем боевые вылеты. Спорить есть о чем: на всех фронтах советская авиация действует активно, без передышек, авиаторы применяют новые приемы боя, вплоть до таранов на встречных курсах. Мы еще не полностью осознали значение тарана, не уяснили, как, при каких обстоятельствах целесообразнее всего использовать этот последний шанс летчика. Мне надолго врезался в память рассказ о таране, совершенном любимцем полка героем-летчиком Анатолием Морозовым.

Девятка МиГ-3 поднялась по сигналу ракеты. Ведущий — комиссар полка Н. И. Миронов, ведомым у него — старший лейтенант Анатолий Морозов. На ближних подступах к Кишиневу группа заметила около тридцати вражеских бомбардировщиков Ю-88. Вспыхнул неравный бой. После нескольких атак истребителей шесть «юнкерсов» рухнули на землю, остальные повернули обратно. Но для наших истребителей не было передышки: на них набросились «мессеры». Бой продолжался с новой силой.

Вечером всех летчиков собрали на разбор и подведение итогов боевого дня. В штабной палатке царила необычная тишина. Все уже знали: сегодня в неравном бою погиб Морозов — замечательный летчик, отважный командир, душевный товарищ.

О подробностях боя рассказывал старший батальонный комиссар Миронов:

— Противника мы встретили на подступах к станции Бальбока. «Юнкерсы» построились в круг, изготовившись к бомбежке.

Вражеские машины уже пошли в пике. Позиция — лучше не придумаешь. Я атаковал «юнкерса» первым, очередью прошил ему фюзеляж. Видимо, попал и в летчика, потому что фашист увеличил угол пикирования и врезался в землю недалеко от станции. Взорвался на собственных бомбах. Та же участь постигла и второй «юнкере». Он был атакован Толей Морозовым. Фашист вспыхнул в воздухе и зарылся в землю рядом с первым. При выходе из атаки мы с Морозовым попали под огонь двух «мессершмиттов»,седавших сверху. С трудом отбились. Но тут на нас посыпались удары второй и третьей группы. Последняя сосредоточила огонь на мне, но Толя перехватил удар на себя, бросился в атаку на ведущего «мессера» и не свернул в сторону... Голос комиссара, негромкий, хриплый, дрогнул. Николай Иванович на минуту умолк, устало и печально поглядел на нас, молодых, необстрелянных, и продолжил:

— После выхода из атаки я собственными глазами видел, как Толя таранил немца на большой скорости. Из одного огромного клубка дыма, словно метеоры, вылетели два двигателя, а потом, как при замедленной съемке, болтаясь, проплыли и крылья. Ниже на фоне земли вроде белели парашютные купола...

Начальник штаба полка майор П. А. Федюнин, подсчитав наши потери, объявил итог дня:

— Сбито шесть бомбардировщиков и три истребителя противника. Повреждена машина летчика Дица, сам он приземлился вблизи аэродрома. Не возвратился с боевого задания старший лейтенант Анатолий Морозов.

Разбор ежедневных полетов продолжался. Неожиданно у палатки послышался гудок автомобиля, кто-то отвернул дверь-полог и при свете «летучей мыши» адъютант командира полка радостно выкрикнул:

— Принимайте гостей!

Из-за его спины шагнул... Анатолий Морозов. Мы смотрели на него так, словно он вернулся с того света. Потом все разом бросились обнимать его и целовать.

Когда страсти несколько поутихли, старший батальонный комиссар Миронов, вытирая глаза, сказал:

— Ну, давай, рассказывай...

Анатолий устало улыбнулся, махнул рукой так, словно речь шла о чем-то обычном, второстепенном, не стоящем особого внимания.

— Когда третья группа «мессеров» напала на машину комиссара, я понял, что надо идти в лобовую на ведущего. Твердо решил не сворачивать перед фашистом. В последний миг стало страшно. Размалеванная громадина прет на меня... Сначала почувствовал удар... Треск... Затем тишина... Вижу: лечу на сиденье, а самолета нет. Оказывается, меня вышвырнуло вместе с креслом. Отталкиваюсь, раскрываю парашют. Земля еще далеко. В воздухе шныряют «мессершмитты», наши продолжают вести с ними бой.

Смотрю, «мой» фашист опережает меня в приземлении. Вспомнил основное правило парашютистов: нужно применить скольжение купола.

Потянул за стропы и камнем полетел вниз. Опредил-таки немца. Ну, думаю, теперь ты от меня не уйдешь! Тут прибежали красноармейцы, помогли обезоружить. Потом говорят: «Твой трофей — ты его и забирай». — Анатолий выглянул из палатки, негромко позвал: — Ребята, введите «трофей».

Полог палатки качнулся, и техники ввели гитлеровца.

— Так ты не только сбил два самолета, спас комиссара, но вдобавок взял в плен фашистского аса! — воскликнул командир полка майор Орлов. — Начальник штаба, сегодняшнее боевое донесение придется существенно переделать!

— Вас понял, товарищ майор, — с готовностью отчеканил Федюнин.

— И обязательно добавьте, — попросил комиссар, — и подчеркните: первый таран на встречном курсе. Геройский поступок!

Фашистский летчик, взятый в плен Морозовым, за разбой в Западной Европе был награжден железными крестами. Он стоял — высокий, худой, неуклюжий — и вытирал пот со лба.

— Сколько вам лет? — спросили его через переводчика.

— Двадцать семь.

Командир полка не поверил, переспросил еще раз.

— На вид вам значительно больше, — не выдержал Миронов. — Почему?

— Потому, — вражеский ас высокомерно вздернул голову, — что я воюю значительно больше, чем кто-либо из вас... Я сражался за великую Германию во Франции, Голландии, Дании, Норвегии, Греции, Польше...

Что и говорить, преуспел немало. Поразбойничал, набрался опыта воздушных боев. Значит, противник у Морозова был не новичок. Тем весомее подвиг Анатолия.

Пленного отправили в штаб дивизии, а Морозов продолжил свой рассказ, затем отвечал на вопросы товарищей.

Как сейчас вижу его перед собой: открытое лицо, прямой взгляд, нос с небольшой горбинкой, на правой щеке шрам — след ранения, полученного на Карельском перешейке. Он был очень скромным в поведении, ровным в отношении с товарищами, никогда не бахвалился, возможно, сам того недооценивал, что делал для общей победы, и даже смущался, если слышал похвалы в свой адрес.

Теперь мы еще крепче полюбили его за храбрость и самоотверженность, по-хорошему завидовали не только его мастерству и отваге, но и внешнему виду, воинской выправке. Мы сравнивали себя с Анатолием и стремились быть похожими на него. Естественно, что нам тоже хотелось в бой, в небо.

Спустя два дня нас собрал командир полка майор Орлов.

— Мне хорошо известны ваши настроения, — сказал он. — Знаю потому, что сам недавно работал в школе пилотов, воспитывал таких, как вы... Сейчас у вас одна мысль: как скоро пошлют на врага... Верно говорю?

— Так точно, — хором отвечаем мы, надеясь, что эта беседа станет началом ввода в боевой строй.

— Вы сами видите, как сейчас тяжело, — вздохнул майор и внимательно посмотрел на каждого из нас. — Всем нам — вы понимаете, молодым в особенности, — нужно много учиться, овладевать техникой и практикой. В условиях перевеса сил со стороны противника только опытным авиаторам можно вылетать на задания. Выполнить их могут лишь бывалые воины. Для вас мы создаем учебную эскадрилью под руководством знатоков летного дела. А вас в бой посылать пока рановато...

Учебную эскадрилью возглавил заместитель командира полка майор А. А. Терешкин. Полеты производились на И-153 «Чайка», и

то редко: не хватало горючего, запасных частей. Самолетный парк таял, уменьшался, шли ожесточенные бои.

Майор Орлов хорошо знал противника. Из встреч в небе делал выводы, знакомил с ними нас. Сам он сбил нескольких фашистских асов. Как-то командир полка во главе эскадрильи вылетел на прикрытие переправ через Днестр. С разных направлений туда же тянулись группы вражеских бомбардировщиков и «мессеров». Хотя противник имел большое количественное преимущество, уклоняться от боя Орлов не привык. С первой же атаки он сбил «хейнкель» и только зашел в хвост Me-109, как на него набросились несколько фашистов. Машина загорелась, и Орлову пришлось выпрыгнуть с парашютом.

В другом бою командир полка сбил бомбардировщик, который упал на Александровской улице в Кишиневе.

В третьем, где несколько наших самолетов сражались против двадцати шести «мессеров», майор лично уничтожил три вражеских машины.

Командир и комиссар полка прекрасно сознавали, что против вышколенных, опытных пиратов нельзя выпускать нас, зеленую молодежь. Они умели тактично объяснить существо дела, по-отечески заботились о будущих кадрах советской авиации.

Дороги на восток

Линия фронта приближается. С каждым днем все громче артиллерийская канонада. Противник по несколько раз в день бомбит железнодорожную станцию у Балты, обстреливает дороги, пытаясь нанести советским войскам чувствительные удары. Наши отходят с тяжелыми боями. Все гуще поток беженцев.

Мы с сержантом Дрыгиным еле добрались до аэродрома. Все дороги забиты эвакуированными. По беженцам ведут непрерывный огонь вражеские истребители, они гоняются даже за отдельными людьми. Зачем? Враги стремятся запугать, сломить волю советских людей, чтобы затем поработить наш народ, заставить работать на нацию «господ-арийцев». Для этого фашисты прибегают к варварскому истреблению мирных жителей, не желающих оставаться на оккупированной территории.

К нам с Дрыгиным подходит Иван Ребрик. Усталый, бледный, а в глазах столько боли и ненависти, что мы сразу догадываемся: он тоже тяжело переживает безнаказанность действий гитлеровских разбойников.

Уже очевидно, что вскоре придется и нам перебазироваться на другой аэродром, на восток. Настроение неважное. К тому же раздражает головотяпство некоторых интендантов. Мы уже знали о приказе командования уничтожать все материальные ценности, которые не представляется возможным эвакуировать, чтобы они не достались врагу, поэтому не удивились, когда на горе, где находился интендантский склад, полыхнуло пламя. Жаль только, что не раздали летчикам кожаные регланы, которые, как рассказывали бывалые пилоты, предохраняли какое-то время авиатора от ожогов, если кабину охватывал огонь. Комиссар и командир полка пытались убедить интендантов выдать летному составу регланы, но безуспешно. «У нас приказ...» — таким был ответ.

Утром летчики нашей 20-й АД штурмовали аэродромы противника в его глубоком тылу — Фокшаны, Бакэу, Пьятры, Пирлица-Тур, Васлуй. Тринадцать вражеских самолетов было уничтожено, немало повреждено. На обратном пути А. А. Морозов, В. С. Нагорный, В. Ф. Щеголев, Ф. Н. Зубенко, А. Г. Ищук

наткнулись на колонну румынской конницы. Воспользовавшись случаем, сделали четыре захода. Внизу возникла паника.

При очередном заходе на цель в машину Нагорного попал вражеский снаряд. Самолет развалился. Летчик выпрыгнул и угодил, было, в плен, однако ему удалось бежать; на третий день Нагорный прибыл в свой полк.

Бои становились все более упорными и жестокими: наши авиаторы дрались с беспримерным героизмом, не давая противнику возможности уйти от расплаты.

...На высоте 600 метров над нашим аэродромом появился разведчик противника Ю-88. Из дежурного звена на перехват врага поднялись машины лейтенантов М. П. Галкина и Н. И. Рыжкова. Догнав, они атаковали фашиста с двух сторон. Длинной очередью Галкин сбил «юнкерс» прямо над своим аэродромом. Какая это была радость для всего полка! Перед нами лежала груда металлолома с фашистской свастикой.

— Смотрите, — сказал комиссар полка Н. И. Миронов. — Не выдерживает фашист, рушится, если по нему бьют наши мастера боя. Вот вам самое убедительное доказательство: бить фашиста — можно! И довольно успешно!

Вскоре наземные войска противника подошли совсем близко. Отчетливо слышались артиллерийская стрельба, лязг немецких танков, у стоянок самолетов рвались снаряды. Оставаться здесь далее было опасно. Полк перебазировался на новое место вблизи Аскании-Новой. Следующий пункт дислокации — Геничesk. Здесь задержались около месяца. Молодые летчики продолжали интенсивно совершенствовать технику пилотирования на УТ-4 применительно к новому МиГ-3. Майор Терешкин просто и доходчиво объяснял особенности устройства материальной части «мига», его боевое назначение, приемы работы пилота. Майор и потом, пролетав в 4-м истребительном много месяцев, в ходе боев был одним из лучших наших наставников.

В Геничesке полк похоронил своего боевого командира майора Владимира Николаевича Орлова, трагически погибшего при исполнении служебных обязанностей. Личный состав глубоко переживал тяжелую утрату. Похороны состоялись со всеми воинскими почестями, с пролетом боевых самолетов над могилой.

Запомнились те несколько дней, когда полк базировался в Мариуполе.

Приближалась осень, по ночам уже было холодно. Когда мы прибыли в город, командир созвал летчиков и сообщил, что начальник порта любезно согласился предоставить нам для ночлега один из кораблей — парусное судно «Товарищ». Мы обрадовались. Теплые, уютные каюты, чистый морской воздух — как говорится, предел мечтаний. После ночевки на аэродромах под самолетами, в поле, в скирдах соломы, в колхозных сараях для нас открывалась почти райская перспектива.

Летчики, добравшись до просторной палубы и кубриков исторического корабля парусного флота, шутили:

— От цыганской житухи — к барской. Здорово!

— Из летчиков — в морские волки!

— Сюда бы еще сенца — слаще бы спалось. Быстро темнело. Мы приготовились к отдыху. Многие, устав за день, тотчас уснули.

Рядом со мной на узком матрасе вертелся Иван Ребрик.

— Никак не приспособлюсь, — бормотал он себе под нос. Вдруг замолчал, прислушался. — Слышишь?

Я затаил дыхание. Откуда-то издали доносилось прерывистое гудение.

— Куда-то направляются, сволочи. Тяжелые... Укладываемся поудобнее. Надо быстрее уснуть, ведь подъем предстоит ранний. Но ненавистное гудение все ближе. Неужели сюда?..

Кто не спал, зашептались, заспорили. Лейтенант Флейшман успокоил всех: волноваться нечего. В порту Мариуполя военные корабли не базируются, а допотопный парусник вряд ли может стать объектом для бомбового удара.

Довод показался основательным, разговоры прекратились... Однако гул двигателей неуклонно нарастал. Вот он где-то совсем рядом, дребезжат стекла, скрипит старый корабль, и даже море становится беспокойным. Вражеские бомбовозы разворачиваются прямо над нами. Бомбы с воем падают в воду: одна, вторая, третья... Глухие взрывы угрожающе сотрясают «Товарищ». Его бросает на волнах, словно щепку. Сколько их упало тогда справа и слева, спереди и сзади? В нас, однако, ни одна не попала.

Когда фашистские бандиты сбросили в воду весь груз и улетели прочь, мы снова улеглись на свои койки.

— Не научились-таки фрицы попадать в малоразмерные цели, — подвел итог налету Амет-Хан Султан.

— Поживем — увидим, — вздохнул Александр Ищук.

— Хватит вам, теоретики, — прикрикнул на них помощник начальника штаба по связи старший лейтенант Алексей Цыганков. — Спать пора.

Но заснуть не удалось: с того же направления вновь послышалось ненавистное гудение. Пришлось срочно эвакуироваться с корабля на берег. Притаившись у скирд на поле, мы оттуда наблюдали за взрывами.

Мариупольский порт в ту ночь стал объектом ожесточенной бомбардировки. Трудно объяснить, почему. Возможно, вражеская разведка приняла учебный парусник за боевой корабль. Так или иначе, бомбежка не принесла фашистам желаемых результатов: «Товарищ» остался невредим.

На полевом аэродроме, куда перебазировался полк, продолжались боевая работа и учеба. С огромным вниманием мы слушали рассказы участников воздушных боев, жадно усваивали все, что могло пригодиться при встрече с сильным и коварным противником. Часто такие беседы проводил с нами, молодежью, Анатолий Морозов. Просто, без рисовки, с шутками-прибаутками рассказывал он и показывал ладонями маневры, способы захода в атаку и выхода из нее. Знания, полученные в ходе этих бесед, дополнялись на занятиях, которые проводил майор Терешкин. У нас крепла уверенность в том, что добьемся своего, скоро закончим учебу и будем расправляться с противником так, как это делают наши прославленные асы.

Когда над аэродромом появилась «рама», мы поняли: жди беды. Так оно и вышло. Разведчик пролетел в небе на рассвете, а с восходом солнца большая группа «мессеров» атаковала самолетные стоянки, склад с горючим. Нескольким нашим машинам удалось взлететь, но навязанный им воздушный бой был неравным. Перекрещивались линии трасс, среди ватных разрывов зенитных снарядов белели купола парашютов. В воздухе — копоть, обрывки парашютов. Жарко полыхают склады, трещит, оседая, догорающая крестьянская изба. Еще час назад в ней смеялась, щебетала двухлетняя девчушка. А сейчас окровавленная мать держит на руках мертвого ребенка...

Мы покидаем разрушенный аэродром. Жители прилегающего села вышли нас проводить. Стоят, понуриив головы, в глазах горечь, немой укор: на кого нас оставляете?

Взлетает последний самолет. Благо, погода отвратительная, и фашистские пираты не смогут нас преследовать. Батайск. Ростов-на-Дону. Здесь мы задерживаемся на несколько дней в ожидании дальнейших указаний.

Враг продвигается к Ростову...

На новую технику

Линия фронта то быстро, то — медленнее перемещалась на восток. На южном направлении она приближалась к Мариуполю и Ростову-на-Дону. Враг неистовствовал. А мы рвались в полеты.

— Подождите еще немного, — успокаивали нас знатоки штабных разговоров и планов. — По всем признакам, что-то готовится. Видать, скоро получим новые «миги».

Однажды после завтрака летчиков построили в общем строю. Новый командир полка подполковник А. В. Серенко сказал:

— Товарищи, мы получили чрезвычайной важности задание. Сегодня вылетаем на другой аэродром. Материальную часть оставляем здесь. Подробнее о предстоящей работе поговорим на месте.

Разошлись, готовимся в путь. Кое-кто недоволен: почему, мол, не сообщить, какое именно задание, куда летим. Всегда сдержанный и рассудительный сержант Дрыгин возражает:

— Куда и зачем летим — хочется знать не только нашему брату. Еще больше этим вопросом интересуется немец.

Тут же голос дежурного:

— Сержант Дрыгин, на выход!

Спустя минуту Дрыгин возвращается и сообщает:

— С вами не лечу.

Друзья шутят: «Неохота расставаться с морским воздухом».

Вместе с несколькими другими летчиками сержант Дрыгин оставлен в составе авиационной группировки, обеспечивающей защиту Ростова.

...Транспортные самолеты высадили нас на одном из северных аэродромов. Можно сказать, глубокий тыл, но могучее дыхание фронта чувствовалось и здесь. Заметной была деятельность войсковых тыловиков, занятых снабжением армии, формированием и подготовкой частей. Встречались офицеры и солдаты, прибывшие по разным делам из действующей армии: наспех перебинтованные, с полевыми сумками, вещевыми мешками. У многих вырезанные из консервных банок знаки различия на петлицах.

Зима в этих местах весьма сурова. В военной городке, куда нас отвезли на автомашинах, свободно разгуливал северный ветер, и потому в классах, которые на первых порах служили нам и общежитием, трещал такой же мороз, как и на улице. Ни коменданта, ни истопников не было, поэтому мы сами организовали «поход за теплом»: назначили дровосеков, дежурных, дневальных. И вот в печах уже затрещали дрова, запасами которых так богаты здешние места.

В столовой, до отказа набитой военными, мы впервые увидели, людей в незнакомой нам форме английских ВВС. Позже мы стали хорошими друзьями.

Вечером командир полка подполковник Серенко сообщил задание. Нам предстояло в кратчайший срок, за месяц-полтора, овладеть английским самолетом «Хаукер Харрикейн».

Снова учеба, теперь уже в глубоком тылу. Бои далеко на западе.

Английские самолеты, вернее их узлы и детали, находились на аэродроме в больших деревянных ящиках. Мы сами распаковывали их и собирали. Это помогало освоить материальную часть.

Переучиванием руководили подполковник П. С. Акуленко и полковник И. И. Шумов. Затруднения вызывало отсутствие учебно-тренировочных истребителей, за исключением старых У-2, на которых можно получить провозные полеты. После прохождения теоретического курса нам дали по два провозных на имеющемся самолете применительно к «харрикейну» и разрешили самостоятельные.

Летали мы неплохо, начали ходить в зону на пилотаж и боевое применение. Самолет сам по себе тяжелый и скорее напоминал штурмовик, чем истребитель. Имел он на вооружении двенадцать пулеметов калибра 7,62 миллиметра — маломощное вооружение, непригодное для дальнего боя.

С самого начала мы знали, что машина эта, устаревшей конструкции, снята с вооружения английских ВВС. Стали известны и изъяны, с которыми мы незамедлительно встретились.

На «харрикейнах» стояли двигатели с водяным охлаждением и большим сотовым радиатором. В условиях русской зимы радиатор

часто замерзал, двигатель выходил из строя. Кроме того, подводил деревянный трехлопастный винт, который часто ломался.

Последнее обстоятельство особенно волновало летчиков. Дело в том, что машина имела переднюю центровку и на мягком грунте или на снегу ее хвост поднимался вверх. Случалось, она капотировала на нос, и тогда лопасти винта касались своими концами рулежной дорожки, ломались. Резервных лопастей было очень мало — англичане не предвидели такой оказии со своими изделиями.

Где выход? Его искали и инженеры, и пилоты. Переохлаждения и замерзания можно избежать: утепляй и прогревай мотор, умело пользуйся режимом полета. А как быть с винтами? Долго обсуждали, экспериментировали, спорили, пробовали, испытывали. А время не ждало.

Один из наших техников — старший техник-лейтенант Александр Мельников, смелый и смекалистый парень, предложил своему командиру старшему лейтенанту Ищуку собственный вариант «борьбы» с капотированием «харрикейна».

— Способ очень простой, — объяснил он. — Когда будете выруливать для взлета, я сяду на хвост машины. Полагаю, мой вес повлияет на центровку, и машина не клюнет носом.

Посоветовавшись с инженером, доложили о предложении командиру полка. Попробовали. Держась руками за хвост, Мельников, как на коне, проехал по аэродрому верхом на фюзеляже один раз, другой. Самолет ускорял и замедлял бег — капотирования не происходило. Винт оставался целым. Результат поразил всех. Но особенность состояла в том, что Мельников сидел не вперед лицом по ходу движения, а спиной, держась руками за хвост.

— Ну, ребята, теперь учитесь седлать «харрикейна», — шутил старший инженер полка инженер-капитан Григорий Сергеевич Айвазов. — Кто не ездил на рысаках орловской породы, пусть покатается на скакуне английской королевы...

Техники, рискуя жизнью, боролись за безаварийность заграничной машины на наших аэродромах. Само по себе пребывание на хвосте во время руления не гарантировало безопасности «седока». Но с этим можно бы мириться. Случались казусы куда неприятнее, если летчик, волнуясь, забывал, что на

хвосте его самолета — человек, и, торопясь, поднимался в воздух. Один такой полет действительно состоялся в полку. Поднявшись, летчик, к счастью, вспомнил о технике и тотчас приземлился. Техник обморозил руки и поседел. Но могло быть и хуже...

Способы борьбы с поломками винта искали не только в полку. Проблему удалось разрешить московским инженерам. Вскоре наши заводы наладили производство этой детали в нужном количестве.

Летно-тактические данные «харрикейна» тоже были не на высоте: максимальная скорость — 500 километров в час. В маневренности он уступал нашим истребителям. Очень беспокоила нас проблема перевооружения «харрикейна» нашим оружием крупных калибров. Скорее бы!

Полк заканчивал переучивание и доукомплектовывался молодым пополнением. Донимала суровая зима, но занятия проходили с большой нагрузкой. Готовые к отбытию на фронт, мы ожидали только сигнала.

Вскоре полк получил задачу прикрывать с воздуха Ярославль и Рыбинск, над которыми уже появлялись вражеские разведчики. Видимо, противник готовил удары по этим важным железнодорожным узлам и промышленным центрам.

Мы с Иваном Ребриком входили в состав эскадрильи капитана В. И. Москвина, опытного боевого летчика, имевшего на своем счету около сотни боевых вылетов и несколько сбитых самолетов врага. Из числа молодых командование выбрало нас с Иваном, доверив перегнать самолеты в район новой дислокации.

К началу февраля 1942 года мы перебазировались на новое место. Сели на поле, покрытое глубоким снегом: для посадки расчищалась лишь неширокая полоса, по обе стороны которой поднимались высокие снежные сугробы. Мы садились на такую полосу, как в глубокий коридор.

Вечером помылись в бане «по-ярославски», с березовыми вениками. Поужинав, пели песни. Иван Ребрик шутил, играл на гитаре. Теперь мы чувствовали себя настоящими истребителями. Всем присвоили звания старших сержантов. У нас есть свои боевые самолеты, и сегодня мы сели на заснеженную полосу наравне с опытными асами. Теперь нам и карты в руки...

На второй день, изучив район базирования по карте крупного масштаба, уточнив характерные ориентиры, командир звена старший лейтенант А. Д. Рыбакин вызвал Мосякина, Ребрика и меня.

— Слушай приказ, — объявил он. — Нам надлежит вылететь звеном по маршруту с целью изучения возможного района перехвата фашистских самолетов. Метод: наблюдение предметов на местности, сверка местности с картой, запоминание объектов, которые могут быть использованы как ориентиры. Замечу, что район Ярославля и Рыбинска, за исключением Волги, беден характерными ориентирами. Вокруг сплошные леса и болота.

Затем был определен порядок взлета и посадки.

Мы слушали приказ, затаив дыхание. Это уже боевая задача, и если встретим врага, то уклоняться не станем. Кроме того, облет района для нас означал, что наше комсомольское звено уйдет в боевой вылет первым.

...Запускаем моторы. Выруливаем. Вслед за командиром идут Мосякин, Ребрик. Теперь и моя очередь. Даю газ. Чувствую тяжелый бег колес по заснеженной дорожке. Двигатель работает ровно. Держу руки на рычагах. Беспокоит, что крылья почти касаются снежных сугробов. Зацепи чуть-чуть кончиком — и поломка, а то и авария. Мне не приходилось еще поднимать в воздух машину в таких условиях.

Самолет взлетел прямо и ровно. Итак, первый экзамен выдержан.

Построившись звеном в правом пеленге, прошли над стартом, как на параде. Внизу на фоне снега виднелись наши самолеты, снегоочистители, заправщики. Техники махали нам руками. Хотелось радоваться и петь: наконец-то в твоих руках грозное оружие. Теперь поскорее бы в бой!

В условленной зоне определили направление железных дорог, характерную конфигурацию лесных массивов и просек, населенных пунктов, водохранилищ. Возвращаемся домой. Командир снижается. Мы все идем за ним. Внизу вижу знакомые очертания летного поля. Скоро посадка, а там доклад о виденном, итоги, выводы. Завтра или послезавтра — боевое задание. Что же, машина и район облетаны, сам я давно готов к бою.

Подлетаю к аэродрому, готовлюсь заходить на посадку. Вдруг слышу внезапные перебои в двигателе. Тяга ослабевает. Проверяю кнопки зажигания, пробую сектор газа, пытаюсь увеличить скорость. Ничего не получается. Скорость молниеносно падает, самолет проваливается. Выпускаю шасси и снижаюсь. Прямо передо мной поле аэродрома. Вот колеса врезаются в снег. Проскочил полосу, не выдержав расстояния.

В конце пробега машина «клюнула» носом, сломался злосчастный винт... Вокруг меня поднялось большое облако снежной пыли.

Что теперь будет?

Прибежали техники, комиссар полка, подняли нос самолета, оттащили машину в сторону. Прибыл инженер.

— Докладывайте, — приказал строго. Отказал двигатель. Причины не знаю.

— Посмотрим.

Инженер полка Айвазов не «прогнозировал», хотя, безусловно, предвидел несколько возможных причин.

Осмотрели самолет, винт, опробовали управление, зажигание. Дошли до баков с горючим.

— Проверить основные, — приказывает Айвазов.

— В основных горючее выработано, — докладывают техники.

— Резервные!

Спустя минуту голос техника:

— Резервные не включались.

Так вот в чем дело! Горючее в основных баках закончилось. Следовало поставить кран на резервные — и двигатель заработал бы снова. Очень простое решение в создавшейся аварийной обстановке даже для самого молодого летчика.

Прошел час, и мне сообщили решение командира полка: за халатность, в результате которой произошла поломка боевого самолета, отдать меня под суд.

Моя вина была очевидной. Еще бы! Вывести из строя боевой самолет... И не при каких-то сложных обстоятельствах, а в обычных условиях, при облете района, вдали от боевых действий. И машина не старая, не побитая и потрепанная, а исправная, боееспособная. Вывод и решения командира были совершенно справедливы.

Прошел день, а меня почему-то не берут под арест. Лишь комсорг полка младший политрук Григорий Иванович Черных, встретив меня, со строгостью предупредил, что о моем проступке предстоит серьезный разговор на заседании комсомольского бюро.

— Потеряли комсомольскую ответственность, — сказал комсорг, перейдя со мной на «вы».

— Понимаю. А что теперь?

— Посмотрим, что решит бюро.

Я ходил как в воду опущенный два дня. На третий меня вызвал комиссар полка Миронов.

— Отдыхаешь? — спросил он и кивком указал на табуретку у стола.

— Вынужденная посадка, товарищ старший батальонный комиссар, — криво улыбнулся я.

Комиссар был задумчив и, как мне показалось, нервно вертел в пальцах карандаш.

— Как полагаешь, верно будет, если отдадим тебя под суд?

— Я готов понести любое наказание, — вырвалось у меня. — Заработал, товарищ комиссар. Допустил оплошность.

— Так... Значит, заработал? Так и следует понимать твои слова? — Миронов поднялся со стула, я тоже хотел вскочить, но он повел рукой, остановив меня, и прошел к двери.

— Правильно ты сказал. И главное, я считаю, в том, что человек, обдумав, сам кается, карает себя не менее жестоко, чем наказание, наложенное командиром или судом. Последнее действует не так, как собственное... Глубину своей вины за проступок почувствуешь тогда, когда устроишь суд над самим собою. Правду говоришь?

— Правду, товарищ старший батальонный...

— Так вот, — Николай Иванович снова сел напротив меня. — Если ты уже достаточно прочувствовал свою вину и мыслями, наверное, побывал среди «штрафников»... Так?

— Побывал, товарищ комиссар, — тяжело вздохнул я.

— То мы с командиром решили не передавать дело в суд. Полагаю, хватит и того, что серьезно поговорили. Твой комэск тоже приходил и просил за тебя. Мы прислушались.

У меня повлажнели глаза.

— Вот это, брат, никуда не годится, — нахмурился Николай Иванович. — Ты, Ваня, человек военный. И привыкай ко всему. В иных обстоятельствах, случается, каплет из глаз, а ты повелевай себе: не смей! Ты воин. Не хныкать!.. Завтра тебе вручат отремонтированный самолет. Уверен, доверие наше оправдаешь.

— Товарищ комиссар... Буду летать и бить фашистов, пока хватит у меня сил! До последней капли крови!

— Ну, о смерти давай не думать. Не накликай, и она тебя обойдет, — улыбнулся Миронов, поднимаясь и давая этим понять, что разговор окончен.

Я возвращался от комиссара с чувством облегчения. Никогда в жизни не забуду и то утро и разговор. Казалось, Николай Иванович заглянул мне в самую душу. Какой же он замечательный человек! Какая мудрая и справедливая наша партия! Ведь это она посылает таких людей проводить ее мысль, ее линию в жизнь. Хотелось сейчас же, сию минуту сесть в самолет и подняться в небо, броситься на врага и оправдать доверие командира и комиссара, сурово, но верно оценивших мой проступок и поверивших в мою искренность.

И теперь, спустя десятилетия, когда я вспоминаю ту беседу, передо мной всплывает образ комиссара ленинской закалки Н. И. Миронова. Николай Иванович был невысокого роста, коренастый, с неширокими, но тугими плечами, подвижный, непоседливый. Густые русые кудри, синие глаза, нос прямой, немного вздернутый на кончике.

Комиссар был награжден многими орденами и медалями. Среди них и монгольский орден Красного Знамени — свидетельство отваги и героизма, проявленных Николаем Ивановичем в боях на Халхин-Голе, где он лично сбил три вражеских самолета.

Большой опыт, умение владеть собой в самых сложных обстоятельствах, разговаривать с людьми весьма просто, убедительно создавали ему непререкаемый авторитет. Беседуя с нами, он внимательно выслушивал каждого, много времени проводил среди подчиненных, жил интересами людей, помнил о них.

То была первая и последняя за все тридцать семь лет летной службы поломка самолета по моей вине.

Над городом Ярославлем

Оказывается, не так уж далеко мы от фронта, если судить по действиям противника. Гитлеровцы совершили ряд налетов на Ярославль и Рыбинск. Теперь наша задача — поставить перед ними воздушный заслон.

Каждый день полк патрулировал в воздухе на разных высотах — от пяти до восьми тысяч метров. Летчики выполняли поставленную задачу со всей ответственностью, насколько позволяли силы и умение. Тут во всей полноте проявились изъяны «харрикейнов». Пришлось и мне почувствовать их на себе.

...Звено поднялось на перехват «юнкерсов», приближающихся к Ярославлю с запада. Бомбардировщики, увидев нас, отворачивают вдруг не на запад, а на восток. Почему на восток? Пытаемся отрезать их, чтобы не дать возможности затем бежать на запад, но они упорно продолжают полет в восточном направлении. А вот и разгадка! Километрах в сорока-пятидесяти восточнее Ярославля тянутся мощные кучевые облака. Фашисты решили за них спрятаться.

Выбираю одного Ю-88, догоняю, даю очередь из пулеметов. Дистанция длинновата, пули достигают лишь верхнего стрелка. Нужно сблизиться, сократить расстояние и ударить наверняка — по двигателям. Сближаюсь под пулями врага. Пилот на «юнкерсе», видимо, опытный. Он резко переводит самолет в пике, давая тем самым возможность своему нижнему стрелку воспользоваться незадействованным оружием. Тут мой «харрикеин» вдруг пошатнулся, двигатель кашлянул, из его блоков потекла вода.

В кабине стало темно, ее окутал пар, заслонивший от глаз приборы. Не вижу и «юнкерса». По-видимому, он нырнул в облака и скрылся от преследования.

Делать нечего — возвращаюсь на свой аэродром. Двигатель, весь окутанный облаками пара, еле тянет израненную машину. Толчок при посадке — и двигатель заклинивает. Оказывается, из кожуха охлаждения вытекла вода.

Прибежал авиатехник, удивленно ахнул:

— Ну, Степаненко, родился ты в рубахе, — и добавил:

— Долго пролетаешь!

Вся машина изрешечена пулями, у винта отбит один конец лопасти, обшивка мотора тлеет, двигатель раскален до предела.

Мне и раньше говорили, что с дальней дистанции нечего и пытаться поразить врага: пули «харрикейна», если и попадут в него, то никакого ущерба не причинят. А с близкой? Враг поразит тебя быстрее, чем ты к нему приблизишься. У нижнего и верхнего стрелков наготове крупнокалиберные пулеметы. Пока ты будешь сближаться, он успеет дать по тебе прицельную очередь. Главное — быстрота и внезапность, молниеносный удар сверху, чтобы враг не успел опомниться.

Пулеметы системы «браунинг», установленные на «харрикейнах», были малоэффективны, об этом хорошо знали и фашистские летчики. Однажды они ухитрились сбросить на наш аэродром записку с язвительным обращением: «Иван, не порть краску на наших мощных крыльях».

Бои, проведенные на заграничных машинах над Ярославлем, давали основание говорить не только об их вооружении, но и о тактике, о способах боевого применения. Вскоре по всем этим вопросам у нас состоялась лётно-техническая конференция, на которой, кроме участников боев, выступали инженеры, командир нашей дивизии ПВО полковник П. К. Демидов. Накануне он много беседовал с нами, докапывался до мелочей, выясняя, устраивает ли вооружение, с каких углов и дистанций мы открываем огонь, как выходим из атаки. В своих выступлениях участники конференции детально проанализировали первые бои и выработали соответствующие рекомендации. Важность советов и предложений состояла в том, что нужно действовать как можно решительнее, стремительнее сближаться с противником и бить по двигателям с коротких дистанций. В заключение полковник Демидов сказал:

— Вы скажете, у противника длиннее руки — крупнокалиберные пулеметы. В этом отношении должен сообщить, что проводятся исследования, и наши инженеры уже приспособливают к этим самолетам отечественное оружие.

Такие попытки делались и в нашем полку, они обнадеживали. Перспектива перевооружения обозначалась вполне реальной.

Вскоре мне с командиром эскадрильи Героем Советского Союза капитаном А. А. Морозовым довелось перегонять «харрикейны» на завод, где 7,62-миллиметровые пулеметы

«браунинг» заменялись нашими двумя 20-миллиметровыми пушками «швак», двумя крупнокалиберными пулеметами и шестью 82-миллиметровыми реактивными снарядами. Огненные трассы стали намного длиннее и мощнее. На аэродроме летчики шутили: «Английскому Джеку русский Иван пришил длинные руки с большими кулаками. Теперь дело пойдет на лад...»

Наличие на самолетах мощного вооружения позволяло теперь поражать врага и с дальних дистанций. Огонь всегда эффективнее, если он внезапен для противника. Немаловажно и выгодное положение для атаки, чтобы не «мазать» при стрельбе. Во всяком случае, боевые возможности нашего полка возросли в несколько раз, мы стали надежнее прикрывать объекты.

Условия службы в частях войск ПВО страны даже в военное время значительно отличались от условий службы во фронтовой авиации. Молодые летчики по вечерам, освободившись от дежурств, могли изредка посетить театр, кино, концерты. И, конечно, многие учились.

Значительную оживленность внесло появление в полку девушек, прибывших на разные должности: укладчиц парашютов, мотористок, оружейниц, связисток. В воскресные дни и на праздники мы ходили даже на танцы. Это было непривычно и удивительно для фронтовиков.

Противник не оставлял без внимания крупные центры промышленности — Ярославль и Рыбинск. Получив хороший отпор у Москвы и Тихвина в 1941 году, он продолжал угрожать столице и прилегающим городам удавами с воздуха.

Незадолго перед празднованием Первого мая фашисты в который раз попытались вывести из строя ярославский резиновый комбинат, производивший, как известно, покрышки для автомобильного парка всей страны и снабжавший ими фронт. Противник рассчитывал нанести удар по комбинату утром, когда у нашей противовоздушной обороны, как ему казалось, притуплялась бдительность.

На рассвете нас подняли по тревоге. Прозвучал сигнал на взлет. «Юнкерсы» были перехвачены на дальних подступах к городу. Наши истребители действовали методом круговой обороны, чтобы не пропустить врага с любого направления, расстроить его боевой порядок, сбить с боевого курса. Несколько

«юнкеров» удалось перехватить, другие ретировались со снижением, не дойдя до цели, три или четыре упали на землю. Но остальные — наиболее опытные немецкие асы продолжали двигаться по курсу и маневрировать, рассыпая кассетные бомбы.

Бой был тяжелый, затяжной. Бомбовозы огрызались всеми средствами защиты, но наши летчики понимали, что, если не удастся отбить атаку, то смертоносный груз не только разрушит резиновый комбинат, но и унесет немало жизней работающих на нем тружеников. Сознание воинского долга, стремление не пропустить фашистов к городу придавало воздушным бойцам энергию, смелость и решительность.

В составе группы полка действовал один из молодых, но отважных летчиков Амет-Хан Султан. Его действия в воздухе как бы отвечали личному характеру: беспокойному, порывистому, огневому. Амет-Хан привносил в бой азарт, сочетая его с разумным расчетом, отвагой, точно определяя позицию, заходя на вражеские машины с разных направлений.

Затяжной бой, как известно, требует много боеприпасов. А их не хватало. Когда «юнкеры» все же прорвались к городу, Амет-Хан вдруг увидел: кончается боезапас. Как быть? Выйти из боя? У летчика нет времени на размышления. Самолеты один за другим, выработав горючее, снижались, уходили из боя. Но в его машине горючее еще имеется. Нужно атаковать! Вражеских самолетов остается все меньше, один из них действует довольно активно, прорываясь к объекту. Еще минута, и бомбы посыплются на комбинат, на людей, работающих для фронта. Амет-Хан улавливает момент и направляет свою машину на врага. Тот уклоняется от удара, но Амет-Хан заходит вновь и атакует. «Юнкерс» не выдерживает, отваливает в сторону и исчезает в облаках. За ним отходят еще два.

Уже приземлившись, Амет-Хан в нервном возбуждении метался у своей машины, по привычке теребя пальцами черные кудри.

— Надо было таранить!.. — повторял он. — Таранить на подходе к облакам...

Свое намерение Амет-Хан осуществил в последующем бою. Он вылетел на перехват воздушного разведчика ведущим пары. Неожиданно у ведомого, сержанта А. П. Струкова, стал давать

перебои двигатель, и тот вынужден был вернуться. Теперь на Амет-Хана ложилась двойная ответственность за охрану города и перехват противника. До боли в глазах всматривался он в горизонт, делал круги, выходил на вероятные направления. Наконец далеко на западе появилась черная точка. Приближаясь, она увеличивалась в размерах, и стало понятно: это противник.

Амет-Хан развернулся. Сердце забило чаще. Сейчас главное — не потерять «юнкере» из поля зрения. Наш самолет заходит сзади, дает очередь. Огненные трассы рассекают воздух совсем рядом с разведчиком. Начинается горячий поединок. Противник маневрирует, уклоняется от ударов. Черные кресты то мелькают над головой, то проплывают сбоку. «Теперь ты не уйдешь... — решает Амет-Хан. — Теперь я тебя с короткой дистанции...»

Следующая очередь пришлась на стрелка, но машина продолжает полет. Амет-Хан атакует в третий раз, с силой нажимает на гашетки. Оружие молчит — боезапас истрочен.

Обо всем на свете забыл в тот миг летчик, кроме одного: во что бы то ни стало уничтожить врага.

Амет-Хан подходит совсем близко к «юнкерсу», почти касается грязноватого, с крестами, фюзеляжа, несколько секунд летит рядом, а потом бьет своим крылом по крылу фашиста. От сильного удара обе машины распадаются на куски. Три парашюта висят в воздушном пространстве над городом.

Амет-Хан приземлился у околицы пригородного села, освободился от строп и уже собрался было идти в поселок, но тут произошло неожиданное: его со всех сторон обступили люди — кто с вилами, кто с палкой.

— Стой, руки вверх!

«Облава» — догадался летчик. Колхозники, охраняющие порядок в селе, поспешили взять в плен вражеских парашютистов. Окружили и Амет-Хана.

— Кто такой?

— Советский летчик.

— Знаем таких летчиков... Много вас здесь летает, поди разберись!..

Амет-Хан по-русски говорил с небольшим южным акцентом, и это вызвало подозрения. Под усиленной охраной его доставили в

местную милицию, а уже оттуда — в свою часть.

Вечером после подведения итогов дня мы собрались в клубе. Со всех сторон слышались шутки, в центре внимания был Амет-Хан Султан. Конечно, не молчал и он сам:

— Я фашиста и в хвост, и в гриву, а он удирать... Пришлось погладить крылом...

Подошел старший техник-лейтенант Александр Мельников, вынул из кармана портсигар и протянул Амет-Хану.

— Возьми, теперь он твой.

Амет-Хан внимательно посмотрел на Мельникова и заколебался: брать или нет?

— Возьми! — настаивал Александр.

Дело было в том, что однажды в минуты перекура, увидев у Мельникова красивый инкрустированный портсигар, Амет-Хан пошутил:

— Был бы ты хороший друг, подарил бы...

Надо сказать, что многие техники, коротая время в ожидании возвращения летчиков из полетов, мастерски изготовляли из металла и плексигласа всякие изящные вещицы — зажигалки, мундштуки, складные ножики, портсигары, затейливо украшая их.

— Было бы за что дарить, — с улыбкой ответил Мельников. — Никак не собьешь хоть одного паршивого фашиста.

— А вот и собью, — горячился Амет-Хан.

— Кишка тонка.

— Бьюсь об заклад.

— Давай, — согласился техник. — Собьешь врага в ближайшую неделю — портсигар твой. Ну, а если нет, то что ты мне?

— Месячную зарплату, — без раздумий выпалил летчик.

Такая вот история.

— Бери портсигар, он твой, — настаивал Мельников. — Ты выиграл.

— Нет, брать его как выигрыш я не согласен, — подумав, ответил Амет-Хан. — Знаешь, какое-то некрасивое наше пари: ведь неудобно играть на жизнь и смерть... Вот если ты мне друг, то лучше подари.

— Ну, о чем речь? Конечно! — Александр обнял летчика и втиснул ему в руку блестящий портсигар, над созданием которого

колдовал более месяца.

Минула ночь, а утром о подвиге Амет-Хана узнала вся страна. За таран летчик был награжден орденом Ленина. Остатки сбитого «юнкерса» были выставлены на площади города Ярославля для всеобщего обозрения, а городской Совет депутатов трудящихся присвоил летчику звание почетного гражданина города.

...В конце мая 1942 года наш полк снова пополнился материальной частью. Получали машины на одном из северных аэродромов. Добирались туда самолетом Ли-2. Воздушный путь над городами и селами обогатил мои представления о нашей Родине, ее величии, бескрайних просторах. Под крыльями простирались необозримые поля, леса, змеились реки, поблескивали стальными рельсами железные дороги. Велика и невыразимо прекрасна наша страна. Мы — в ней хозяева. И за ее независимость будем стоять не на жизнь, а на смерть.

Посматривая вниз через фонарь кабины «харрикейна», я вспоминал Нехайки, город Днепродзержинск, Днепр. Теперь там злобствует враг. Чтобы он не добрался сюда, его надо остановить.

Скорее бы в бой!

На Брянский фронт

В июне 1942 года немецко-фашистское командование сосредоточило на южном крыле своего фронта значительную группировку войск с целью взять реванш за поражение под Москвой. На Елец и Воронеж нацеливались главные силы 4-го воздушного флота «Люфтваффе».

Наш 4-й истребительный в начале июня был срочно переформирован. Полк пополнился самолетами и летно-техническим составом, был разделен на две части. Одна из них, под командованием подполковника Серенко, оставалась в войсках ПВО, другая убывала на Брянский фронт. В состав улетающего полка вошла и моя эскадрилья.

На Брянском фронте шли ожесточенные наземные и воздушные бои. На некоторых участках враг уперся в Дон, вплотную подошел к Воронежу, угрожал Туле. Огромными усилиями наших войск наступление гитлеровцев было приостановлено.

Перед отправкой на Брянский фронт ко мне подошел Иван Ребрик. Настроение у него далеко не бодрое: Иван оставался на прежнем месте, в полку ПВО.

— Пусть везет тебе, тезка, — грустно произнес Ребрик, обнимая меня за плечи. — Буду следить за твоими подвигами.

— Я за твоими тоже, — на шутку отвечаю шуткой, понимая, с какой неохотой он расстается с нами. Да и мне тоже жаль оставлять близкого друга, с которым прожито вместе несколько лет.

Мы улетали под командованием Героя Советского Союза майора А. А. Морозова, принявшего наш полк. Комиссаром по-прежнему оставался Н. И. Миронов. Эти два боевых летчика, молодой и постарше, прекрасно дополняли друг друга. Такой подбор руководящих кадров, как оказалось, не был случайным.

Сев на полевой аэродром, мы затащили машины на опушку леса, укрыв их под кронами деревьев. Здесь же, под крыльями, построили шалаши для отдыха.

Вечером А. А. Морозов кратко ознакомил личный состав с обстановкой и сообщил:

— Наш полк входит в состав 287-й истребительной авиационной армии под командованием генерала Белецкого. В армию истребителей, — подчеркнул Морозов. — Мы должны стать грозой для врага. Это нелегко, но мы обязаны. Ясно?..

Все мы понимали, что это значит.

Фронтовые условия жизни, быт, вся обстановка, хоть и мало похожи на службу в авиации ПВО, но большинству к новым условиям не привыкать.

— Все здесь прекрасно: лес, жилье. Вот только нашего клуба с ярославскими девушками не хватает, — вздохнул Амет-Хан Султан.

— Придется отвыкать от танцев, — улыбнулся капитан Ищук. Теперь он командовал эскадрильей. — Здесь «мессера» такие «хороводы» водят, что только держись... Как на это среагирует молодежь? Что думаешь по этому поводу, Степаненко?

Ищук по возрасту немногим старше нас, однако уже немало повоевал. На его счету около десятка уничтоженных самолетов противника. К нам, сержантам, относится внимательно, часто беседует на разные темы. Потанцевать в нашем клубе, бывало, и он не отказывался. Правда, были и среди нас заядлые скептики, смотревшие на отдых, как на пустое, вредное дело.

— Организуем самодеятельность и здесь, товарищ капитан, — отвечаю командиру. — Вот у товарища комиссара чудесный инструмент — гитара, — указываю глазами на военкома эскадрильи Владимира Константинова.

Высокий, подвижный, разговорчивый, с черными, спадающими на лоб волосами, капитан Константинов с гитарой расставался лишь в полете. Часто звал меня: «Пойдем, посидим...» Это означало, что мы заберемся куда-нибудь в кусты, под дерево или в землянку и я буду петь под его аккомпанемент любимые песни «Полюшко-поле», «Катюшу», иногда даже и арии из оперетт, запомнившиеся нам по пластинкам и радиопередачам. А там подойдут ребята, начнут подпевать. Если кто сфальшивит, Константинов посмотрит на него с укоризной, покрутит головой и грустно уронит: «Не в ту степь».

Мы любили Владимира Константинова — боевого комиссара, замечательного летчика. Смелый воздушный боец, он часто возглавлял группы истребителей в полетах, ходил вместе со всеми на прикрытие войск.

— Ничего не поделаешь, — вмешался в разговор заместитель командира эскадрильи старший лейтенант Н. Ф. Кобяков. — Здесь чаще придется слушать другую музыку, не в унисон нашей гитаре. — И он для наглядности воспроизвел характерный гудящий звук фашистских бомбардировщиков.

— Музыки здесь хватит, — согласился и Амет-Хан. — Слышна даже работа ударников: здорово выбивают, — и он кивнул на запад, в сторону фронта.

Спать легли поздно. Проснулись на заре. Именно от характерного гудения, доносившегося издали.

— А вот и гости на новоселье, — комментировал Амет-Хан, натягивая гимнастерку и торопясь к самолету.

«Мессеры», как водится, уже произвели разведку и охотились за нашими экипажами, отбившимися от строя. Над Ярославлем мы встречались преимущественно с бомбардировщиками. Здесь авиация противника действовала в полном составе. Итак, жди самых худших вариантов и неожиданностей.

В полдень капитан Ищук построил эскадрилью.

— Товарищи, — сказал он, — получен приказ произвести разведку важной группировки противника. Гитлеровцы сильно прикрываются зенитной артиллерией, а с воздуха — истребителями. Наши одиночные разведчики, ранее летавшие на задание, не достигли нужного района. Поэтому командование посылает в разведку эскадрилью. В случае атаки противника двенадцать машин должны обеспечить возможность двум-трем истребителям выполнить задачу. Вопросы есть?

Вопросов ни у кого не возникло, и Ищук был этим недоволен. Он не без основания полагал, что вопросы, как правило, — свидетельство серьезного подхода к предстоящей работе. Бывает и так.

6 июня 1942 года группа истребителей вылетела на разведку войск противника в район Погожево-Олым. Черные клубы разрывов зенитных снарядов встретили нас уже над линией фронта. Они густо усеяли небо справа и слева, сзади. Мы шли ровно, не нарушая строя, держа курс вдоль дороги, осматривая, как могли, каждый объект, уточняя направления передвижения техники. Чем ближе к городу Касторное, тем больше скопления машин. Впереди — зеленая полоса леса. Присматриваемся к

зеленым квадратам, полянам. Сквозь маскировочные сети и ветви все же распознаем темные пятна танков.

Докладаваю командиру звена А. К. Рязанову:

— В лесу танки.

— Сколько?

— Около двухсот.

Капитан Ищук тоже заметил вражеские танки, но и за доклад похвалил. Комэск сделал круг над расположением фашистской техники и подал сигнал: «Всем — за мной». Группа отходила на восток.

Мы уже шли обратным курсом, когда из-за облаков вынырнули «мессеры». Донесся голос командира звена:

— Степаненко, на хвосте у тебя «мессы».

Машинально оборачиваюсь. Длинная очередь рассекает воздух слева, брызги снарядных разрывов угрожающе подступают к крылу. Резко бросаю самолет вправо и оказываюсь в центре разрывов. В нос бьет удушливый запах тротила.

На этот раз фашисты вынудили меня лишь понюхать пороха и проскочили мимо. Быстро осматриваюсь вокруг. Наш строй разладился, летчики поодиночке отбивают яростные атаки нападающих немецких асов. Павленко и Глушихин ложатся в вираж, остальные перешли в вертикальный маневр и тоже атакуют.

Мой ведущий Алексей Рязанов свечой идет вверх, я за ним. Со всех сторон мелькают самолеты. Происходящее напоминает мне ловкую игру грачей перед бурей. Минут десять длится упорный бой: кто кого? Наши самолеты вертятся, резко падают вниз, взмывают вверх. Вот уже задымил один «мессер», вскоре другой. Подбит и наш истребитель — лейтенанта Владимира Глушихина — правда, он удачно садится на своей территории.

Комэск капитан Ищук подает команду с боем отходить на восток. Следом за своим ведущим встаю в строй. Маневрируем методом «ножниц», отворачивая вправо и влево, защищаем друг друга.

Группа садится на свой аэродром. Сбито три фашистских самолета, у нас потерян один.

Первый бой с «мессерами» запомнился навсегда. Главный вывод — не лови ворон, смотри в оба, быстро реагируй на обстановку, не подпускай фашистов близко. Подпустишь —

станешь их добычей. Крайне важны взаимная выручка, предупреждение, своевременная подсказка, дельный совет товарища. В самом деле, если бы не предупреждение командира звена Рязанова, увидевшего «мессершмиттов» на моем хвосте, вряд ли пришлось бы мне возвращаться вместе с товарищами.

Алексей Рязанов был опытным летчиком, берег меня. Но и я стремился отблагодарить его в бою тем же.

Начало неплохое. Выдержано первое испытание. А самое главное — доставлены ценные сведения о наземных силах противника, за которые командование объявило благодарность всем летчикам, участвовавшим в вылете.

Завтра нам предстоит полет на прикрытие наших войск. Для лучшего уяснения задачи и способов ее выполнения капитан Ищук собрал весь личный состав эскадрильи. Мы уселись на траве, под сенью могучего дуба. Каждый должен был высказать свои соображения относительно методов прикрытия войск и ведения воздушного боя с истребителями и бомбардировщиками противника.

— Воздушный флот противника имеет цель: удерживая господство в воздухе, обеспечить продвижение своих наземных войск, — говорил комэск. — От наших активных действий зависит, достигнет он своего или нет. Враг силен, но мы с вами обязаны не давать ему наносить удары по нашей обороне.

Боевые летчики, много раз встречавшиеся с немецкими асами, высказывались решительно.

— Не следует бояться их перевеса, — горячо говорил Алексей Рязанов, поблескивая карими глазами и время от времени приглаживая непокорные волосы. — Следует драться так, словно в воздухе господствуем мы. — Далее он напомнил об осмотрительности и быстроте реакции на команды.

Старший лейтенант Кобяков, лейтенант Флейшман и другие присоединились к такому мнению. Всех нас вдохновили последние воздушные бои, в которых нам сопутствовал значительный успех. Об этом же сказал и Амет-Хан.

— Мы можем побеждать, — горячился он. — Закрепим такое положение, какого достигли в последнем бою, — значит будем и дальше побеждать.

Ищук и Константинов слушали внимательно, но мы замечали, что они недовольны.

— Все, что вы здесь сказали, — верно, — резюмировал комиссар. — Но в ваших словах больше, так сказать, морального аспекта. Не возражаю: боевой наступательный порыв, уверенность в своих силах — очень важные факторы. Но этого мало. Предлагайте новые тактические приемы: построение атаки, ракурс и угол при стрельбе, порядок взаимодействия...

Замечание было очень кстати. Нам не занимать было веры в победу, горячности, настойчивости. О моральной стороне поведения в бою говорили часто, с пристрастием. А вот оценить тактику врага, внести предложение о своем новом приеме... До этого почему-то далеко не всегда доходили. Изобретательность, обмен опытом практиковались редко, хотя командиры обращали внимание именно на эту сторону.

Наша импровизированная «конференция под зеленым дубом», как ее назвал капитан Ищук, продолжалась. Комиссар Константинов напомнил, что прошло больше года, как фашистская Германия по-разбойничьи напала на нашу Родину.

— В самом деле, вспомните, сколько уже прошло бессонных ночей, — подхватил Ищук. — Больше года! Пора нам...

Не успел комэск закончить «конференцию», как в воздух взвилась ракета — сигнал к вылету. Мчимся прямо к машинам. Ведущим группы назначен военком Константинов. «Ножницы» эскадрильи врезались в небо. Боевая задача — прикрытие мотомеханизированных частей в районе Ивановки.

Передний край просматривается очень хорошо. Вижу танковый бой. Весь простор — десятки километров — затянут дымом от пылающих автомашин, танков, построек. Горят дома, хлебные нивы, деревья. «Поработали» здесь и вражеская артиллерия, и танки, и бомбардировщики противника. Казалось, что внизу, на земле, не осталось живой души. Но мы знали: в окопах стоят насмерть наши бойцы. Представляю себе их положение и надежды на помощь с воздуха — будто слышу голоса оттуда...

Многие ли там выжили, уцелели? И выстоят ли, выдержат ли они, если на их головы посыплется новые тонны бомб и снарядов?..

На небольшой скорости мы «прочесали» воздушное пространство над селами Черново и Долгоруково. А вот и «лапотники» (мы так называли «Юнкерсы-87». У них не убирались шасси, висевшие в полете, словно лапти). Со стороны Касторной «юнкерсы» шли группой в тридцать машин.

Без промедления докладываю ведущему. Константинов передает всем:

— Атаковать с ходу!

Один из крайних «юнкерсов» заходит для бомбометания. Ловлю его в перекрестие прицела, нажимаю на кнопку пуска «эрэсов» на ручке управления. Два реактивных снаряда вмиг отделяются от моей машины. Пристально слежу за их стремительным полетом... Взрыв! Бомбардировщик разлетается, бесформенные куски металла мелькают в воздухе.

«Ура» замечательному советскому оружию — «эресам»! Какая радость — видеть первую собственную удачу. Человеком овладевает такое настроение, будто вновь родился на свет. Приходит чувство уверенности в своих силах: да, ты можешь бить врага! Время, отведенное для учебы, не прошло даром.

...Враг в панике сбрасывал бомбы там, где его настигали наши удары. Мы яростно устремлялись на фашистские бомбардировщики, и те для защиты построились в оборонительный круг. Шесть «юнкерсов» уже прочертили небо огромными полосами и врезались в брянскую землю. Над каждым высоко поднимается черный столб дыма.

Группа истребителей продолжает воздушный бой. Увлечшись, мы не сразу заметили, как со стороны солнца с большой высоты нас атаковали «мессеры». Их около пятнадцати. Командир звена Алексей Рязанов скороговоркой сообщает по радио:

— Степаненко, я видел, как ты рубанул «лапотника». Теперь бей «мессеров». Вон сколько навалилось.

Я обернулся и ахнул. Словно коршуны, они устремились с разных направлений. Прекратив атаки на бомбардировщиков, мы развертываемся навстречу более коварному врагу. Карусель наших и вражеских самолетов завращалась в кольце сражения. Трассы огня, пересекаясь, смешиваются со взрывами реактивных снарядов.

Противник в замешательстве отступает. Вместе с Рязановым мы устремляемся на один из истребителей. Он маневрирует и удирает. Одна, две, три очереди... «Мессер» задымил и пошел вниз.

Массированный налет авиации противника на наши войска отбит с большими для него потерями.

Только теперь мы имеем возможность осмотреться. Показания приборов тревожны: запас горючего на исходе, боекомплект почти израсходован, нужно идти на посадку. Константинов командует:

— Сбор группы! Всем подойти ко мне.

Мы строимся. Далеко на востоке поблескивают чьи-то самолеты. Внимательно приглядываемся: это группа «мигов» идет к нам на помощь и на смену. Помахав им крыльями, со снижением уходим из района прикрытия. В порядке очередности производим посадку.

Настроение отличное. Механик моего самолета сержант Алексей Фролович Алексеев поздравляет меня с успешным боевым вылетом и первым сбитым самолетом.

— Ну, так как ты его? — допытывается Алексей.

— В щепки! — смеюсь я и добавляю серьезно: — Твое оружие не подвело, Алеша.

— Здорово! — радуется он.

Наше внимание вдруг привлекает мощное гуденье моторов прямо над головой. Выстрелы из пулеметов и пушек заглушают разговор. «Мессеры!» — кричит кто-то. Зайдя в хвост последнему «харрикейну», идущему на посадку, гитлеровцы сбивают его. Летчик на минуту ослабил бдительность и за это поплатился жизнью. Как мало надо для роковой ошибки... Фашисты, осуществив свое черное дело, в тот же миг ушли с набором высоты в сторону солнца. «Харрикейн» упал неподалеку от нашего расположения. Жаль было молодого летчика. А нам всем наука.

После дозаправки и пополнения боеприпасами состоялся еще один вылет на прикрытие войск. В воздухе — спокойно.

— Фашисты заняты, — шутит Амет-Хан. — Уточняют свои потери.

— У них шок после нашего удара, — отмечает Рязанов.

— Живем, ребята, с таким оружием! — подводит итоги Константинов.

Когда все собрались на излюбленном месте, у могучего дуба, командир полка внимательно оглядел возбужденные лица летчиков.

— Устали? — спросил с сочувствием.

— Малость есть, товарищ командир. Зевать не приходится, — вздохнул старший лейтенант Павленко. Гимнастерка на нем — хоть выкручивай. Волосы у всех мокрые, как после дождя.

— Значит, не дремали в кабинах. Поэтому и успех. Поздравляю, товарищи, с первой победой, — громко сказал командир.

Нечасто в начале войны мы слышали такие замечательные слова, и потому восприняли их с огромной радостью.

Затем Морозов назвал фамилии летчиков, отличившихся в бою, сбивших самолеты противника. Это Константинов, Рязанов, Амет-Хан Султан, Кобяков, Павленко, Глушихин, Степаненко. После похвалы — разговор об ошибках.

Майор больше говорил о боевых потерях, о бдительности и осмотрительности, особенно при заходе на посадку.

— Каждый летчик обязан наблюдать за своим хвостом, а также за хвостом своего товарища. В целях повышения бдительности в группе, приказываю применять «ножницы» или «змейку» (так называемые отвороты вправо и влево).

Осмотрительность и внимательность — вот слагаемые успеха. Забудешь об этом на миг — беда как раз тут и подкараулит тебя. Об этом мы должны всегда помнить.

Перед заходом солнца летчики во главе с командиром и комиссаром полка на грузовой машине поехали на рыбалку. Река Сосна совсем рядом. Авиационный моторист сержант А. И. Чернорог наломал в орешнике удилиц и теперь держал целую охапку. Несколько удочек мы достали у рыбаков. Прибыв на место, разошлись в поисках «рыбных» заводей.

Когда Анатолий Морозов, сняв с себя обмундирование и оставшись в одной майке и трусах, сел в лодку, отпихнулся веслом от берега и пошутил: «Что вы понимаете в рыбацком деле, молодежь», мы не придали этому значения. Каждый был занят своим поплавком. Но вот у лодки Морозова послышался взрыв, над водой поднялся фонтан. Мы все бросились к месту взрыва

Морозов стоял в лодке живой и невредимый, а вокруг в воде всплывали крупные рыбины.

— Но ведь так рыбачить опасно. И запрещено, — неуверенно произнес Рязанов.

Командир смутился.

— Ваша правда, — согласился он. — Но сообразите, куда уплывает рыба. К фрицам.

Из-за кустов, запыхавшись, прибежал Миронов, с голенищ его сапог стекала вода.

— Кто бросал?

Сразу догадался, увидев Морозова. Еще будучи командиром эскадрильи, тот получил от старшего батальонного комиссара нагоняй за подобный проступок.

— Последний раз предупреждаю! — в голосе Николая Ивановича звучали жесткие нотки. — Последний!

После ужина начальник штаба майор Федюнин предупредил нас: получен приказ с раннего утра вылетать звеньями на сопровождение бомбардировщиков. Значит, всем немедленно спать. В шалаше из привядших веток мы крепко уснули под неугомонный щебет птиц. Они предвещали на завтра отличную погоду.

Утром по сигналу адъютанта первой эскадрильи старшего лейтенанта И. М. Трантина мы быстро приводим себя в порядок, торопимся к самолетам. Механик Алексеев, размаскировав машину, докладывает о готовности.

Ждем ракету, она будет запущена с командного пункта полка, как только появятся бомбардировщики. И вот зеленые искры рассыпаются в небе, исчезают в ярких лучах восходящего солнца. На востоке в небе сверкают девятки Пе-2. Взлетаем звеньями и идем за колонной. Выше нас, поблескивая крыльями, вдоль боевого порядка проходят машины МиГ-3 из соседнего истребительного авиационного полка. Если «миги» составляют ударную группу, то «харрикейны» должны прикрывать бомбардировщики непосредственно.

Какая огромная группа самолетов различных типов! Даже при взгляде с воздуха мы кажемся весьма внушительной армадой: колонна «петляковых» девятками — всего 60 бомбардировщиков и

40 истребителей. Давно мы не видели в небе такого количества наших машин.

Противник на этом направлении имеет довольно сильное воздушное прикрытие, линия фронта встречает нас густыми взрывами, которые ложатся то слева, то впереди, то сзади. Нам приходится часто маневрировать. Если истребители свободны в выборе маневра, то у бомбардировщиков возможностей значительно меньше. Они вынуждены выдерживать свой курс, зенитный огонь для них поэтому весьма опасен. Противник пристрелялся, и два «петляковых» вдруг вспыхивают, идут со снижением к земле. Остальные, не сворачивая, плывут по курсу. Жаль тех двух экипажей: если и уцелели, что будет с ними в стане врага?..

Цель впереди: на опушке леса колонна танков. Ведущая девятка подворачивает влево и сыплет туда бомбы, словно орехи. Секунда, две... Высокие столбы огня и дыма поднимаются с земли, горят танки, автомобили, человеческие фигурки разбегаются в стороны.

Трудно передать словами те чувства, которые испытываешь, когда видишь во вражеском стане растерянность, панику, страх. Значит, не напрасны наши ожидания, упорная учеба, жертвы, понесенные в ходе боев. Мы платим врагу сполна за все, что причинил он нашей Родине. В каждом уничтоженном гитлеровском танке, орудии, самолете мы видим теперь начало нашей победы, хотя понимаем: до полной еще не близкий путь...

Разворачиваемся и ложимся на обратный курс, барражируем над колоннами, просматриваем воздушное пространство в различных направлениях. Выше над нами «ножницами» прорезают небо «миги». Неожиданно сквозь заслон ударной группы «мигов» прорываются «мессершмитты». С остервенением, на какое лишь они способны, набрасываются на «петляковых». В бой вступает наша группа непосредственного прикрыва. Командир эскадрильи капитан Ищук приказывает: не отставая от основной группы «подопечных», короткими ударами отсекает «мессеров». Трассы пушечного огня переплетаются с огненными стрелами «эресов» и дымными клубками зенитных разрывов.

Командир моего звена Алексей Рязанов резким разворотом влево заходит одному из «мессершмиттов» в хвост.

— Степаненко, не отставай, даванем его вместе!

Бьем реактивными. «Мессер» взрывается и падает. Вновь становимся на прикрытие бомбардировщиков. Но тут за нами увязываются два «мессера», атакуют меня с высоты. Резко отворачиваю вправо, уходя от прицельного огня. Фашисты атакуют стремительно. Но вот сверху их упреждают наши «миги». Один из фашистов вспыхивает, другой, потеряв управляемость, кренится набок и срывается в штопор.

— Спасибо за выручку, друзья, — благодарим летчиков соседнего полка.

Самолет Алексея Рязанова, развив огромную скорость, расстроил боевые порядки врага. Еле успеваю за ним. Уроженец этих мест, Рязанов с особым азартом вылетал в каждый бой. Однажды признался: ему иногда кажется, будто за его самолетом следят земляки, и это придает ему больше силы и энергии в сражении...

Воздух гудит и клокочет. Истребители, свои и вражеские, носятся по кругу в каком-то адском вихре. С огромным трудом противнику все же удается поджечь три наши машины Пе-2. Остальные мы прикрываем своими действиями.

Капитан Ищук и лейтенант Амет-Хан Султан сбили по одному «мессершмитту» с коротких дистанций. Вся наша армада, сопровождаемая чудовищным ревом, приближалась к Задонской петле — характерному изгибу реки Дон, откуда до нашего аэродрома рукой подать.

Тут на помощь нам подошла вторая группа «харрикейнов» во главе с военкомом эскадрильи капитаном Константиновым. С высоты она разогнала строй истребителей противника. Четыре «мессера» рухнули на землю. По одному сбили Константинов, Кобяков, Погорелов и Борисов. Пять самолетов противника сбили наши соседи.

Однако на аэродром вернулись не все истребители полка. С нами не было лейтенанта И. Т. Королева, сержанта И. А. Бабенко. Если летчикам удалось приземлиться на нашей территории, то они придут в часть.

Капитан Константинов вышел из боя тяжело раненным. Спустя несколько дней в полк пришло печальное сообщение: комиссар скончался в госпитале, не выдержав тяжелой операции.

В эскадрилье уважали и любили нашего боевого комиссара за душевность, за смелость в бою, за умение сплачивать людей, за сердечность. В землянке, где он жил с комэском, осталась висеть на стене гитара. Она словно ждала его: вот придет, ударит по струнам, и польется знакомая всем мелодия... По предложению комэска эскадрилья почтила память отважного воина минутой молчания. Мы поклялись жестоко мстить фашистам за нашего комиссара.

...Вечером, подводя итоги дня, майор Морозов сказал:

— Мы успешно выполнили свою задачу, но, к сожалению, не обошлось без потерь. Вывод один: учиться и учиться, проявлять больше осмотрительности, находить верные способы уничтожения противника, действовать более решительно и находчиво. Обстановка в воздухе очень сложная. Против нас действует 4-й воздушный флот Германии под командованием фельдмаршала Рихтгофена. В нем, как известно, собраны лучшие силы и превосходный самолетный парк противника.

В конце июля 1942 года авиация Брянского фронта, после переформирования, стала 15-й воздушной армией. В ее состав включены подразделения истребительной, штурмовой и бомбардировочной авиации. Задача — воздушная разведка, борьба за господство в воздухе, действия по наземным объектам врага.

Да, большая честь оказана нашему полку, вошедшему в состав новой армии. Но на него возлагается и ответственная задача. Как справимся, выполним ли? Желания нам не занимать. Что же касается умения, боевого опыта, то их надо собирать по крупицам, старательно и вдумчиво, ибо от этого зависит жизнь каждого из нас.

Жизнь... Как сложна она! Главный ее экзамен всегда впереди, к нему нужно ежечасно готовиться. Я умею летать, но этого очень и очень мало. Нужно научиться успешно сражаться в небе с врагом, защищая Родину. Мы все — сыны Отечества, но если говорить конкретно о каждом, то кто ты? Два-три года тому назад колхозник, потом рабочий. Мирный человек, трудяга. В армии всего год. Летная школа, давшая тебе азы пилотажа и тактики А против тебя — профессиональные убийцы, вышколенные асы, за плечами которых сотни, а то и тысячи километров победных полетов. Их

голыми руками не возьмешь. Для этого нужны высочайшее мастерство, превосходная тактика и знание врага.

Но главное у нас есть — это вера в себя, в свои силы, в то дело, за которое мы не пожалеем отдать и жизнь.

Отличный ориентир, но...

В боевой обстановке летчики ориентировались в основном по курсу и характерным ориентирам. К карте обращались лишь при необходимости выйти на цель при потере ориентировки. Остальное время карта лежит в планшете или сложенная «гармошкой» торчит за голенищем сапога. В основе самолетовождения лежали характерные ориентиры, опознавая которые, летчик легко возвращался на свой аэродром.

Таким ориентиром на Брянском фронте для нас, истребителей и штурмовиков, была Задонская петля. Словно магнит, она притягивала к себе летчиков, летавших в направлении Елец — Липецк. Многим помогала, но и немало вредила. Большой соблазн попасть на нее нередко стоил летчику жизни.

Если посмотреть на географическую карту, то пониже Липецка можно увидеть небольшой городок Задонск, рядом с ним реку. Обтекая гряду высот, Дон делает большую петлю. Этот изгиб голубой ленты навсегда запомнился нам. Когда мы группой или поодиночке из боя возвращались домой, то почти всегда искали знакомо поблескивающую внизу петлю.

Противник быстро разгадал наш способ ориентирования, поскольку и вражеские летчики нередко бывали здесь с той же целью. Над петлей почти все время гудели самолеты обеих сторон, завязывались жаркие воздушные бои. Но с течением времени фашисты прибегли к хитрости: самые опытные асы на лучших к тому времени самолетах Me-109ф барражировали где-то в стороне, выжидая, когда на Задонскую петлю выйдут наши летчики и на какой-то миг ослабят наблюдение. Тут стервятники и набрасывались на них.

Кроме охотников-одиночек гитлеровцы зачастую посылали туда группы самолетов, создавая перевес в силах и ведя бой на полное уничтожение.

Нам трудно было на равных драться с Me-109ф, истребителем, превосходящим «харрикейн» по всем летным качествам. Не хватало и летчиков для свободной «охоты» за немецкими асами. Ведь основная задача полка — покрытие наземных войск в трудные периоды боя, сопровождение на

задание бомбардировщиков и штурмовиков. Однако считаться с трудностями не приходилось. Как говорится, волков бояться — в лес не ходить. Следовало дать отпор хитрому и наглому врагу.

Нашей эскадрилье приказано сопровождать группу штурмовиков для удара по войскам противника. Взлетаем и пристраиваемся на флангах, ходим вдоль строя, барражируем, пока стремительные «илы» наносят удары по переднему краю и боевой технике врага, особенно по танкам.

Растянувшись в большой круг, штурмовики крушат оборону противника бомбами, «эрэсами». Отбомбившись, идут обратно. Но спустя несколько минут меняют курс. В чем дело? Потеряли ориентировку? Это случается, особенно в полете над незнакомой местностью.

Теперь «илы» следуют к спасательной Задонской петле. Идут тройками, растянувшись, ослепительно сверкая крыльями в солнечных лучах. Впереди голубая лента Дона. Вот-вот на его поверхности мелькнут тени самолетов. Характерный ориентир почти под ногами, но там уже поджидают немецкие асы. Капитан Ищук передает по радио:

— «Горбатые», над нами «мессеры». Идите домой!

Командир «илов», не реагируя на предупреждение, все же пытается определиться от петли. Нам приходится вступить в неравный и невыгодный бой. Имея преимущество в высоте, «мессеры» решительно бросаются на штурмовики.

Капитан Ищук подает команду отбивать атаку со всех направлений. Первый заход врагу не удался, мы расстроили его боевой порядок. Тогда «мессеры», отвернув в сторону и набрав высоту, повторяют атаку. Но «илы» уже стали в оборонительный круг. Фашистам теперь не под силу атаковать их боевое построение: впереди у «илов» по две пушки, и «мессеры» боятся встречи с ними в лобовой атаке. С тыла их не подпускают пулеметы наших штурмовиков и истребителей.

Бой разгорается. Кто кого пересилит, перехитрит? Надо мной, словно коршун, кружится немецкий ас. Отчетливо вижу змейку, нарисованную на фюзеляже. Кажется, она выжидает момент, чтобы нанести свой смертельный укус. Но мы с Рязановым начеку, внимательно наблюдаем за ним, прикрывая «илы».

Вражеские истребители вновь и вновь наталкиваются на мощный огонь наших самолетов, отходят в сторону и на минуту теряют свой привычный боевой порядок. Возникшую ситуацию немедленно используют наши мастера меткого огня. Капитан Ищук и лейтенант Амет-Хан сбивают по одному «мессеру».

Я иду за Рязановым, слежу за машинами командира и близлетящих товарищей. Потому не вижу, как ко мне подкрадываются два стервятника. Огненные трассы их пулеметов, как руки, протягиваются впереди и слева. Самолеты мелькают у меня над головой, на их крыльях и фюзеляжах вижу изображения каких-то чудовищ. Как известно, на таких машинах летают обычно асы.

Наши истребители теснее «притерлись» к штурмовикам, не давая возможности противнику подойти к ним на дистанцию эффективного огня, и кружатся, словно в карусели. Но вот один из летчиков на миг не выдержал напряжения боя, близко подпустил «мессер», и тот открыл по машине огонь. После посадки стало известно: погиб лейтенант И. А. Марьин.

В глубоком вираже наблюдаю, как два «мессершмитта» вновь кружат надо мной, но почему-то не атакуют. Приглядываюсь и вижу: за ними тянутся струи дыма. Значит, они повреждены.

Командир дает распоряжение отходить на свои аэродромы. Очень своевременно. В баках остается минимум горючего. Видимо, такое же положение и у противника. Он отворачивает в сторону и оставляет нас.

После продолжительного боя штурмовики, израсходовав горючее, сели на нашем аэродроме. Заходили на посадку под прикрытием одного звена.

Отрулив на стоянку и выпрыгнув из кабины, я заметил бегущего механика сержанта Алексева. Не успели мы переброситься словом, как прозвучал сигнал тревоги. Что такое? Взгляд привычно взметнулся в небо, выискивая там противника.

— Пожар!.. — вдруг послышались крики.

В противоположном конце аэродрома поднималось пламя, сизый дым тянулся через зеленое поле к машинам. Огонь быстро распространялся. В его сторону спешили летчики, техники, все, кто находился на стоянках.

Сначала мы решили, что фашистам удалось сбросить зажигательную бомбу. Но позже узнали действительную причину пожара. Наши штурмовики наносили врагу удары не только бомбами и «эрэсами», но использовали также зажигательные ампулы «КС». Один из них, как выяснилось, не смог сбросить ампулу из-за повреждений осколком зенитного снаряда. «Зажигалка» воспламенилась при посадке. Пожар быстро распространился за границы одной стоянки. Так мы воочию убедились в силе зажигательной смеси, называемой «КС».

Не зря существует поговорка: «Как после пожара...» Нам пришлось немало потрудиться для восстановления порядка на аэродроме.

На разборе командира полка, которого вызвали в штаб дивизии, замещал старший батальонный комиссар Миронов.

— Сегодня противник напомнил нам элементарную истину, — сказал Николай Иванович, выслушав очередные претензии наших авиаторов к Задонской петле. — Истину, — повторил он, — которую мы почему-то забываем: в действиях на войне никогда не придерживайся одного и того же приема, если даже он очень удачный. Любой шаблон быстро разгадывается и становится известен врагу, который немедленно использует наши ошибки в своих интересах... Задонская петля — в самом деле отличный ориентир, лучшего не надо. Но если мы заходим на него очень часто, то сами лезем в петлю, приготовленную для нас гитлеровцами.

— Подставляем голову, — дополнил от себя Амет-Хан.

— Верно. Хорошо, что мы пока еще целы. Пора отказаться от петли! Разве мало других выразительных примет на местности. Только следи за ними, чтобы не заблудиться.

Указание не залетать на Задонскую петлю повторил утром и командир полка Морозов.

— Пусть фашистские асы там барражируют, — сказал майор, — и жгут горючее, его у Гитлера не так много.

Удар на себя

Войска Брянского фронта продолжали сдерживать ожесточенный натиск неприятеля, уничтожая вклинивающиеся в нашу оборону его передовые группировки, сами часто переходили в контратаки. На линии Елец — Воронеж шли жаркие бои. Но противник уже понимал, что здесь ему не достигнуть успеха, метался и искал выход. Решалась судьба задуманных Гитлером планов взятия Москвы.

Время торопило и нас, и противника. Гитлеровцы стремились во что бы то ни стало доказать всему миру состоятельность своих планов на лето 1942 года, приписывая причину поражений в зимней кампании 1941–1942 гг. «русской зиме».

Судя по воспоминаниям генералитета фашистской Германии и документам германского генерального штаба, в конце июня 1942 года под Винницей в ставке фюрера «Вервольф» («Оборотень») состоялось совещание представителей главного командования вермахта, на котором Гитлер поставил конкретную задачу: ввиду того, что русские прочно удерживают оборону на Центральном фронте, нанести главный удар в двух направлениях: воронежском и кантемировском. Затем, окружив основные силы Юго-Западного фронта, быстро продвинуться в двух смежных направлениях — кавказском и сталинградском, отрезать обороняющихся от главных источников нефти, захватить эти источники и решительным наступлением в излучине Дона разгромить советские войска и выйти к Волге на оперативный простор. Фашистские стратеги опасались того, что, если они не разобьют Красную Армию летом 1942 года, возрастет ее военный потенциал, да и второго фронта им не избежать.

В состав немецко-фашистской авиации входили отборные истребительные и бомбардировочные эскадры Рихтгофена, Мельдерса, Удета и асов из ПВО Берлина, действия которых были направлены на одно: дать возможность войскам Паулюса и Клейста беспрепятственно выполнить свои задачи по захвату Сталинграда и Кавказа.

На советский фронт шли новейшие истребители Me-109ф и Me-109 г-2.

Много лет спустя, перелистывая страницы книг, знакомясь с воспоминаниями видных военачальников, вчитываясь в историю Великой Отечественной войны, я все более отчетливо познавал обстановку и задачи, которые тогда, со стоянки моего самолета, не были очерчены со всей надлежащей ясностью и полнотой. Что касается действий авиации на нашем направлении, то ее задачи определены в директиве Ставки Верховного Главнокомандования представителю на Брянском фронте члену Военного Совета ВВС армейскому комиссару 2 ранга П. С. Степанову. В ней указывалось: «Главная задача авиации фронта — завоевать воздух, создать наше подавляющее превосходство и заставить немецкую авиацию, особенно бомбардировщиков, уйти с поля.

Вторая задача — всю силу нашей штурмовой и бомбардировочной авиации употребить на то, чтобы разбить танковые и моторизованные колонны противника, уничтожить силу врага и тем поддержать наши войска.

Третья задача — наша истребительная авиация должна не только прикрывать наши войска, но и бомбить живую силу противника, насколько это возможно».

Все это определяло ту напряженность и ежеминутную готовность к бою, которые царили в полку.

Для 287-й истребительной авиадивизии, действующей на рубежах Брянского фронта, работы хватало: она ежедневно вела бои по прикрытию войск и переправ через Дон, летала в разведку, сопровождала и прикрывала штурмовики и бомбардировщики.

...Группой подходим к переднему краю. Еще на значительном удалении от него видим: над линией фронта клубится дым пожарищ, сверкают зарницы разрывов.

Мое место — в строю эскадрильи капитана Ищука. Чувствую себя частицей монолитного боевого коллектива, внимательно слежу за воздухом. И в то же время, как говорится, не спускаю глаз со своего ведущего — Алексея Рязанова. Он летит в строю, но я-то знаю, что Алексей в любой миг может бросить машину в сторону или вверх. Мой долг — в точности повторять его маневр. Нелегко копировать опытного Рязанова, но стараюсь. Он мастер своего дела. И, как я уже говорил, пребывание над родными местами словно удваивает его силы. Сказывается это и на моем

настроении. Ведь воронежские и полтавские места близки и дороги нам обоим.

Чувствую, как меня охватывает предбоевое напряжение: происходит наивысшая мобилизация всех моральных и физических сил. Заостряется до предела внимание, каждый мускул вибрирует от излишка энергии.

Все идет нормально, и вдруг... Двигатель моего самолета зачихал и затих. Пытаюсь завести его, увеличить скорость, выровнять направление, но напрасно. Докладываю командиру.

— Попробуй еще раз завести, — советует Рязанов. — Если не запустится, иди на вынужденную.

Двигатель молчит, высота резко уменьшается, скорость падает. Выпускаю шасси, направляю машину на зеленое поле. Навстречу бежит луг — лучшей площадки и не надо. Сажусь благополучно, выпрыгиваю из кабины и бросаюсь к двигателю. Вот досада! Товарищи, наверное, уже ведут тяжелый бой, а ты тут «загорай» неизвестно по какой причине.

О моей вынужденной посадке Рязанов, видимо, сообщил на аэродром. Вскоре примчалась наша полевая мастерская, и ремонтники быстро нашли причину аварии — поршни пробили картер, двигатель заклинило.

— Не унывайте, товарищ старший сержант, все исправим, — успокоил меня начальник ремонтной мастерской А. Б. Игнатьев. Это был отличный специалист, выдавший виды и не раз возвращавший в строй разбитые, казалось, в щепки самолеты.

Техники и механики за ночь отремонтировали двигатель, и к утру я уже был в полку. Прибыл вовремя.

По команде все как раз собрались у дуба. Командир полка объявил приказ:

— Агентурной разведкой установлено, что противник перебрасывает большие силы артиллерии и танков северо-западнее Воронежа. Приказываю группе из шести самолетов под командованием заместителя командира эскадрильи Кобякова в составе летчиков Павленко, Ситикова, Амет-Хан Султана, Петушкова, Степаненко произвести разведку войск противника в районе Касторное, Верхняя Гайворонка, Волово. Вылет в 5. 30. Подчеркиваю: задание очень ответственное, район прикрывается сильным нарядом истребителей. В бой не вступать...

Шесть «харрикейнов», набрав высоту 1500–2000 метров, взяли курс на запад. Погода безоблачная. Яркое солнце косыми лучами освещает землю, обожженную вчерашними жестокими боями и еще дымящуюся.

Приближаемся к населенным пунктам Чернове, Долгоруково, Землянск, Семилуки. Западнее — Воронеж. Странными кажутся прозрачный воздух, тишина. Видны зеленые деревья между домами, словно копны на ножках, длинные тени протянулись от каждого. Четко просматриваются пыльные переплетения полевых дорог и троп. Чем дальше от фронта, тем интенсивнее движение войск. Война требует подкреплений, горючего, продовольствия, боеприпасов.

А вот и объект для разведки: длинная колонна танков. Пыль от нее стелется в направлении Дона, туманом закрывает зеленые лоскуты полей. Считаю: около сотни. Докладываю Кобякову. В перелесках помимо танков видны и автофургоны, автомобили, тщательно замаскированные сетями, ветвями. Средства маскировки свежие, значит, фашистская техника прибыла сюда недавно. Напрягаю зрение, пытаюсь хоть приблизительно определить ее количество. Кобяков несколько раз запрашивает, удалось ли мне что-нибудь сосчитать.

Вот и конечный пункт разведки. Карта быстро заполняется условными знаками. Возвращаемся назад — сведения очень важные, их следует немедленно сообщить в штаб. А что если бой?.. Успокаивает мысль: на картах у товарищей тоже не пусто. Если один летчик не возвратится, даже если не придут два, все равно результаты разведки станут известны командованию.

Разворачиваемся за машиной замкомэска. Я крайний ведомый и замыкающий, на меня возлагается обязанность прикрывать группу.

Не прошло и минуты, как за нами на малой высоте, включив форсаж двигателей, устремились шесть «мессершмиттов». Окутанные дымом и копотью, они шли явно на перехват. Докладываю ведущему группы.

— Степаненко, держись строя, — слышу голос Кобякова. — Идем домой.

Ведущий решает не вступать в бой. Но как быть мне? Фашисты наседают. Бездействие может привести к тому, что они

перебьют всю группу.

Маневрирую слева направо. «Мессеры» подтягиваются все ближе. «Харрикейны» дают полный газ, но это не помогает. «Мессершмитты» открывают огонь. Докладываю по радио командиру:

— Я — Степаненко. Принимаю бой!

Резко разворачиваюсь и иду в лобовую атаку. Наша группа в этот момент удаляется на северо-восток.

Что руководит поступками летчика в такой момент? «Безумство храбрых», чувство долга или понимание ответственности за выполнение боевой задачи? Об этом думаешь потом. А тогда мысль вертелась вокруг одного: во что бы то ни стало задержать врага, не допустить к группе, оградить ее от дальнейшего преследования.

Направляю свой «харрикейн» на разрисованный «мессер», а сам думаю: «Ну, теперь держись, Иван. Чья возьмет, тому и повезет...»

Снова разворачиваюсь, ловлю врага в прицел, бью из пушки. «Мессершмитт» вспыхивает. Дым валит из хвоста. Захожу на второго фашиста, но тут на меня насаждают два хищника снизу. Осколки снарядов барабанят по броневой спинке сиденья, двигателю и водяному радиатору. Двигатель кашляет и дает перебои. Осколки секут обшивку, залетают в кабину. Чувствую, как с лица брызнула кровь, струйками потекла за пазуху. Тяну машину в левый вираж, но сверху на меня бросается третья пара «мессеров». В кабину повалил дым, становится тяжело дышать. Глохнет двигатель.

«Держись, Иван!» — подбадриваю себя. Однако держаться в воздухе уже не на чем: подбитая машина теряет скорость, резко снижается. Выпрыгнуть с парашютом? Но внизу идет жаркий бой. Его размеры и глубину трудно определить. На созревшей хлебной ниве пляшут всплески яркого пламени. Если и сяду, то только в огонь.

Решаю приземляться, другого выхода нет. В первые минуты защита — самолет. Правда, ненадежная. В бушующем море огня и он может вспыхнуть и взорваться.

Отдаю ручку управления от себя, выпускаю шасси. Самолет бежит по горячей ржи, вихрит дым и пламя. Огромный смерч,

движущийся со скоростью самолета, яростно рвется к небу. Остановившись, выскочил из кабины. Медлить нельзя ни секунды. Бегу по серым колосьям, из них струятся тоненькие струйки дыма. Вспоминаю, как в детстве из ржаных стеблей мы плели брыли — крепкие с широкими полями головные уборы.

Наконец выбираюсь из этого ада, падаю в борозду. Надо мной проносятся два «мессершмитта», дают длинные очереди из пушек. Мой «харрикейн» окутывается дымом. Я ищу глазами хотя бы малую щелку для выхода, выползаю на пригорок, с него ветер уже сдул пламя. Неподалеку вижу дом, сарай. Прикрыв ладонью глаза, пригибаясь, бегу туда.

Вот и край поля. Неглубокий ров зарос травой. Ложусь в него, осматриваю руки, ощупываю голову. В висках гудит, ноет раненое предплечье. Достая бинт, кое-как перевязываюсь.

Здесь тихо, ветер гонит дым от пожара в другую сторону. В зеленой траве мирно жужжат пчелы, шмели, над цветами порхают бабочки. Даже не верится, что рядом смерть, кровь. Лечь бы ничком в траву, забыться хоть на час... Но расслабляться нельзя. Время не ждет. И в любую минуту здесь могут быть гитлеровцы.

Приглядываюсь к селу. Со стороны оно выглядит так, будто в нем нет ни одной живой души. Вытаскиваю из голенища карту, определяюсь на местности. Кажется, Большая Верейка. Кто же в ней — наши или противник?

Перезаряжаю пистолет «ТТ». Направляюсь к крайней хате, две пожилые женщины открывают мне дверь.

— Большая Верейка? — спрашиваю.

— Так, так, — торопливо отвечают они. Наверное, у меня страшный вид, потому что женщины в испуге отпрянули назад.

— Немцы есть?

— Кто его знает. Вроде, ушли.

— А наши где?

Колхозницы вышли за ворота, указали на восток.

— Беги, сынок, этой дорогой...

Я не бежал, даже не шел. Еле двигался. Очень болела голова, что-то в ней дергалось и стучало. Переживал за своих: добрались ли они до аэродрома, все ли сведения о передислокации войск противника переданы в штаб? Мучила неопределенность

обстановки на линии фронта. Что, если иду к фашистам? На переднем крае всякое случается.

Прошел километра три. Вокруг — ни души. Так бывает обычно на нейтральной полосе или в промежутках между эшелонами, когда передовые части продвинулись вперед, а те, что За ними, еще не подоспели.

Оказалось другое: передний край стойко удерживали наши части, и я шел в тылы, которые в обороне, как известно, размещаются на расстоянии от передовой. Об этом узнал от капитана, сидевшего в кабине грузовика.

— Садись, летун, подвезу, — кивнул водитель, притормозив рядом со мной.

С борта кузова протянулось несколько рук. Разместившиеся в нем солдаты вскочили, помогли мне.

— Так это твой там небо коптит? — спрашивает один из красноармейцев.

— Откуда видели?

— С передовой.

Пожилой сержант, сидящий рядом со мной, сочувственно застывает:

— Это ты брось, парень. Неравный бой: один против шести.

— Да я что... — оправдывается красноармеец, задавший вопрос.

— Молодец, хорошо ты его хряпнул, — хвалит сосед. — Прямо с ходу.

— А что же товарищи не помогли? — вступает в разговор новый голос. Кто говорит, я не вижу. А повернуться назад нет сил. Голова будто разрывается на части, осколки дают о себе знать.

— Приказ был таким: в бой не вступать, — ответил я и устало прикрыл глаза.

— А бывает так, что в воздухе наших больше? — задает вопрос пожилой сержант.

— Случается, — отвечаю. — Правда, очень редко.

— Воют не числом, а умением, — оптимистически комментирует мой собеседник.

Полуторку бросает из стороны в сторону на ухабах и выбоинах. Осколки за ухом немилосердно режут живое тело. Наконец, автомашина сворачивает в овраг и останавливается.

— Летчика в столовую, затем на перевязку, — приказывает артиллерийский капитан, оказавшийся начальником штаба артдивизиона.

Солдатский повар угощал щедро, не придерживаясь нормы. Уже когда меня усадили в автомобиль, чтобы отправить на перевязку, к машине подбежал все тот же повар и сунул в мою сумку большой кусок вареного мяса.

— Бери, кто знает, придется ли обедать, — не слушая моих возражений, сказал он.

Только к вечеру я наконец добрался в штаб воздушной армии, и меня пригласили к командующему.

Генерал расспросил о разведке, о бое, осторожно похлопал по плечу и распорядился до наступления вечера доставить меня в полк. Было уже темно, когда У-2 сел на аэродроме.

Взволнованный, ко мне подбежал Михаил Погорелов.

— Ванюша, жив?! — Оценив мой неважный вид, подбадривающе зачастил: — Ничего, Ваня, мы еще им дадим. Придет время, будут и у нас самолеты получше их «мессеров»...

— Это ты верно сказал, — вздохнул я. — Немцу на форсажах нас догнать — раз плюнуть. А попробуй ты его. Дудки...

Мы разговаривали недолго, так как меня клонило ко сну.

Утром поднялись по команде майора Морозова. Иду к нашему дубу, а на душе беспокойно. Наверное, так чувствует себя каждый летчик, возвратившийся домой без машины. Каким бы ты образом ни потерял ее, в неравном бою или просто в полете, нарушив правила эксплуатации, все равно чувствуешь свою вину. Однако настроение изменилось, едва я увидел обрадованные лица друзей.

— Живой!.. — протянул руки навстречу капитан Ищук и крепко обнял меня.

Подходит командир звена Алексей Рязанов, улыбается.

— Еще полетаем! Главное, что живой... Амет-Хан Султан шутит:

— Говорят, Мельдерс в панике. Разбита его эскадра!

Дружески жмут руку Николай Кобяков, Геннадий Ситиков, Иван Борисов, Владимир Лавриненков. Летчики Лавриненков и Борисов прибыли в полк недавно, но уже хорошо себя зарекомендовали.

Командир полка, как всегда, поинтересовался деталями боя, потом сказал:

— Впредь думай, стоит ли храбриться, если у противника большой перевес. Ведь могло закончиться хуже.

— Другого выхода не оставалось, — объяснил я вчерашнюю ситуацию. — Чтобы прикрыть группу, я вынужден был отвлечь «мессеров» на себя...

— Да, ситуация сложная. Примем это во внимание. В голосе командира полка слышались нотки укора.

Почему? Ведь он сам много раз вступал в бой при большом перевесе сил противника... Наверное, считал, что я недостаточно подготовлен к такому бою с опытными асами. Он несомненно прав. Немало юных голов, без достаточного опыта, проявив горячность и безрассудную смелость, гибли, даже не выполнив боевую задачу.

Я знал своего командира. Он был тактичен в своем отношении к подчиненным и никогда не ругал зря.

После встречи и бесед с товарищами и командиром у меня, как говорят, отлегло от души. С легким сердцем я переступил порог своего шалаша и увидел механика самолета Алексея Алексеева. По его грустному виду понял: предстоит нелегкий разговор. Алеша был отличным специалистом, любил свою машину, бережно заботился о ней и о летчике. Нередко ухитрялся достать для меня невероятно дефицитные в военное время вещи: то где-то раздобудет добротный матрац, то выменяет свежие простыни. Меня трогала его бережливость. Как иногда в трудный момент были кстати сбереженные им продукты «НЗ», припрятанные в нише одной из стенок «харрикейна». Такое «подсобное помещение» конструкторами не предусматривалось, но механик настоял на нем. Алексеев время от времени подкладывал в нишу то галеты, то сгущенное молоко, то хорошие папиросы или шоколад.

Выслушав мой рассказ о бое, он все же не выдержал, спросил:

— А как же бортпаек? Сгорел?

Вспомнив его аккуратные мешочки, я смутился. — Ты уж прости, Алексей Фролович, — он был старше меня по возрасту, потому я нередко обращался к нему по имени и отчеству. — Так нескладно получилось все, пришлось выбирать: бортпаек или жизнь. Задержись на минуту — погиб бы вместе с машиной...

— Да что там... — вздохнул Алексей. — Если все пронялось дымом, то и вкус не тот...

Разговор закончился шуткой, но когда о происшедшем узнали в эскадрилье (Алексей рассказал сам), то вспоминали еще долго. «А как там бортпаек?» — будто исподволь спрашивали друг друга летники, возвратившись из боя. Или докладывали механикам: «Бортпаек в порядке...»

Первые раны заживают быстрее...

Раны оказались серьезными. В тот же день полковой врач Владимир Васильевич Рощин препроводил меня в госпиталь, расположенный неподалеку в селе.

О врачах, медицинских сестрах, санитарях сложено много песен, написано немало книг и, уверен, будет создано еще больше. Самые теплые воспоминания о медиках остались и у меня. В госпитале доктора вынули немало осколков, хотя несколько все же осталось.

— Терпи, казак, атаманом будешь, — привычно приговаривал седоусый врач, ловко орудуя скальпелем.

Один из осколков, застрявший под ухом, вытащить так и не удалось. Он оставался там и постоянно напоминал о себе: когда я наклонялся, голова как бы тяжелела.

Госпитальная обстановка располагает к размышлениям. Я часто вспоминал об эскадрилье, прислушивался к гудению самолетов, угадывал на слух их тип, направление полета. Распознавал безошибочно двигатели и очень радовался, если удавалось увидеть в небе своих, завидовал друзьям. Но и они тоже не забывали обо мне.

Первым в госпиталь приехал Миша Погорелов. Еще с улицы я услышал его выразительный голос и еле приметное «оканье». Вскоре и он сам вырос на пороге. На лице улыбка, пилотка набекрень, русский чуб выбивается из-под нее, как у заливчатского донского казака.

Мы подружились с Мишей с первых дней пребывания его в нашем полку, как говорят, сошлись характерами. Много в нем напоминало мне Ивана Ребрика: откровенность, отсутствие рисовки, уважение к товарищам, прямота в отношениях, честное признание своих ошибок, добросовестность при их исправлении. У Миши красивое продолговатое лицо с выразительными черными глазами, густые русые волосы, которые он зачесывал назад, что считалось тогда модным.

Миша улыбался, но не сводил взгляда с моей забинтованной головы.

— Не узнаешь? — спрашиваю.

— Узнать трудно, но можно, — честно отвечает он и, видно, умышленно не интересуется здоровьем, не задает обычных в таких случаях вопросов. Туго затянутые бинты говорят сами за себя.

— Весь металлолом из меня удалили и отправили на переплавку, — шучу, пожимая руку друга. — Осталась самая малость. Подарок рурских магнатов...

— Полковой врач докладывает нам о ходе лечения, — словно оправдывается Миша и улыбается: — А голова чем тяжелее, тем умнее.

Миша сообщает полковые новости. Воздушные бои становятся все кровопролитнее, наши вылетают по нескольку раз в день. С прикрытия линии фронта не вернулись лейтенанты Глушихин и Горшков. Они провели десятки воздушных боев, сбили несколько самолетов противника. Мне трудно поверить в их гибель... Боевыми были истребителями, расторопными, смелыми. Будто вижу немного медлительного в движениях, плечистого, Крепкого, широколицего и ясноглазого Владимира Николаевича Глушихина и стройного, с подчеркнутой военной выправкой Павла Ивановича Горшкова...

Потеря боевых друзей больно отзывается в душе, зовет к мщению.

— Есть слухи, что у гитлеровцев на подходе к фронту новые самолеты с форсированным двигателем и мощным вооружением, — сообщает Миша. — «Мессершмитт-109» с приставкой «г-2». Что это такое — пока неизвестно. Кроме того, прибывают именитые немецкие асы, воевавшие в легионе «Кондор» в Испании: Мельдерс, Удет, Рихтгофен...

Здесь, в госпитале, нам читали лекции о международном положении, текущем моменте. Приезжий лектор говорил уверенно и внушительно. В общем выходило, что рейх стоит на краю пропасти: разваливается экономика, промышленное сырье на исходе, запасы нефти исчерпаны, металла уже нет. Немцы снимают у себя колокола и дверные ручки. В верхушке военного руководства происходит борьба за власть, в частности, растут разногласия в среде высшего командования военно-воздушными силами, что особенно сказалось после поражения гитлеровцев под Москвой.

Лекцию мы слушали с большим интересом, она вселяла в наше сознание надежды, бодрила.

— А как у нас с самолетами, ничего не слышно? — с надеждой спрашиваю Михаила.

Погорелов наклоняется, негромко сообщает:

— Говорят, вскоре получим скоростные. Типа «Як».

— Мечты?

— Из проверенных источников.

Миша посидел еще немного, пожелал мне быстрого выздоровления и ушел искать попутную машину.

Раны заживали быстро. На десятый день меня выписали. Прощаясь, врач сказал:

— От малых осколков мы вас избавили. — Он выложил на стол с десяток выщербленных черных и серых кусочков со следами свежих изломов на гранях. — Но два, побольше, извлекать не стали. Они проникли довольно глубоко, застряв у жизненно важных центров. Для их извлечения нужна серьезная операция, совершенная аппаратура. Без особых условий и инструментов подобные операции проводить нельзя. Можно повредить нервные окончания, а это, в свою очередь, повлечет за собой ухудшение функций...

Я не выдерживаю:

— А летать с этими осколками смогу?

— Сможете. Если начнут вас беспокоить, обращайтесь к нам. Поедете в тыловой госпиталь.

На попутной машине быстро добрался в полк. Обычная деловая обстановка в части успокаивала, настраивала на рабочий ритм. Доложил командиру.

— Как себя чувствуешь, Степаненко? — выслушав, спросил Морозов. Знаю, если перешел на «ты», значит, у майора хорошее настроение.

— Отлично. Отдохнул, но очень скучал.

— Все на тебе зашили?

— Даже заштопали, а теперь и заросло...

— Иди отдыхай. О работе поговорим завтра.

Отдаю свои аттестаты старшему писарю штаба сержанту Мордухаю и спешу на занятия, которые проводит на традиционном месте — под дубом — инженер полка капитан Г. С. Айвазов. Тема

занятий: «Тактико-технические данные нового самолета-истребителя».

— Разрешите присутствовать?

Григорий Сергеевич смотрит на меня с удивлением.

— Старший сержант Степаненко после текущего ремонта? Садись, — разрешает он. — Записывай.

Все, кто ближе, жмут руку: «С возвращением...» Данные нового истребителя радуют. Наконец-то получим свои машины, на которых можно на равных сразиться с «мессершмиттами». Посмотрим, чья возьмет! Правда, опять придется учиться, осваивать материальную часть, а значит — не участвовать в боях. Но, несмотря на это, настроение у всех приподнятое.

— Пересаживаемся с ишака на жеребца, — прокомментировал Амет-Хан Султан, когда капитан Айвазов объявил перерыв.

Я слушаю, как перебрасываются шутками дорогие, близкие сердцу люди, мои боевые товарищи. Сколько бед и горя выпало на их долю! У многих гитлеровские палачи зверски уничтожили семьи. А сколько уже не вернулось в полк, а значит, не вернутся никогда домой, к родному очагу... Сердце сжимается при мысли о тех страданиях, которые принял мой брат, погибший в застенках фашистского лагеря, тревожит судьба сестры. Она осталась на оккупированной Украине... Проклятый фашизм! Когда же мы прикончим его?

Усилием воли беру себя в руки. На память приходят слова комиссару Миронова. Он их часто повторял, беседуя с нами. «Не ной, не ворчи от сознания собственных недостатков, а смело иди им наперекор, преодолевай, будь оптимистом в настроениях и целях! Воюй разумно, с инициативой, не чувствуй себя слабее противника, а действуй так, словно все выгоды и перевес на твоей стороне, ибо уверенность в своих силах и умении — это половина победы...»

Да, нужно учиться, настойчиво изучать новую технику, овладевать тактикой. В этом залог наших успехов, успехов полка.

Высокая честь

В начале июля 1942 года 24 «харрикейна» — наш 4-й истребительный авиаполк — перебазировались под Елец. Задача: в составе 287-й истребительной авиадивизии преградить врагу путь на Воронеж. Бои на этом направлении носили ожесточенный, кровопролитный характер. Противник уперся в Дон, вплотную подошел к городу и занял его западную часть...

...Пройдут годы, и военные историки сделают вывод: героические усилия наших войск в те незабываемые дни положили начало срыву наступления вермахта на советско-германском фронте в 1942 году.

В один из августовских дней полк был построен при развернутом Знамени по случаю радостного события. Торжественные, взволнованные, прибыли командир и комиссар полка.

— Товарищи! — обратился к нам майор Морозов. — Должен сообщить вам приятное известие: Указом Президиума Верховного Совета СССР за мужество и отвагу, проявленные в боях против немецко-фашистских захватчиков, группа наших товарищей удостоена наград Родины. Товарищ комиссар, прошу зачитать Указ.

Как восприняли это событие мои друзья? Возможно, не так, как я. Многие из них уже имели ордена и медали. А как волновался я! Первая в жизни награда — орден Красной Звезды. Большое спасибо вам, командиры, так высоко оценившие мои заслуги. Спасибо родному правительству, проявившему отеческое внимание к нам, рядовым воздушным бойцам. Я обещаю драться с врагом беспощадно, не щадя жизни для его разгрома.

Мои учителя и наставники капитан Ищук, старшие лейтенанты Рязанов и Амет-Хан Султан награждены орденами Красного Знамени. На состоявшемся тут же митинге Амет-Хан попросил слова. Выступление было коротким, но горячим.

— На новых самолетах мы будем бить фашистских асов так, что ни один из них не вернется в свой фатерлянд! — заверил он в заключение.

Награды вручал Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин в городе Туле. В торжественной обстановке нашему полку также было вручено Красное Знамя от тульских рабочих за подвиги в воздушных боях. Принимая Знамя из рук прославленных оружейников, майор Морозов заверил их, что советские летчики будут достойно защищать родное небо, беспощадно истреблять врага.

Оборонительные бои под Тулой осенью 1941 года, сражения на тульском направлении, продолжавшиеся летом следующего года, носили крайне ожесточенный характер. Здесь, под Тулой, потерпела свое первое поражение хваленая армия Гудериана, стремившаяся вырваться на оперативный простор к юго-востоку от Москвы и угрожавшая захватом столице. Измотанным нескончаемыми боями частям Красной Армии, оборонявшим Тулу, огромную помощь оказывали ополченцы рабочего полка города оружейников. Вокруг Тулы были возведены три оборонительные полосы, которые в сочетании с мужеством и стойкостью воинов сыграли в защите города решающую роль.

К лету 1942 года фронт значительно отдалился от Тулы, но его горячее дыхание ощущалось ежедневно. Противник неоднократно угрожал налетами с воздуха, пытался уничтожить промышленные предприятия или хотя бы парализовать их работу.

В перехвате самолетов врага принимал участие и 4-й истребительный. На этом и смежных направлениях только в течение одного месяца полк совершил 509 боевых самолетовылетов, участвовал в 196 воздушных боях и сбил 40 фашистских стервятников. Только в одном бою были разгромлены 3 эшелона бомбардировщиков противника (всего 31 самолет), сбито 11 воздушных пиратов.

Августовские дни сорок второго года были для полка и лично для меня по-настоящему праздничными. Как-то после ужина ко мне подошел парторг полка А. М. Бередин. Александр Митрофанович лет на пять старше меня. Он отличался рассудительностью, был внимателен к людям. Высокий, широкий в плечах, говорил не спеша, с паузами.

- Как воюется, старший сержант Степаненко?
- Особых подвигов не совершаем, товарищ парторг.
- А два сбитых вражеских самолета?

— Мало еще сбиваем... Помолчали.

— Я хочу поговорить с тобой вот о чем, — продолжает через минуту Бередин. — Летчик ты хороший, имеешь заслуги. И в перспективе, думаю... В комсомоле давно, поручения выполняешь добросовестно. Так что, мне кажется, можешь подавать заявление в кандидаты партии...

— А примут? — вырывается у меня.

— Это решит собрание. Полагаю, коммунисты полка не откажут. Относительно рекомендаций... Одну дам я, другую — комсомольская организация. Обратись к комиссару — он знает тебя давно... Почитай Устав, Программу партии, — вынул из кармана красную книжечку и подал. — Выучи права и обязанности. Потом побеседуем обо всем, проверим, как усвоил.

— Спасибо за доверие, товарищ парторг, — говорю я взволнованно.

Направляюсь к своему шалашу, а в ушах звучат слова парторга, наполняют душу радостью. Наконец сбудется то, о чем давно мечтал. Все мы стремились воевать так, как коммунисты Карманов, Морозов, Миронов, Константинов. Мы, комсомольцы, старались быть достойными их дел. Хотелось быть среди тех, кто впереди, кто несет на своих плечах самый тяжелый груз в жестокой битве, несет отважно и непоколебимо, преодолевая невероятные трудности.

Долго в ту ночь не мог уснуть, а утром, набравшись смелости, пошел к комиссару. Николай Иванович внимательно посмотрел мне в глаза и коротко ответил:

— Верно решил, Иван Никифорович, — он впервые назвал меня по имени и отчеству. — Пиши заявление, рекомендацию дам. Верю, доверие оправдаешь. Считаю, что звание коммуниста ты заслужил в боях.

Кандидатскую карточку мне вручали в лесу возле большой палатки политотдела дивизии. Когда я вернулся в полк и доложил комиссару Миронову, Николай Иванович поздравил меня и сказал:

— С этой книжечкой, Ваня, воевать и труднее намного и легче. Знаю по опыту: она придает храбрости и ведет вперед.

В самом деле, принадлежность к партии удвоила чувство ответственности за каждый бой, за победы и поражения.

В жестоких боях, часто неравных, с численным преимуществом на стороне противника, полк нес значительные потери. У Ельца погибли наши товарищи: пилоты лейтенант П. А. Костомаров, старшина С. Е. Тетерюк, штурман эскадрильи старший лейтенант Н. И. Рыжков.

Весь полк тяжело переживал гибель командира эскадрильи капитана А. Г. Ищука. Смертью героя пал в жестоком бою наш любимый командир, отражая со своей эскадрилей яростные атаки численно превосходящего противника. Мы поклялись беспощадно мстить ненавистному врагу за дорогого нам товарища.

Александр Григорьевич был душевным человеком, строгим и справедливым. Лично возглавлял почти каждый боевой вылет эскадрильи; под его непосредственным руководством мы приобретали практические навыки в первых, самых тяжелых боях. Капитан Ишук мастерски организовывал атаки и оборону, предугадывал появление противника, требовал от нас четкости в работе, осмотрительности, активности в небе, не раз своевременным маневром предупреждал неожиданные выпады врага.

Помню, в свободное время он любил вспоминать Днепропетровск, где до призыва в армию работал на заводе имени Красина, искренне сожалел, что не имеет возможности взглянуть на него хотя бы с воздуха.

Тяжело было поверить в то, что его уже нет с нами, что никогда не услышим его спокойный голос при разборе полетов, привычные команды в воздухе, советы, подсказки, которые многим из нас спасали нередко жизнь.

Забегая вперед, хочу сказать, что осенью 1973 года я получил из Днепропетровска письмо от брата Александра — Николая Григорьевича Ищука. Прочитал волнующие строки о боевом товарище, командире, и в памяти ожил образ самоотверженного, преданного Родине Патриота. Все мы, кому посчастливилось пройти огненными дорогами войны и остаться в строю, никогда не забудем тех, кто прививал нам любовь к небу, давал первые уроки поведения в жестоких воздушных схватках, кто щедро делился опытом, учил нас смелости и мастерству.

Думаю, что во многом мы обязаны таким наставникам, как Александр Ищук, не жалевшим себя в сражениях с наглым, опытным, самоуверенным врагом. Это благодаря им мы выросли в мастеров воздушных боев, выстояли и победили. Для него, Александра, Родина была превыше всего, за нее отдал он свою замечательную молодую жизнь.

Как позже мне стало известно, брат Александра — Николай Григорьевич заменил отца осиротевшим детям капитана Ищука, вырастил, воспитал. Умер Николай Григорьевич в 1978 году в Днепропетровске после тяжелой болезни.

Фронт над Сталинградом

Во второй половине августа 1942 года наш полк закончил переучивание летного состава на машинах Як-1 и Як-7б и передал «харрикейны» в другую часть. Полеты, как обычно, начались с провозных, за ними последовали полеты в зону, самостоятельные, после чего мы были готовы вступить в бой.

На южном крыле советско-германского фронта продолжались тяжелые сражения за инициативу в летней кампании. Отборные войска Гитлера, потерпев поражение на брянском направлении и не продвинувшись, как планировали их высшие штабы, на восток в обход Москвы, теперь устремились к Волге. Предстоящей операции гитлеровское командование придавало не только стратегическое, но и большое политическое значение. Внимание тсето мира было приковано к великой русской реке. А на ее берегах уже пылали кварталы героического города, ставшего впоследствии легендой...

На Сталинград были брошены войска, ядро которых составляли танковые и пехотные дивизии под командованием одного из авторов плана «Барбаросса» — генерала Паулюса. 6-я немецкая армия, оставившая по себе кровавый след на дорогах всей Европы, ринулась к волжской твердыне, остервенело вгрызаясь в нашу оборону.

Фашистское командование понимало, что взять город с ходу будет невозможно, потому принимало меры, чтобы уничтожающими ударами с суши и с воздуха смести его с лица земли, превратить в руины все, что могло быть использовано советскими войсками в целях сопротивления. Придавая первоочередное значение авиации, противник в короткий срок сосредоточил на ближних и дальних подступах к городу воздушные армады, насчитывающие около 1300 боевых самолетов.

Под Харьковом и Сталинградом у гитлеровцев действовала 3-я истребительная эскадра, входившая в состав 8-го авиационного корпуса генерала Фибиха, и 4-й воздушный флот генерал-фельдмаршала Рихтгофена — давнишнего личного друга Геринга. Здесь же базировались отдельные отряды 52-й истребительной эскадры. Истребительная авиация противника имела задачу

прикрывать аэродромы и войска своих 4-й танковой и 6-й общевойсковой армий, сопровождать бомбардировщики, вести воздушную разведку, «свободную охоту», а в целом — удерживая господство в воздухе, обеспечить своим наземным войскам широкую свободу Действий.

Какие огромные усилия требовались от нас, чтобы достигнуть преимущества над коварным и опытным противником!

Безусловно, временный, но весьма значительный перевес сил неприятеля в воздухе и наши тяжелые потери воспринимались летчиками, как и всеми советскими людьми, с тяжелой болью. Мы понимали, что, готовясь к войне, фашистская Германия создала мощный военно-промышленный потенциал. Ее промышленность располагала сравнительно большим производственно-техническим опытом в самолетостроении. К тому же новые машины фашисты испытали в боях в Испании и при захвате стран Западной Европы. Следует признать, что в этом направлении фашисты преуспели. В начале войны их самолетный парк превосходил наш не только по количеству, но и по качеству. Так, довольно внушительной выглядит характеристика истребителя Me-109 г-2. Скорость машины — порядка 600–650 километров в час, вооружение — три пушки системы «эрликон» 20-миллиметрового калибра и два пулемета. Снаряды пушек имели устройство самоликвидации (они взрывались на дистанции 400–600 метров, образуя полосу сплошных разрывов). Кроме того, трасса разрывов самоликвидирующихся снарядов отлично просматривалась визуально, и летчик вносил коррективы в прицеливание.

Фашисты чванились своими истребительными эскадрами, в особенности 51-й и 53-й, имевшими на своем счету немало сбитых самолетов. Подобные эскадры носили кодовые наименования, как например: «Туз-пик» и так далее. Появление их на любом направлении означало, что здесь немецко-фашистское командование планирует очередные активные операции.

Как-то Амет-Хан Султан нашел возле капонира своего самолета листовку, сброшенную, вероятно, ночью с вражеского самолета. Амет-Хан отдал ее комиссару полка, который как раз вел с нами беседу. Николай Иванович развернул бумажку, взглянул на текст и передал нам.

— Ознакомьтесь.

С выразительного, отпечатанного, по-видимому, в первоклассной типографии снимка на нас высокомерно взирали немецкие асы: в фуражках с высокой тульей, в мундирах с многочисленными орденами и даже рыцарскими крестами. Подписи: Мельдерс, Граф, Штайнгоф, Баркгорн, Лесман, Вальтер... Приставки «барон», «фон» перед многими фамилиями говорили об аристократическом происхождении и прирожденных боевых качествах арийцев. Здесь же отмечалось, сколько самолетов сбил каждый из них: Баркгорн, например, — 104, Штайнгоф — 150, Гофман — 160, Граф — 202.

— Теперь вам известно, с кем имеем дело, — сказал комиссар, пряча листовку в карман. — Может, кто-то испугался? На это у них и расчет. Кто боится, пусть скажет. Пошлем в тыл. Туда фашистские асы не летают.

— Их породу знаем, — махнул рукой Миша Погорелов. — Видели. У каждого своя отметка.

Драконы, змеи, устрашающие чудовища, гробы — все это, что, по мнению гитлеровских асов, должно было влиять на психику наших летчиков, «украшало» крылья и фюзеляжи их машин.

— Что фон, что барон, что змей-горыныч — одна сатана, — прокомментировал Рязанов. — Главное — результат в бою. Бить их надо!

— А интересно, — улыбнулся комиссар, — у нас есть хоть один выходец из знатного рода?

— Есть! — отозвался Амет-Хан. Все обернулись в его сторону.

— Да, да, — подхватили друзья, посмеиваясь, — и хан и султан...

— Знатного рода парень.

— Ну, тогда немцам конец...

— Теперь относительно количества сбитых самолетов, — вернулся к листовке комиссар, когда смех утих. — Хвастовство фашистов нам известно. Нащелкали они себе этих «заслуг», как орехов, в боях против слабых армий. «Молодец против овец». Но, чтоб и нам не попасть впросак, надо серьезно учиться. Овладеть тактикой воздушного боя лучше, чем ею владеет противник. И бить его всюду... А самолеты мы получили хорошие, можно сражаться с самим дьяволом.

Мы приземлились на полевом аэродроме на левом берегу Волги. Будем драться за Сталинград. Здесь базируется наша 8-я воздушная армия генерала Т. Т. Хрюкина. На вооружении — Як-7б, Ил-2, Пе-2. Основная задача — прикрытие войск Сталинградского фронта от ударов авиации противника. В состав этой армии входит и 4-й истребительный авиационный полк 287-й истребительной авиационной дивизии. Кроме того, здесь же расположилась и недавно сформированная 16-я воздушная армия генерала С. И. Руденко для поддержки войск Донского фронта.

Во время нашего перелета к месту новой дислокации произошло событие, которое нас многому научило. Для перевозки имущества и наземного состава полка был выделен один Ли-2. Понятно, обеспечить нормальное перебазирование на достаточно большое расстояние он не мог. Командир полка собрал техников и механиков, объяснил положение.

— Что делать, товарищи?

— А откидные сидения на Як-7б зачем? — поднялся инженер полка.

— И в самом деле... — поддержали инженера несколько голосов.

— Предлагаете воспользоваться сидениями за бронеспинкой? — переспросил командир.

— А почему бы нет?

— Кто же будет обслуживать самолеты в пути и на новом аэродроме?

Тут следует отметить, что наши авиаконструкторы, учитывая случаи, когда приходилось вывозить летчиков с вражеской территории, за броневой спинкой истребителя приспособили подвесные сидения, а в борту фюзеляжа оборудовали специальные люки для прохода человека.

— Что скажет комиссар?

— Считаю предложение в данной ситуации разумным, — согласился Николай Иванович. — Одновременно испытаем технику, проверим ее на практике. И задержки в заправке самолетов не будет.

— Правда, здесь есть и опасный момент, — предупредил Морозов. — Возможно нападение противника, поэтому будем брать только добровольцев.

Желающих ехать поездом не нашлось, все стремились поскорее отбыть к Сталинграду. Техники заняли места позади пилотов.

...Группа уже приближалась к месту приземления, когда на нее внезапно напали «мессершмитты». Завязался воздушный бой, во время которого наши истребители оказались в весьма невыгодном положении. Общеизвестно, как отрицательно сказывается лишний вес на маневренности машины, к тому же, если он размещен за центром тяжести. Если учесть, что каждый техник весил около семидесяти килограммов, да прибавить сюда чемоданы, инструменты, которые он прихватил с собой (иначе зачем лететь!), то можно себе представить, на сколько килограммов «як» стал тяжелее.

Бой пришлось принять. Наши истребители яростно защищались, отчаянно маневрировали. При этом техники не могли удержаться на своих местах, их бросало от бронеспинки к хвосту и обратно. Пятнадцать минут показались им вечностью. Бой прекратился, когда подоспела вторая группа истребителей.

К счастью, никто из «пассажиров» не пострадал, но ни один из них не мог выйти из машины самостоятельно.

Особенно досталось в задней кабине инженеру полка по спецоборудованию А. А. Дроздову. Нелегко пришлось и летчику — старшине М. С. Погорелову. От первой до последней атаки он пилотировал свой самолет с большими перегрузками.

На разборе перелета был и смех, но... сквозь слезы. Командиры пришли к выводу, что в боевой обстановке перевозить людей подобным образом в принципе можно, однако при этом необходимо иметь специальную группу прикрытия, в машинах которой не должно быть лишнего груза. Что ж, верно говорят в народе: век живи и век учись.

С этого дня открывалась новая страница в боевой истории 4-го истребительного. Краткое содержание ее определялось одним словом: Сталинград!

В целях лучшего ознакомления с тактикой воздушных боев противника на этом направлении командир полка пригласил для обмена опытом летчиков из других частей.

— Откроем свою академию, — с улыбкой сказал Морозов. — С лекции — прямо в бой. Закрепляй теорию на практике.

Однако лекторов мы так и не дождались. На подступах к Сталинграду и над городом уже кружились самолеты противника, полк не мог оставаться в стороне от боевых действий. Мы вылетали на задания по нескольку раз в день.

...Наращиваем воздушный бой. Над Сталинградом — свои и вражеские самолеты. Треск пулеметов и пушек, взрывы снарядов, завывание двигателей сливаются в жуткую какофонию, длящуюся с утра до вечера. Преимущество явно на стороне гитлеровцев.

Я в паре с Михаилом Погореловым. Нам теперь часто приходится летать вместе. Меня назначили командиром звена, на петлицах ношу четыре треугольника — старшина. Миша у меня ведомый. Летает он хорошо, с ним спокойно в воздухе, как, впрочем, и на земле.

В составе группы мало самолетов — командир выпускает нас парами, звеньями, чтобы лучше изучали тактику противника, «знакомились» с немецкими асами.

С ходу бросаюсь на «мессеров», даже не выбрав для себя цели. Даю очередь по одному, сам отворачиваю от двоих, нападающих справа и слева. Ускользаю от них, как выюн, снова захожу для атаки, прицеливаюсь. Один взрывается, падает. Теперь могу свободнее маневрировать и прицеливаться. Но тут новая неприятность: у самолета Михаила повреждено крыло, он вынужден отойти. Фашисты направляют на меня огонь, отсекают от других «яков», один за другим атакуют. Только успевай отбиваться.

Силы слишком неравные. Видимо, поврежден двигатель моей машины. Он начинает перегреваться. Затем в кабину пробиваются горячее масло и вода. Выхожу из боя внезапно: переворотом через крыло. Сажусь на ближайший аэродром. Но уже на пробеге машина резко разворачивается влево. Пытаюсь погасить разворот тормозами и рулем управления, но самолет встает на нос, переворачивается через крыло и ложится на спину. Я оказываюсь прижатым к земле вниз головой. Масло и вода льются по моей одежде. Поблизости никого, кто бы мог помочь.

Над аэродромом грохочет бой, строчат пулеметы, бьют пушки. Минут через десять слышу голоса снаружи:

— Быстрее ломик! Летчика зажало в кабине вниз головой...

Вытащили меня.

— Сгребай с него масло! — командует незнакомый сержант.

Палками и лопатками солдаты очищают мой комбинезон от липкой массы, потом я осматриваю машину. Левое колесо повреждено. Так вот почему она скапотировала!

Над городом продолжается воздушный бой, к земле факелом устремляется чей-то самолет. Позже я узнал: не вернулся с задания старший лейтенант Кобяков. Он сбил «Дорнье-217», свалил «мессер», но и сам погиб... Дорого еще обходится нам каждая встреча с врагом. Но погодите, графы и бароны! Придет и наш час, и полетят вниз ваши рыцарские ордена и подвески, золотые мечи и бриллианты. Победителями в этой жестокой битве будем мы, советские люди!

Мои товарищи сражаются, как герои. По многу раз в день поднимаются в воздух Амет-Хан Султан, Лавриненков, Ситиков, Борисов, Рязанов, Бугарчев, Лещенко, Флейшман. Ранен Михаил Погорелов. В последнем бою ему удалось сбить двух «мессеров», правда, и сам угодил на прицел немецкого аса. Миша сейчас в госпитале. Руки и лицо иссечены осколками, раны заживают медленно, так как в горящем самолете он получил еще и ожоги.

Запомнился подвиг заместителя командира эскадрильи В. Н. Глушкова. В бою он утратил три пальца левой руки — перебило осколком, но лейтенант продолжал сражаться. В следующей атаке машину повредил снаряд, Глушков был ранен в челюсть, на нем вспыхнуло обмундирование. Обливаясь кровью, летчик вывел самолет из боя и посадил на своей территории.

Но это было лишь начало боев над Сталинградом и на подступах к нему. Очень тяжелых, при явном преимуществе противника. А впереди — еще более трудные испытания. Об этом знали мы все.

За все в ответе

Фашистские воздушные пираты продолжали господствовать в воздухе над Сталинградом. Своими самоотверженными действиями мы лишь частично расстраивали их изощренную «работу». Понятно, что прикрытие наземных войск осуществлялось пока слабо. Как быть? Ведь командование воздушной армии полагалось на нас, поручив полку охрану волжской твердыни.

По этому вопросу решено было провести партийное собрание. На повестке дня — задачи коммунистов в борьбе за Сталинград. Председатель — старший батальонный комиссар Николай Иванович Миронов.

Докладчик, командир полка подполковник Анатолий Афанасьевич Морозов, говорил коротко, сжато. В лаконичных фразах прорывалась тревога за порученное дело огромного значения.

— Положение крайне серьезное. Партия, народ не простят нам, если мы не сможем выполнить поставленную задачу. Коммунисты за все в ответе. Наше поражение будет расцениваться, как преступление. И правильно! Конечно, у фашистов отличная выучка! Но ведь и мы не лыком шиты! Я и комиссар хотим выслушать ваши соображения. Нужны решительные действия. Что предлагают коммунисты? Мы обязаны найти выход. Каждый из нас знает: нет таких крепостей, которых не смог бы взять наш народ...

Первым поднялся старший лейтенант Алексей Рязанов. Решительно взмахнул рукой.

— Мы продолжаем недооценивать врага, — обратился он к собравшимся. — У него большая сила. Мы ходим одиночками, малыми группами. Один в небе не воин, двое тоже. Нужны боевые эскадры...

— Каждый командует тем подразделением, которое ему поручено, — заметил Морозов.

— У меня звено, четыре машины, — добавил Рязанов. — Нас сбивают, потому что у нас пока слабые силы. Нужно увеличить количество машин.

— У меня тоже не больше полка.

— Позвольте, товарищ Морозов, — председатель собрания остановил командира, видя, что тот горячится. — Пусть товарищи высказываются. Прошу.

— Разрешите мне, — просит слова сержант Иван Борисов. — Это верно, — говорит он, — что нам приходится обходиться тем, что имеем. Но лучше, если бы в бой шли большие группы, об этом как раз и толкует старший лейтенант Рязанов. Нужно хотя бы на время боя создавать такие группы. Если в тебя целятся не шесть «мессеров», а два, то...

— Верно, — перебивает его Морозов. — Тогда чувствуешь себя лучше...

Рядом со мной поднимается Амет-Хан Султан.

— Считаю целесообразным иметь в бою группы тактического назначения: одна атакует, другая прикрывает. В зависимости от обстановки они могут меняться ролями.

Амет-Хан высказал свою давнишнюю мечту: противника следует бить его же методом — нападать неожиданно, преимущественно со стороны солнца, облаков, использовать фон местности. Мы иногда ходим по линии фронта на малой скорости и тем самым создаем авиаторам противника условия для внезапной атаки. Фашисты видят это и, имея обычно преимущество в высоте, а значит, и в скорости, атакуют внезапно.

Летчик Владимир Лавриненков предложил сосредоточить усилия прежде всего на борьбе с асами.

— Перебьем тузов, а мелочь сама развеется.

В заключительном слове командир поблагодарил коммунистов за деловые выступления и коротко подвел итог:

— Мы вынуждены распорядиться тем, что имеем... — вздохнув, сказал он. — О дивизиях заботится Ставка Верховного Главнокомандования. Нам же надлежит работать в области совершенствования тактики, достигать внезапности ударов, меткости огня, быть осммотрительнее. Дело говорит Амет-Хан Султан. Мы уже применяли подобные построения, когда сопровождали «петляковых» под Ельцом и Воронежем. Попытаемся и здесь. Очень верная мысль относительно уничтожения в первую очередь асов. Однако их голыми руками не возьмешь. Надо в каждом отдельном случае применять разные

тактические приемы в соответствии с конкретной обстановкой боя. Возможны, конечно, и сосредоточение сил, маневр с прикрытием тактическими группами, охота за отдельными самолетами... Сейчас весь мир смотрит на Сталинград! Здесь, товарищи, решается судьба войны, а значит, и судьба каждого из нас. Отступать нам дальше некуда, позади Волга.

С собрания ми расходились сосредоточенными, серьезными. Все понимали главное: нужно искать лучшие, более совершенные, чем у противника, методы ведения боя. Командир и партийное собрание указали лишь основные направления. Детали мы должны были отработать в небе, в горячих схватках с врагом. Творчество, смелость, решительность — именно это мы обязаны поставить на службу победе. В них ключи, которые помогут нам одолеть самого коварного врага — немецкий фашизм.

Ракета зовет к бою

Такая уже привычка: всегда ожидаем ракету. Мы ожидаем ее ежеминутно. Взвилась она над аэродромом, вспыхнула в небе и не успела еще погаснуть, а мы уже бежим к машинам. Бывает, и бежать не надо, сидим прямо в самолетах в ожидании вылета. Ракета зовет нас в бой, к новым испытаниям.

Куда она позовет тебя сегодня? Чем закончится твой вылет? Об этом станет известно после встречи с врагом, от которого не жди поблажек. Но и ему не будет пощады.

Немало друзей уже погибло, не вернулось после взлета. И не таких, как ты, а намного опытнее, крепче, сноровистее. Может, в каком-то квадрате неба над лесом или селом, городом или болотом и тебя ждет такая участь?

Пока мне везет. Правда, уже трижды садился на поврежденном самолете, но ведь не падал, не взрывался в огне. В моей летной книжке зафиксированы победы: сбитые лично и в групповых боях фашистские самолеты. Сколько еще раз позовет и поднимет меня ракета в пламенное небо? Так хочется верить, что количество посадок будет соответствовать у меня количеству взлетов...

Борьба здесь, у Сталинграда, становится все яростнее. Противник ожесточается, но и мы не остаемся в долгу. Отвечаем ему тем же: имеем на это все основания!

...На следующий день после партийного собрания полк подняла в небо ракета. В составе группы — Амет-Хан Султан, В. Д. Лавриненков, Б. М. Бугарчев, И. Г. Борисов, В. С. Лещенко, В. П. Анашкин, В. И. Лебедев и другие опытные ребята. Я — ведомый у командира полка А. А. Морозова. Погода стоит ясная, лишь вдали на горизонте плывут небольшие кучевые облака.

Подходим к Сталинграду. Внизу знакомые улицы, коробки разбитых домов. Горит нефтехранилище, столб густого черного дыма поднимается высоко в небо: на пять-шесть тысяч метров. Во многих кварталах города видны пожары. Страшная картина разрушений вызывает в душе гнев и ненависть к фашистским варварам и горькую досаду на себя, что не можем мы пока противопоставить им равные силы.

Обогнув Сталинград с северо-запада, устремляемся на юго-запад. Оттуда ожидается очередной налет вражеской авиации. Вот и они, вражеские самолеты, тут как тут. Эшелоны бомбардировщиков Ю-88 идут большими группами. Крошечные черные точки увеличиваются до размера птиц. Подходим ближе, зорче всматриваемся: над ними барражируют истребители. Их много — около двадцати. Охрана надежная...

Силы опять неравные — у противника многократный перевес. Правда, «мессеры» привязаны к бомбардировщикам, далеко от них не уйдут. А у нас руки свободные.

Оценив обстановку, командир полка дает команду: — Всем в лобовую! По бомбардировщикам — огонь!

Мы атакуем на встречном курсе. Тут же вспыхивают два «юнкерса» — это мы с Морозовым сбили по одному. Остальные наши истребители, как гребешком, прочесывают строй бомбардировщиков. Очереди из пулеметов и пушек рвут синеву неба.

После первой же лобовой атаки несколько «юнкерсов» задымили и пошли к земле. Я вижу, как горит подбитый мною бомбардировщик. Густой дым валит из хвоста. Затем машина входит в штопор. Теперь ей конец!

— Выход из атаки боевым разворотом, — последовала команда Морозова.

Дружно выполняем маневр и вновь устремляемся на врага. Однако опомнились «мессершмитты», прикрывавшие бомбардировщики. Они нападают на нас, но повторная атака дает свои результаты: бомбы летят на фашистские войска, «юнкерсы» поворачивают на запад, еще несколько вражеских машин дымят и со снижением идут к земле.

Слышу голос Морозова:

— Степаненко, не вертись, сзади «мессеры». Только успеваю оглянуться, как меня уже настигают два истребителя противника. Очередь приходится на плоскость крыла. Мгновенно раскрывшись, словно хлопушка, она улетает вместе с бензобаком. Бросаю машину вправо, но деформированное крыло тянет ее назад, в левом штопоре она стремительно идет к земле.

По лицу струится кровь, заливают глаза, стекает за ворот и на грудь. Даю рули на вывод, выхватываю машину из зловещей

фигуры почти у самой земли. Самолет чудом держится в воздухе, скорость резко упала, но я все же лечу над оврагами, пытаюсь дотянуть до аэродрома.

Позже Владимир Лавриненков (он летел за мной и видел этот бой) расскажет мне подробности маневра врага. Немецкий ас, ударив по мне, уже выходил из атаки, когда его на боевом развороте перехватил Владимир. Налет фашистских истребителей и бомбардировщиков был сорван.

На брющем я все же дотянул до своего аэродрома, с большим трудом произвел посадку.

Первым к самолету примчался механик старшина Михаил Павлович Борисовец. Запыхавшись, остановился, помог мне выбраться из кабины. А на лице застыло недоумение.

— Как же вы летели, товарищ Степаненко?

Я молчу. Это и для меня загадка. Машина выглядит так, как человек, у которого в костюме на пиджаке нет одного рукава, а на брюках не хватает штанины. И при всем этом самолет летел! Как, почему он не развалился в воздухе? Видимо, большой запас прочности заложен в его конструкции!

Такое же сногсшибающее впечатление производит на товарищей и мой собственный вид. Я это и сам чувствую: струйки крови на лице и теле еще не подсохли, от нее набухли и липли к телу даже рукава. Товарищи подхватили меня на руки и отнесли в палатку полевого лазарета.

Самолет через несколько дней силами полевой авиаремонтной мастерской отремонтировали, а я опять лежал в лазарете, ожидая, пока медики удалят осколки из моей головы.

Подполковник Морозов, навестив меня в один из дней, сказал:

— За то, что сбил фрица, — благодарю, а за неосмотрительность следовало бы наложить взыскание. — Он с состраданием посмотрел на следы ранений на моем лице. — Да тебя уже и так наказал фашист. Эту науку запомнишь надолго. Небось, засмотрелся, когда падал «твой» «юнкерс»?

— Так точно, товарищ подполковник, — признался я. — Увлёкся.

— По себе знаю: очень интересное зрелище. Но пусть будет это тебе наукой.

Наука боя... Можно ли одолеть ее полностью, усвоить до конца? Ведь она необъятна, как мир. Но от нее зависит теперь жизнь, без нее не победишь...

— Война, — говорит Морозов на прощанье, — та же работа, необычная, тяжелая, требующая от нас очень высокого мастерства. Кто постигнет его, тот и выиграл.

...На аэродроме взмывает в воздух сигнальная ракета. Мы бежим к боевым машинам, и дух наш тверд. Мы не дадим спуску врагу. Велика наша беззаветная любовь к матери-Родине, и она поможет нам выстоять в любых испытаниях. Выстоять и победить!

Асами не рождаются

Над городом по-прежнему неистовствует авиация противника. Мы не уклоняемся от схваток, если даже видим, что у него численное превосходство. Вот и теперь над Сталинградом все жарче разгорается бой. Его завязала вторая эскадрилья нашего полка, проводя разведку. Заместитель командира эскадрильи старший лейтенант Рязанов и его летчики мужественно дерутся против большой группы «мессеров». В группе Рязанова мои друзья — Амет-Хан Султан, Лавриненков и Борисов. Бой длится долго. В самолетах уже на пределе горючее и боеприпасы. Старший лейтенант Рязанов просит помощи.

Мне приказано идти ведомым у командира звена лейтенанта Григория Гаранчука. В ожидании сигнала на вылет сидим в кабинах в готовности номер один. Вот и сигнал — красная ракета. Запускаю двигатель, жду взлета ведущего, подруливаю к полосе. Гаранчук почему-то задерживается. Застыла в неподвижности его машина. Вижу, как из-под нее выныривает механик и мчится ко мне.

— Мотор не запускается, — кричит он еще на расстоянии, тяжело переводя дух.

Эскадрилья Рязанова с боем отходит к аэродрому и начинает посадку. Машины идут со всех направлений, с ходу садясь на поле. Понимаю: очень туго им пришлось...

Теперь бой наращивать поздновато, однако и не взлететь на исправной машине — означает не выполнить боевой приказ. Выруливаю на старт, даю газ, взлетаю. Над аэродромом шныряют только «мессеры». Наши, по-видимому, сели все. «Ну, держись, Иван, — мелькает у меня в голове. — Будет тебе сейчас жаркий экзамен: один против десяти! При таком перевесе сил фашисты редко упускают свою жертву живой и невредимой».

С набором высоты ухожу на север. «Мессершмитты» проскальзывают мимо меня и тут же атакуют. Становится ясно, с кем имею дело: асы! Они уже уверены в легкой победе.

Выполняю вираж влево, «мессеры» делятся на пары, часть из них заходит в атаку сверху, часть снизу. Долго вращаюсь в левом вираже, в глазах темнеет от перегрузки. Пересыхает в горле. От

максимальных оборотов перегрелся двигатель, стрелка прибора ушла до отказа вправо.

Выхожу из виража и направляю машину на два разрисованных «мессера». Чья возьмет? Даю очередь. Один из них задымил и пошел книзу. Радуюсь успеху и не замечаю ошибки. Хищники, находящиеся выше, теперь пикируют на большой скорости и открывают по мне огонь из пушек. Мой самолет, покачнувшись, будто приседает в воздухе, двигатель дает перебои, из него вырываются струи пара. Значит, поврежден водяной радиатор.

Снова тяну машину в левый вираж, ведь противник надеется на мою инертность. Однако долго держаться в воздухе уже не смогу: из радиатора хлещет вода, и тотчас заклинивает мотор. Садиться нужно немедленно, иначе — конец...

Внизу обширные просторы Приволжской равнины. Пикирую к земле, вывожу на бреющий и сажусь на фюзеляж. «Мессеры» ликуют. Заходят сзади и из пушек обстреливают бегущую по лугу мишень. Одна трасса взрывов вспахивает землю чуть левее. Дымит и тлеет трава.

Я разворачиваю машину вправо, выскакиваю из кабины и бегу что есть сил подальше от самолета. По слуху определяю: стервятники возвращаются для повторной атаки. Первая очередь придется несомненно по мне. Поблизости, как назло, нет ни ямы, ни канавы.

Спасительная мысль приходит в голову неожиданно. Я падаю, тут же вскакиваю и снова бегу, но теперь уже к машине. Ложусь сбоку, как бы заслонившись от пуль двигателем. Тесно прижимаюсь к пышущему жаром, пахнущему маслом и бензином мотору: сейчас он мое единственное спасение.

Несколько снарядов взрываются рядом, но дальнейший обстрел прекращается. Видимо, фашисты израсходовали все боеприпасы. Пронзительный рев «мессеров» постепенно отдаляется.

Медленно, не спеша, поднимаюсь и, еще не совсем опомнившись, отряхиваю комбинезон от пыли, ощупываю себя. Не верится, что жив и невредим. Осматриваю машину. Кроме повреждений в водяном радиаторе, погнуты только лопасти воздушного винта — значит, после незначительного ремонта самолет войдет в строй.

Только теперь неподалеку замечаю стадо коров. Ко мне бегут двое ребяташек лет тринадцати — пастушки.

— Здравствуйте, дядя летчик!

— Здравствуйте.

Прикрывая ладошкой глаза от солнца, они глядят на меня с любопытством.

— Дяденька, покажи самолет, — просит один. Подсаживаю его к кабине, но он с испугом отшатывается.

— Горит!..

В самом деле, белая пелена пара закрыла приборы.

— Это не дым, а пар, — успокаиваю его. Он недоверчиво качает головой.

Напившись воды из их фляги, я залезаю в кабину, забираю часы и, взвалив на плечи парашют, двигаюсь к аэродрому.

— Будьте здоровы, хлопцы, — говорю на прощанье. — Желаю и вам стать летчиками.

До своих добираюсь на попутной полуторке. Клонит ко сну — обычно на боевое дежурство мы поднимаемся с рассветом. Как бы не прозевать нужный поворот! Закрываю глаза и вспоминаю детство. Вот так и я когда-то босоногим пастушкой мечтал подняться в небо... Разные мысли, картины пережитого одна за другой проносятся в голове и возвращают меня к сегодняшнему дню. Следовало ли взлетать с аэродрома, ведь в воздухе находились только «мессеры», — мучительно соображаю я, пытаюсь найти ответ — Ведь перед парой Гаранчука стояла задача наращивать бой. Но фактически бой закончился, и его следовало не развивать, а начинать сначала. Имел ли я право на риск: идти одним самолетом против десяти асов, не обдумав свои действия и не доложив о ситуации командиру?

Вспоминаю советы командира полка Морозова: не вступай в бой, если шансов на победу нет. Это верно. Как говорится, не лезь на рожон. Но в небе вспыхнула ракета. Я выполнял приказ. Правда, результаты... Пилот возвращается из боя без машины и с царапиной на лбу. И смешно и горько.

Командир встретил меня с улыбкой.

— Где твой конь?

— Вот здесь, — я показал на карте.

После короткого доклада о происшедшем поделился сомнениями, которые мучили меня в пути.

— То, что задумываешься над своими действиями, анализируешь их, это хорошо, — сказал подполковник. — Но поступил ты правильно. Нарастивать бой не пришлось, ты его закончил. Представь себе действия авиаторов противника, если бы твой самолет не взлетел. Фашисты, несмотря на зенитный огонь, уничтожили бы машины на заправке. Здорово бы нашкодили нам. Тебе удалось оттянуть их на себя... Поврежденную машину отремонтируем. А за то, что не растерялся, умело провел бой, объявляю благодарность.

На душе у меня отлегло. Будто тяжесть свалилась с плеч.

Вечером, в который раз обдумывая события дня, прихожу к выводу: все-таки мне следовало действовать иначе — набрать высоту, разогнать скорость и свалиться на вражеских асов неожиданно.

Хорошие мысли и решения подчас приходят с опозданием, когда их уже невозможно осуществить. Но это может пригодиться в будущем.

Мы учились жить у жизни, приобретали боевое мастерство в бою, самостоятельно овладевали всем новым, не изведанным ранее, превращая его в свое достояние, опыт. Постигали все собственным умом, нередко ценой своей крови. Мы не были потомственными авиаторами, большинство из нас обучалось ускоренным порядком по сокращенной программе. Но мы вышли из трудового народа и овладели техникой высшего класса, которую создал наш народ по приказу Родины. Рабочий человек, труженик, как в труде, так и в науке, способен достичь вершин совершенствования. Асами не рождаются, ими становятся, если этого потребует твоя Отчизна. И в этом отношении нет предела способности народа к самовыражению.

Дорогу осилит идущий

Противник пытается штурмом овладеть Сталинградом, бросает в бой все новые и новые наземные дивизии, авиацию. На город нацелены тысячи орудий, минометов, дождем сыплются сотни бомб, но Сталинград стоит и обороняется. Мы, как и раньше, по несколько раз в день отражаем атаки врага, штурмуем его аэродромы, вылетаем на перехват, ввязываемся в одиночные схватки. Успеха в последних достигают пока далеко не все летчики.

Стремясь нанести советской авиации как можно больший урон, гитлеровцы решают блокировать аэродромы. Ими разработан план, главная цель которого — держать нашу авиацию «под колпаком», не давать ей возможности взлетать.

Высоко в небе кружатся фашистские асы. Воздушные схватки начинаются с рассветом. Пара за парой враги утюжат воздух с утра до вечера, мелькая черными крестами. Как только взлетают наши машины, вражеские истребители на огромной скорости бросаются на них. И все же мы ходим на перехваты, сопровождаем штурмовики и бомбардировщики.

Поиски способов борьбы с вражескими асами, наконец, приводят к целесообразному решению. Командование 8-й воздушной армии создает группу специального назначения и перебрасывает ее на другой аэродром. В состав группы из нашего полка вошли Владимир Лавриненков, Алексей Рязанов, Борис Бугарчев, Иван Борисов, Амет-Хан Султан, Иван Степаненко.

Командир полка, прощаясь с нами, напутствует:

— Теперь вы, ребята, гроза для немецких асов. На вас наша надежда: или справитесь с ними, или оставаться нам под «колпаком»... Командовать вашей группой назначен полковник Додонов, командир соседнего полка.

Конечно, Морозов преувеличивал нашу роль. Однако мы были преисполнены желания победить и понимали всю ответственность возложенной на нас задачи. Группе надлежало нападать на противника из засад, сбивать его с первой атаки, наращивать бой наших истребителей.

Первый такой вылет состоялся 7 сентября 1942 года. Мы с Амет-Ханом поднялись на перехват «Фокке-Вульфа-189», так

называемой «рамы». Этот самолет хорошо был известен нашим солдатам: его появление над позициями артиллеристов, скоплениями танков или пехоты всегда предвещало налет авиации или обстрел вражеской артиллерии.

Уничтожить «раму» считалось большим делом, которое выполнить мог только опытный и бесстрашный боец. Этот разведчик прекрасно маневрировал, имел как впереди, так и сзади мощные огневые средства.

«Раму» прикрывают два «мессершмитта». Набираем высоту.

— Иду на «мессера», — слышу голос Амет-Хана. — «Рама» твоя.

На мгновение теряюсь, ведь ведущий Амет-Хан. Но раздумывать некогда. Все решит внезапность, удар с ходу. Противник, как видно, не ожидал нашей атаки и не успел еще занять оборону. В течение нескольких секунд свалился «мессер», вспыхнула, закружив к земле, и «моя» «рама».

— Скорость не сбавлять, идем на посадку, — командует Амет-Хан.

Заруливаем в свои капониры, выключаем двигатели. Оба понимаем, что передышка кратковременна. Вряд ли противник простит нам такой удар. Гитлеровские асы появляются минут через тридцать. Снизившись до бреющего, два «мессера» на высоте десяти метров вихрем проносятся над нашим аэродромом. Первая очередь приходится по стартеру-финишеру у посадочного знака «Т». Солдат тут же падает замертво. Под вторую попадает Як-1. Самолет вспыхивает и тут же взрывается. Пираты, набирая высоту, уходят в направлении солнца.

Эффект от неожиданного нападения был поистине впечатляющим. Молниеносное появление, точный удар... Такой удар достигается ценой огромных усилий, систематическими тренировками с десятками, сотнями вылетов...

— Вот это да!.. — вырвалось у Амет-Хана. Он погрозил кулаком фашистам, которые уже исчезли в небе.

— Сегодня нам повезло, — со вздохом заметил ведущий. — Потому что воспользовались скоростью и высотой. Сыграла роль и внезапность. В который раз убеждаюсь: высота и скорость — предпосылки успеха.

— Вот и экономь горючее... — перебил я с досадой Амет-Хана. — Разве при экономии поднимешься на большую высоту, наберешь скорость? Сбережешь килограммы, а потеряешь больше. Самолет погубишь, а то и жизнь...

О необходимости экономии горючего много говорилось на собраниях, совещаниях, семинарах. На практике это нередко оборачивалось против нас.

Вечером на разборе Амет-Хан еще раз высказал нашу общую мысль, ссылаясь и на сегодняшний полет. Его поддержал Лавриненков. Горючее следует расходовать в таком объеме, какой необходим для достижения наиболее полной внезапности в борьбе против фашистских асов.

— Экономия — дело полезное, но основная наша задача — уничтожить врага, — подвел итог беседе командир Додонов.

В его полку мы были всего несколько дней, после чего возвратились в 4-й истребительный авиационный полк.

14 сентября сигнальная ракета подняла в небо нас с Мишей Погореловым. Курс — на юго-запад от Сталинграда. Две пары «мессеров» не заставили себя долго ждать. Высота такая же, как и у нас. Уклоняться от боя — не в наших правилах. Итак — атака! Михаил ждет команды. Я ведущий. От меня в большой степени зависит успех схватки. Очень важно определить момент атаки, выбрать позицию.

Одна пара «мессеров» вдруг отвернула в сторону. Очевидно, хочет проследить, нет ли поблизости еще наших самолетов. Другая разворачивается для атаки. Эх! Нам не хватило нескольких секунд, чтобы набрать достаточную высоту и броситься им наперерез. Погорелов прикрывает меня сзади, ждет, когда я ударю очередь в лоб по одному стервятнику, затем бьет по фюзеляжу второго.

Мой товарищ проявляет столько смелости, сметки, находчивости, что я окончательно убеждаюсь: у меня вполне надежный ведомый, способный драться с противником в любых, самых сложных условиях. Истребители хорошо знают, что значит быть уверенным в своем ведомом, полностью полагаться на него.

29 сентября, после перерыва, снова вместе с Погореловым сбиваем еще двух Me-109 — одного на юге Сталинграда, другого над Верхней Погромной. Лавриненков и Амет-Хан Султан,

Борисов, Бугарчев провели бои на более высоком уровне: они сбили по несколько самолетов противника.

С каким, однако, трудом дается победа! После каждого полета в машине насчитываем более десятка пробоин. У меня оказался пробитым даже фонарь кабины. Пуля прошила его всего в трех сантиметрах от моей головы. Механик Михаил Борисовец, осмотрев машину, покачал головой и сказал:

— Долго жить будешь, командир.

В следующем бою пуля снова прошила пол кабины между ног и вылетела через фонарь.

Сколько смертей уже, миновало меня? Вот и сегодня опять повезло. Ни с одной не пересеклись наши пути. Хотелось бы верить, что встреча эта так и не состоится.

Все чаще после посадки замечаю на радиаторе ледовую корку. Откуда и почему образуется лед? Характерно, что раньше подобного явления не было. Инженеры предполагают: налет льда образуется от подтека радиатора при снижении самолета на большой скорости, как результат трения и перепада температур воздуха. На высоте пять-семь тысяч метров она достигает минус 30–50 градусов.

Первые успехи наших авиаторов в борьбе с фашистскими асами придают уверенность нашим действиям. В то же время становится ясно, что до победы еще ох как неблизко и добывать ее придется колоссальным напряжением сил.

Раньше я уже говорил о тех гитлеровских асах, которые сначала наводили ужас на Европу, а затем разбойничали над нашими городами и селами. Но то была, так сказать, точка зрения фашистской пропаганды. Теперь же мы смогли взглянуть на одного из них воочию.

Пара «мессершмиттов» прорвалась к аэродрому за легкой добычей. Тут на нее набросились «яки». Самолет ведущего задымил, снизился и сел на фюзеляж недалеко от взлетного поля. Техники и механики с винтовками и пистолетами бросились к дымящей машине.

В воздухе, снизившись, кружил фашист-ведомый. Он уже выпустил шасси, пытаясь сесть и увести своего напарника, но опоздал — бойцы подобрались к поврежденному самолету совсем близко. Увидев это, ведомый, обстреляв их, улетел.

Сбитый фашистский ас имел при себе пистолет, но сопротивления не оказал. Старший лейтенант Дроздов и несколько бойцов доставили его к командиру. Как выяснилось, был он не обычной «птицей». В глаза бросались шлемофон с тонкой сеткой, похожей на дамскую вуаль, и большой фашистский орел со свастикой на френче защитного цвета. Рукава засучены, как у мясника. Волосы белокурые, лицо холеное.

По сравнению с асом, которого взял в плен Морозов под Кишиневом, этот имел вид довольно молодцеватый и воинственный. Не иначе, как из «бриллиантовой» эскадры. На нас смотрел с презрением, отвечать на вопросы отказался. И только когда из землянки вышли командир полка Герой Советского Союза подполковник Морозов и комиссар Миронов с орденами на гимнастерках, фашистский летчик изменился в лице. Первая просьба, с которой он обратился к командованию, была: «Не расстреливайте меня».

Командиру 8-го отряда 52-й истребительной эскадры Отто Деккеру исполнилось 27 лет. Помнится, тому, сбитому под Кишиневом, тоже было двадцать семь. Но какая огромная разница во внешнем виде обоих! Отто Деккер — выходец из богатой семьи: отец — технический директор авиационного завода «Даймлер-Бенц», изготавливающего двигатели для «мессершмиттов». На самолет сына он поставил двигатель высшего класса мощности. Деккер-младший немало поразбойничал до того, как был переброшен под Сталинград: Гитлер наградил его железными крестами первой и второй степени.

— Какое имели задание? — спросил командир полка через переводчика.

— Свободная охота.

— Что с вашим самолетом?

— Повреждены трубопроводы, заклинило мотор.

— О вынужденной посадке сообщили командованию? — Доложит ведомый.

— Кто он?

— Отказываюсь сообщить.

— Небось, влетит ему по первое число за то, что не смог вас защитить?

— Яволь...

Пленный подробно рассказал об особенностях «свободной охоты», охарактеризовал командиров, дал сведения относительно тактики воздушных боев, применяемой гитлеровцами. За время разговора куда и девался его гонор, он нервничал, лицо подергивалось.

— Расскажите подробнее о самолете, на котором вы летали, — приказал подполковник.

— Это машина последней модификации, Me-109 г-2. Предназначена в основном для асов.

— А остальные «мессершмитты» разве хуже?

— На этом самолете стоит не одна, а три пушки и два пулемета. Все, кто попадает под его огонь, чувствуют себя плохо...

Фашисты всегда кичились своей силой и мощью. Деккер не составлял исключения.

— Вы знаете Графа? — вдруг спросил командир полка.

Деккер оживился и повторил несколько раз:

107

— О, Граф!.. Зеер гут Граф! Зеер гут, зеер гут. Имя Графа было широко известно в германских военно-воздушных силах. Он считался национальным героем, о нем много трубила геббельсовская пропаганда. Пребывание Графа в 4-м германском военно-воздушном флоте у Сталинграда никто не скрывал. Наоборот, фашисты всячески рекламировали этот факт с целью запугивания противника и поднятия духа собственных авиаторов. Графу приписывалось едва ли не первое место по числу уничтоженных самолетов в индивидуальных и групповых боях.

Забегая вперед, скажу: Граф довольно долго бесчинствовал и над Сталинградским фронтом. За его появлением следили наши летчики, но сбить не смогли. И все-таки ему не удалось избежать кары за все злодеяния. Чуть позже в небе Крыма командир эскадрильи капитан П. М. Камозин, ставший впоследствии дважды Героем Советского Союза, по заслугам рассчитался с воздушным пиратом.

Я рассказываю об этом не из интереса к биографиям завоевателей. Нет. Говорю о них потому, чтобы читатель лучше представил себе, с кем мы имели дело под Сталинградом и на других участках фронта. В этой связи позволю себе процитировать слова Маршала Советского Союза Г. К. Жукова, приведенные К. М.

Симоновым в «Литературной газете» (1974, 24 июля, с. 7) в статье «Халхингольская страница».

«...Я противник того, чтобы отзываться о враге, унижая его. Это не презрение к врагу, это недооценка его. А в итоге не только недооценка врага, а и недооценка самих себя». «Потому что эта оценка должна неотъемлемо входить в расчеты и планы. С такими вещами надо считаться, и при оценке противника, и при оценке собственных возможностей... Недооценив все это, нетрудно впасть в ошибки и просчеты».

...Вскоре у истребителей появились надежные помощники. Однажды, когда мы начали воздушный бой, неожиданно услышали по радио приятный девичий голос.

— «Яки», смотрите: вам в хвост заходят «мессеры»! А потом:

— Идите прямо — впереди «юнкеры»! И, еще:

— Я «Белочка», я «Белочка». Слева «рама», атакуйте!

Понятно, что радистка выполняла указания офицера наведения, передавала его команды, которые так помогали нам.

Потом вместо голоса «Белочки» возник другой — мужской голос — требовательный, решительный. Здесь и нужен был именно такой, который бы наставлял, советовал со знанием дела.

Офицерами наведения назначались в большинстве случаев бывшие летчики, не имеющие возможности по каким-либо причинам подняться в небо. Их работа была не менее опасной, чем наша, так как фашисты прежде всего стремились запеленговать и уничтожить станции наведения.

Ежедневно выполняем по несколько боевых вылетов. Несем тяжелые потери в технике и людях. Производим подробный анализ успехов и особенно ошибок. Овладеваем способами внезапного сближения с противником во время атак, блокирования аэродромов, выхода из боя, захода на посадку при наличии противника в воздухе.

Правду говорят: дорогу осилит идущий. Человек не всегда сознает, вырос ли он, насколько поднялся над тем уровнем, на котором находился ранее. Он начинает понимать, ощущать свой рост тогда, когда пристальнее всмотрится в далекое или близкое прошлое, сравнит отдельные события, сопоставит свои позиции, результаты собственной деятельности.

Нередко вспоминаю своего первого командира звена капитана А. Д. Рыбакина. Алексей Дмитриевич, на счету которого уже было немало воздушных боев с фашистами, закалял нас, как железо в огне. Очень тяжело было работать с ним в воздухе. От перегрузок иногда темнело в глазах, стучало в висках от нервного перенапряжения. Но Рыбакин будто не замечал этого и требовал: действовать, действовать! Теперь здесь, у Сталинграда, обстановка вынуждала преодолевать еще большие перегрузки. Как жегодились нам те тренировки, та закалка Рыбакина! Без них мы не смогли бы сражаться с сильным, отлично обученным противником. Для этого необходимы физическая сила, боевая сноровка.

Каждое утро проводим физическую зарядку. Владимир Лавриненков после разминки берется за двухпудовую гирю — выжимает ее то левой, то правой рукой. Мы с Мишей Погореловым тоже занимаемся гирями. Потом штанга, перекладина. Михаил выполняет упражнения четко и красиво, помогает нам советами. Он отличный спортсмен.

Сопоставляя прежние боевые результаты с нынешними, мы убеждаемся, что воюем намного успешнее, чем в начале Сталинградской битвы. Фашистские пираты не запугали нас «колпаком»: он распадался, не выдерживая наших ударов. И даже более того — мы готовили для фашистов свой «колпак». Для этого, конечно, требовалась высшая степень выучки, высший класс подготовки. Но чтобы выйти на такой уровень, следовало выдержать нелегкий экзамен — суровые испытания на грани жизни и смерти.

Немецко-фашистские войска все упорнее прижимают к Волге измотанные неравными боями наши полки и дивизии. Ожесточенные схватки развертываются на подступах к основным магистралям и объектам, господствующим над местностью: Мамаевым курганом, тракторным заводом, заводом «Баррикады», «Красный Октябрь». Истекая кровью, враг маневрирует, перегруппировует силы, вводит в действие все новые подразделения.

В сложившихся условиях наше командование большое внимание уделяет разведке. Она возлагается на истребители, так как специальным разведывательным самолетам прорваться к цели

тяжело, порой просто невозможно. Фашисты, как правило, перехватывают их и сбивают.

Опыт таких полетов, приобретенный в районе Ельца, теперь очень кстати. Взлетаем, правда, не эскадрильями, как это было на «харрикейнах», а парами и поодиночке. К тому же, есть кое-что новое и в оснащении наших машин. На Як-7б, например, поставлена разведывательная аппаратура. С ее помощью можно производить аэрофотосъемку объектов. Ранее с фотоаппаратурой на борту никто не летал, и мне пришлось накануне боевого вылета опробовать свою над аэродромом. Работает отлично.

Напарником ко мне выделен молодой летчик, недавно прибывший из Качинской летной школы, сержант Владимир Владимирович Мочалин. Помню, при встрече на меня произвел особое впечатление его внешний вид, поразили ботинки с обмотками.

— Ты, Володя, не запутаешься в них в кабине? — в шутку спросил Рязанов

— Нет, товарищ командир, я ведь уже летал не раз, — весело, без тени смущения отчеканил Мочалин.

После проверки техники пилотирования на учебно-боевом истребителе я остался доволен напарником. Летал Володя хорошо.

6 октября мы вылетели на задание в направлении железнодорожной станции Абганерово. По донесению фронтовой разведки, там только что выгрузился свежий корпус противника. Наша задача — подтвердить сведения фотоснимками.

Линию фронта прошли на значительной высоте. Внизу просматривается железнодорожное полотно, оно и приводит нас к нужному объекту.

Не обращая внимания на густые шапки разрывов зенитных снарядов, пролетаем над Абганерово первый, второй раз. Под нами в паутине рельсов мечутся солдаты: там разгружаются части румынских войск. Фотоаппарат на моем самолете четко фиксирует вагоны, машины, лошадей, танки, орудия.

Главное сделано. Возвращаемся назад. На параллельном курсе с левой стороны ложится полоса разрывов — это зенитная артиллерия противника наводит на нашу пару свои истребители.

Вскоре появляются четыре Me-109, приближаются к нам на форсаже.

Передаю Мочалину:

— Держись ниже, не отставай, за нами «мессеры». Мы прибавляем обороты и со снижением уходим в сторону. «Мессеры» догоняют нас уже над линией фронта. Уклониться от боя мы не можем: они подстрелят нас, как куропаток, на прямой погоне, и тогда главная наша задача — доставить разведданные — окажется невыполненной. Решаюсь принять неравный бой. Тревожусь за Мочалина — ведь у него сегодня первый боевой вылет. Справится ли? Но иного выхода нет. Противник уже заходит нам в хвост. Выполняю резкий разворот и иду в лобовую атаку на ведущего. Тот, уклоняясь, свечой уходит вверх.

И завертелась карусель... С разворота атакую следующего, он переворачивается и падает. Уже легче. Слышу голос Мочалина:

— Машина повреждена.

— Иди на посадку в поле, я прикрою!

— Понял, выполняю.

Отбивая атаки «мессеров», слежу за посадкой ведомого. Мочалин приземляется нормально. Но тут на меня с разных сторон наваливаются три истребителя противника. Вхожу в глубокий вираж, тяну ручку на себя — в глазах темнеет от перегрузки.

Стрелка бензинометра прыгает, приближаясь к черте, за которой — критический остаток. Положение незавидное.

Фашисты вцепились в меня, как осы, жалят со всех сторон, и, кажется, никакой возможности выскользнуть. В кабине жара, я весь мокрый, в горле пересохло. А гитлеровцы все сжимают клещи, один заходит спереди, два сзади.

Вспоминается подвиг Анатолия Морозова. Его таран на встречном курсе в бою под Кишиневом. Иду в лобовую. Фашист попался заядлый — не сворачивает. Еще миг! До боли в пальцах жму на гашетки пушки и пулемета. Передо мной вспыхивает сноп огня, слышу треск и хлопанье.

Оглядываюсь назад: горящий «мессер» кувыркается вниз. Мой двигатель работает с перебоями, кабину заволакивает паром. Чувствую, что ранен.

Пока не поздно, надо выходить из боя. Пикирую к земле, на бреющем выпускаю шасси, сажусь в поле, выскакиваю из кабины.

В глазах плывут оранжевые круги, земля будто ускользает из-под ног, и я падаю как подкошенный.

Сколько минут пролежал? Минуту, десять... Слышу голоса:

— Подымай его, ставь на ноги.

— Не надо, слабый он.

Солдаты перевязывают раны, я с трудом поднимаюсь. Двигатель самолета работает на малом газу. Опираясь на плечи бойцов, подхожу и выключаю. На лопасти винта большая дыра — пробоина от снаряда фашистского аса. Достая кассету с фотопленкой.

— Передайте своему командиру, — прошу сержанта, — пусть побыстрее отправит на аэродром.

От сильной слабости подламываются ноги, и я сажусь на землю. На подводе меня отвозят в соседнее село Солодники.

От нервного перенапряжения я слег на целую неделю. Добрые, душевные люди ухаживали за мной, как за родным сыном. Временами, в полузабытьи, мне казалось, «то я снова в родном селе. Вот-вот скрипнет дверь и войдут мать, отец, сестра...

В один из дней меня навестил сержант Мочалин. Мы долго с ним говорили, обсуждали бой. Оба пришли к выводу: принимать его нам не следовало. Хотя и уклониться от боя нам было бы тяжелее, чем принять его. Мы уже научились драться с противником, превосходящим нас по численности, и потому очень трудно побороть в себе стремление дать врагу решительный отпор.

Это была моя последняя вынужденная посадка на израненной противником машине. С того дня ни одному стервятнику не удавалось повредить мой самолет до такой степени, чтобы он не подчинился мне в полете. Это была как бы та незримая грань, перевалив за которую, я добивался в последующих схватках только победы.

Наверное, многим летчикам знакомо это чувство «черты», «границы», переступив которую, они как бы переходят в более высший класс мастерства и профессионального совершенства и им теперь только «везет». Лично я ощутил это при последней лобовой атаке, в которую пошел, по-видимому, на незаурядного аса.

С каждым днем нарастало напряжение воздушных боев. Никто никому не хотел уступать. Лобовые атаки участились. Противник изо всех сил цеплялся за прежние позиции, но мы понимали, что за этим наступит перелом в нашу пользу.

Бои под Сталинградом продолжаются. Впереди — и новые горькие утраты, и победы. Летчики будут равняться на моих боевых товарищей, бывалых, закаленных воздушных асов Лавриненкова, Амет-Хан Султана, Рязанова, молодых пилотов Погорелова, Лещенко, Борисова... Последнее время количество сбитых моими товарищами вражеских самолетов значительно возросло. Я не считался лучшим, но и у меня на личном счету 9 фашистских машин.

И хоть как тяжело бороться за преимущество в воздухе, наши успехи налицо.

Долго не мог уснуть...

Из Солодников попадаю в госпиталь, а оттуда в свою часть. Самолет, на котором я совершил вынужденную посадку, доставлен в полк и отремонтирован.

Первым встречает меня Миша Погорелов.

— Мы уже думали: переведен в пехоту... — шутит он и внимательно осматривает следы нового ранения возле правого уха.

— Да... — удивляется он. — Бронированная у тебя голова, Ванюша. Выдержала удар не только сзади, но и лобовую атаку...

Миша улыбается, буйные кудри вьются из-под шапки-ушанки, и я откровенно люблюсь им. Красивый парень! Поскрипывая новыми сапогами, навстречу бежит Володя Мочалин. В мое отсутствие он уже летал на боевые задания с другими летчиками, успешно их прикрывал, но о нашем бое помнит со всеми подробностями. Считает, что я спас ему жизнь, прикрывая на посадке. Подходят Иван Возный, Яков Спиринов, Григорий Письменный, Алексей Флейшман, старший техник эскадрильи Алексей Мельников, Алексей Ермоленко, моторист Макар Ухань, мастера по вооружению — Прокофий Левченко и по кислородному оборудованию — Амет Асанов. Улыбаются, рады, как брату, поздравляют с возвращением. Почему-то не вижу Амет-Хан Султана. К его шуткам мы привыкли и считали их неотъемлемой частью полкового быта. Один техник как-то пошутил: «Полк без Амет-Хана — что свадьба без музыки».

Нет и Владимира Лавриненкова, чей прямой и теплый взгляд привлекал к себе каждого, особенно молодых летчиков. Не видно и Ивана Борисова, о котором последнее время немало говорили и даже писали в армейской газете как о замечательном воздушном бойце.

В штабе от полкового писаря Мордухая узнаю новость: несколько дней тому из части убыл в 9-й гвардейский истребительный авиационный полк подполковник Морозов. Вместе с ним уехали Лавриненков, Амет-Хан Султан и Борисов.

— В списке значилась и твоя фамилия, — сообщил мне Арон. — Но ты опоздал. Долго ремонтировался.

Какая досада! За ужином чувствую себя неважно. Угнетает отсутствие ветеранов полка — близких друзей. После отбоя долго не могу уснуть, вспоминаю товарищей, будто слышу их голоса, смех, шутки.

Командир полка Морозов. Много раз он назначал меня своим ведомым при вылетах на боевое задание, я сопровождал его самолет при перегонке «харрикейнов» на перевооружение, а это означало признание и моего роста как авиатора — не на каждого возлагалась такая задача. От ведомого командир требовал действовать так, как действовал сам: молниеносно, на большой скорости совершать маневр, не спускать глаз с его самолета, но также не забывать и о своем хвосте. Очень хорошо понимал летчиков, ведь недавно сам прошел эту школу. Умел подбодрить, помочь, объяснить причины неудач и поражений. Человечность и простота в отношениях не мешали Морозову быть строгим и беспощадным к тому, кто пытался без оснований уклониться от боя. Как-то один из летчиков, фамилию которого я не хочу называть, без приказа оставил боевой порядок и уклонился от встречи с противником. Подполковник строжайше предупредил его перед строем всего летного состава: при повторении он будет отдан под суд военного трибунала. Однако тот не внял предупреждению — в очередном воздушном бою оставил свое место и попытался удрать на бреющем полете. Немецкие асы воспользовались этим и легко расстреляли самолет на подлете к аэродрому.

Когда об этом доложили Морозову, он нахмурился:

— «Мессершмитты» упредили. А то пришлось бы это сделать мне. Хотя и неприятно было бы писать о таком в донесении...

Разошлись наши стежки-дорожки и с Амет-Ханом, Аметкой, как часто называли его боевые друзья. Невысокого роста, коренастый, подвижный, с черными, словно завитыми в парикмахерской, кудрявыми волосами. Карие глаза — умные, внимательные. Кирзовые сапоги всегда начищены до блеска. Брюки — модные по тому времени — галифе с напуском на голенища. Удлиненная гимнастерка из довоенного коверкота и кожаный реглан. Он в числе немногих летчиков полка имел реглан и почти не разлучался с ним. Говорят, кожаное пальто не раз спасало его от обширных ожогов в горящем самолете. Перед вылетом, ожидая ракету, Амет-

Хан, бывало, волновался, менялся в лице. Но, поднявшись в воздух, не сворачивал с дороги перед самыми опытными асами.

Владимир Лавриненков, которого тоже перевели в 9-й гвардейский полк, прибыл к нам где-то под Ельцом в начале августа 1942 года. Большеголовый, с выразительными ясными глазами. На висках — ранняя седина. В боях отличался постоянным поиском, имел замечательную привычку анализировать каждый бой, обобщать опыт. После полета обязательно рассказывал товарищам, как вел себя противник, каким образом удалось зайти ему в хвост, взять на прицел. С особой силой его летные способности проявились у Сталинграда, где он действовал в составе группы, выделенной для борьбы с гитлеровскими асами. За месяц боев он уничтожил 16 самолетов врага.

Забегая вперед, скажу, что Владимир Дмитриевич храбро сражался с фашистами до конца войны. Совершил 500 боевых вылетов, уничтожил лично 35 самолетов и 11 в групповых боях, дважды удостоен высокого звания Героя Советского Союза. О пройденном боевом пути генерал-полковник авиации рассказывает в книге воспоминаний «Возвращение в небо», которую он прислал мне со своим автографом.

И еще об одном боевом товарище — Иване Борисове — вспоминал я в ту ночь. С ним мы часто летали в небе над Сталинградом. Прибыл Ванюша в наш полк под Ельцом в самом разгаре боев. Славный был парень. Звание — сержант, а докапывался до сердцевины летного мастерства. Небольшого роста, круглый, как колобок, инициативный и подвижный, он обычно говорил все, что думал, без тени фальши и рисовки. Иван сразу полюбился мне, и мы с ним подружились. Борисов нередко летал со мной в качестве ведомого.

...Сопровождаем штурмовики. Пока летели к объекту, на нас несколько раз нападали «мессеры». Отражать их атаки нелегко — у противника преимущество в высоте. К тому же гитлеровцы свободны в выборе маневра. Да и скорость у них превышает нашу. Мы же с Борисовым «привязаны» к штурмовикам. Как говорится, ни на шаг от них. Отразишь атаку — и к «илам». Отразишь вторую — и опять к ним. Штурмовики уже выполнили второй заход, когда

над горизонтом мы увидели еще несколько «мессеров», прибывших, видимо, для наращивания боя. Предупреждаю Ивана:

— Подготовиться!

— Выполняю, — отвечает он.

Не теряя времени, иду на ведущего «мессера», помня: в случае чего — Иван здесь, рядом. Однако опытный фашистский ас маневрировал — и сам перешел в атаку. Мы разошлись в разные стороны и тут же сошлись вновь. На выходе из боевого разворота я поймал «мессершмитт» в прицел и дал длинную очередь. Фашист сорвался в штопор и под прямым углом пошел к земле. В этот миг Борисов сумел расстрелять его ведомого с короткой дистанции.

Позже Иван Григорьевич Борисов довел число уничтоженных фашистских самолетов до восемнадцати и был удостоен звания Герой Советского Союза.

А пока, не зная того, что нам предстоит, я думал: удастся ли встретиться?

Утром Н. И. Миронов спрашивает о настроении.

— Плохо спалось, Николай Иванович, — откровенно признаюсь и говорю все, о чем думалось почти до рассвета.

— Что ж поделаешь, — Николай Иванович задумчиво вертит в пальцах карандаш. — Орлы вылетают — гнезда остаются. Нам с вами обживать их...

Николай Иванович делает паузу, затем сообщает:

— Я назначен командиром полка, ты — командиром звена. Будем работать вместе. Скажу по правде: с боем отстоял тебя, чтобы оставить в полку, не хотелось, отпускать и тех опытных летчиков.

— Приказ командира — закон, — вырывается у меня со вздохом.

— Вот и хорошо. А крылья крепнут в полете. Мне тоже нелегко. Сколько прослужили и провоевали вместе! Но военная служба, особенно на войне, не считается с нашими привязанностями и симпатиями. Мы должны быть там, где это необходимо. Ведь так?

Командир говорил убедительно и веско. Я понимал всю правоту его решения.

...Мы вылетали на все направления. Ратный день завершался, когда над аэродромом опускались сумерки. Хваленые вражеские «бриллиантовые» эскадры с каждым днем таяли, уменьшаясь количественно, меняясь качественно.

В полк прибыло пополнение девушек. Как-то вечером молодые летчики Иван Возный, Яков Спиринов, Семен Шмалиев, Григорий Шкворунов и другие ребята собрались у столовой. Шутили, смеялись. К компании присоединились парашютоукладчицы Шура Мягкова и Катя Баранова — неутомимые труженицы, умением и выдержкой которых мы всегда восхищались. В перерывах между полетами девчата успевали просушить все полковые парашюты! Случалось, выберут место, где ветер не раздувает шелк, расстелят. Вдруг — налет. Быстро сворачивают свое «хозяйство», прячут, маскируют. Улетел противник — раскладывает снова.

Подшли еще две девушки из нового пополнения, заговорили с Катей. Я невольно оглянулся: голос одной из них показался мне знакомым. Откуда? Где я встречал ее?

— Скажите, вы, случайно, не «Белочка»? — спрашиваю.

Девушка повернулась ко мне и улыбнулась.

— Значит, вы часто летаете, если узнали?

— А то как же, — вмешивается Погорелов, — однако познакомиться не пришлось. Вот я Михаил, а он... — указал на меня.

— Знаю, — перебивает «Белочка». — Степаненко, командир звена. И звать Иван, правда?

— Верно, — пробормотал я.

Девушка была симпатичной: вздернутый носик, из-под пилотки вьются белокурые волосы. Аккуратненькая, в щегольской военной форме. Такие нравятся ребятам.

— Ее имя — Ирина, — кивнула на «Белочку» Баранова и позвала всех: — Айда на ужин!

После ужина мы пригласили новых знакомых в гости, долго сидели и говорили.

Радистки работали на узле связи недалеко от нашего аэродрома, подружались с парашютоукладчицами и, случалось, заглядывали и к нам. Мне приятно было видеть «Белочку». Когда после трудного боевого вылета я замечал ее светлую головку, на душе почему-то становилось тепло и радостно.

Вскоре узел связи перевели на другой аэродром, и исчезла моя симпатичная «Белочка». Теперь меня встречал только заботливый и трудолюбивый друг — механик самолета Михаил Борисовец.

Удар по «осиным гнездам»

В дни жестокой битвы у стен Сталинграда мы скрупулезно анализировали все наши неудачи и просчеты в борьбе с фашистами. Оказалось, что кроме ряда других причин, одной из главных была недостаточная скорость наших самолетов, даже более усовершенствованных машин типа Як-7б, что сводило на нет все усилия летного состава, направленные на то, чтобы добиться превосходства в воздухе. Мы столкнулись со случаями, когда самолет не давал даже скорости, указанной в инструкции. Особенно это чувствовалось в поединках с такими машинами, как Me-109ф или Me-109 г-2. За счет скорости противник наносил нам большие потери, особенно с пикирования.

В чем причина? То ли «яки» в самом деле не дают скорости, указанной в технических данных, то ли мы не научились их в полном объеме эксплуатировать.

Это вызывало серьезное беспокойство не только у летчиков, но и у командования армии. Вскоре к нам специально прибыли опытные летчики Д. А. Зайцев и П. М. Стефановский. Несколько экспериментов — и машины в их руках стали быстрее. И все же вопрос о максимальной скорости оставался открытым, более того, он приобретал государственное значение: ведь речь шла о завоевании господства в воздухе, а этого не достигнешь одним-двумя самолетами. Над этими вопросами работали конструкторы-изобретатели, фронтовые летчики, инженеры. Специальная группа опытных авиаторов экспериментировала, изучала, обобщала. Принимались во внимание и последние достижения науки и техники, и мысль ведущих конструкторов, и опыт мастеров воздушного боя.

Мы сравнивали скоростные характеристики самолетов врага с данными наших машин. Так, если Me-109ф и Me-109 г-2 могли пролететь на средней высоте 650 километров в час, то наши Як-7б — 593 километра в час, ЯК-1—600, Ла-5—603, МиГ-3—640.

Указанные скорости в основном определялись летчиками-испытателями в тыловых условиях, при оптимальных режимах. Здесь же, на фронте, двигатели зачастую работали на

максимальных оборотах, перегревались и потому не давали ожидаемого прироста скорости.

В этом направлении были проделаны различного рода эксперименты. Следовало разумно использовать высоту в сочетании с маневром, подбором режима работы двигателя и заслонок радиаторов, шагом винта, с законами аэродинамики. И мы таки добились своего. «Як» почти не уступал «мессершмитту», в чем мы убедились в первых же полетах, совершаемых с учетом замечаний и предложений комиссии.

...Вдвоем со старшим лейтенантом Рязановым мы вылетели для отражения налета противника, когда солнце клонилось к закату. Воздух над городом был насыщен дымом и пылью от непрерывной бомбежки и артобстрела. Огромное черное облако лохматой шапкой висело над грудями искалеченных зданий.

На подходе к Сталинграду Алексей Рязанов скомандовал:

— Вижу истребители противника! Увеличить скорость до максимальной!

Набрав высоту шесть тысяч метров, прочесываем воздушное пространство над городом. Внизу под нами в сумеречной дымке — четверка «мессеров». Заметив нас, они идут восходящей спиралью резко вверх, надеясь на свое преимущество в скорости. Не подозревают, что у нас уже подобран оптимальный режим и развита максимальная скорость. С первой же атаки сбиваем двоих. Остальные, видя невыгодность своего положения, переворотом через крыло идут в крутое пикирование. Мы повторяем их маневр и устремляемся в погоню. «Мессеры» резко переходят на набор высоты, но мы тоже устремляемся за ними. Большая скорость, развитая на пикировании, в наборе высоты падает, моторы ревут на больших оборотах, словно жалуются на перегрузки. Самолеты — Рязанова и мой — почти вертикально ввинчиваются в мутное небо. Мы повисаем на хвосте у противника, и «мессеры» не выдерживают — срываются в штопор.

Это был один из первых боевых опытов, во время которого мы учитывали рекомендации комиссии о способах достижения максимальной скорости на наших машинах. Первые эксперименты еще предстояло превратить в правило и затем сделать достоянием всех.

Бой закончен. Мы с Рязановым на бредущем идем домой. В наступивших сумерках приземляемся.

К большому сожалению, опыт приходит не сразу, не вдруг. Он достигается упорным, настойчивым трудом, подчас оплачивается невиданно дорогой ценой. Как сказал поэт, опыт — сын ошибок трудных...

Неудержимо бежит время, отсчитывая день за днем. У Сталинграда назревают большие перемены. Советские войска продолжают удерживать свои позиции, отражая многочисленные атаки противника, готовятся нанести ему решающие удары.

Наши эскадрильи, пополнившись количественно и значительно изменившись в качественном отношении, все решительнее «вмешиваются» в действия фашистской авиации, в значительной степени парализуют их. Стервятники уже не могут препятствовать наземным войскам крепить оборону, совершать перегруппировки, осуществлять контратаки. Теперь перед ВВС фронта стоит задача ликвидировать преимущество противника в количестве самолетов, уничтожать авиацию, посылаемую для поддержки его наземных войск с воздуха. А ее на этом направлении скопилось немало.

Выполнения этой задачи невозможно было добиться только в воздушных боях. Для этого требовались и другие, более результативные меры, которые и спланировали наши штабы.

...Командир полка подполковник Миронов вызвал меня и молодого летчика сержанта Ивана Возного к себе в землянку. Подождав, пока мы войдем, плотно прикрыл дверь.

— Присаживайтесь, — кивнул на лавку у стола.

На карте, что висела на обшитой досками стене, чернели кружки — пункты расположения аэродромов противника западнее Сталинграда. Проследив за моим взглядом, Миронов спросил:

— Видите эти осиные гнезда?

— Так точно, товарищ командир, — кивнул я. Обозначьте их на картах. Большинство из них вам знакомо по прежним полетам. — Он на минуту умолк, что-то обдумывая, затем опять заговорил:

Необходимо совершить разведывательный полет в эти районы. Предупреждаю: все они плотно прикрыты истребителями. Как думаете, сможете?

— Так точно, — уверенно отвечаем мы оба.

— Взлетать придется в темноте, до восхода солнца, — продолжал объяснять задание подполковник Миронов. — Никто из наших ночью еще не летал... Ваша задача: установить количество самолетов в указанных пунктах и кодом доложить командованию. По возможности — сфотографировать. Как только получим ваш доклад, поднимем в воздух бомбардировщики и штурмовики.

Вот она, реализация идеи массированного удара по военно-воздушным базам противника! Я буквально подскочил от радости.

— Если нет вопросов, — спокойно сказал командир, — уточним порядок доклада. Он должен быть лаконичным и точным. Воропоново — Заря-1, Гумрак — Заря-2, базовый аэродром лагерь имени Ворошилова — Заря-3. К этим кодам прибавите количество обнаруженных самолетов. Подобраться к указанным аэродромам нелегко. Определите маршрут, продумайте способ разведки, все рассчитайте. Сядете уже засветло. Теперь о главном: наш замысел следует держать в полнейшей тайне. За предупреждение не обижайтесь. Я вам доверяю, но дело очень серьезное.

— Есть, — отвечаем в один голос.

— И последнее, — командир полка поднялся из-за стола и обратился уже ко мне: — проверите сегодня поставленную на вашу машину новую фотоаппаратуру. О результатах доложите.

Предупреждение командира оказалось как нельзя кстати: фотоаппарат не работал — перегорел моторчик.

Выслушав мой доклад, Миронов помрачнел, задание было срочное и чрезвычайной важности.

Вызвали сержанта Кирилла Михайлова, специалиста по радиооборудованию. Работал сержант в основном по ночам, и в шутку товарищи прозвали его ночным колдуном за способность творить чудеса, возвращать «к жизни» разбитое, искалеченное радиооборудование.

Михайлов, не разгибаясь, при слабом свете электролампочки от аккумулятора копался в аппаратуре, время от времени дыханием согревая застывшие от холода руки.

— К тебе на помощь, Кирюша, — заглянул в палатку комсорг эскадрильи летчик Николай Андреев.

Подоспевшая группа энтузиастов ускорила дело. Перед утром инженер Айвазов доложил командиру полка: «Неисправность устранена, фотоаппаратура работает нормально».

Днем я уже летал в дальнюю разведку в этот район. Клетская, Серафимовичи, Калач, базовый аэродром лагерь имени Ворошилова — все это относительно знакомые мне объекты, что, безусловно, облегчит выполнение задачи. До глубокой ночи мы с Возным обдумываем свои действия — направление захода к каждому аэродрому, порядок взаимодействия и многое другое.

14 ноября 1942 года поднимаюсь в воздух первым, вслед за мной рулит Возный. Делаю разворот по кругу, но почему-то не вижу на взлете второго самолета. Что случилось?

— Лети сам, — слышу по радио голос командира. — Твой ведомый зацепился колесом за капонир и сел, машина подлежит ремонту.

Вот тебе и на! Кажется, вчера так хорошо отработали взлет, что исключены все случайности. А на практике вышло по-другому. Полет в темноте — дело сложное. Тут главное — опыт.

Один держу курс на Сталинград. Прошел Волгу, внизу угадываются развалины города. Где-то там, в окопах, подвалах, блиндажах, среди руин заводских цехов и зданий сражаются наши солдаты.

Быстро преодолеваю линию фронта и с юго-востока захожу на Воропоново. Просторное поле аэродрома вмещает немало машин. Справа ширококрылые, неуклюжие бомбардировщики. Стоят рядами, как дома. Быстро считаю: двадцать. Слева истребители, их около пятидесяти. Фашисты, наверное, досматривают утренние сны.

Называю по радио позывной, докладываю:

— Заря-1 — двадцать и пятьдесят, прием!.. Слышу ответ:

— «Сокол», я «Канарейка», вас понял.

Беру курс на Гумрак. Здесь базируется около 75 истребителей и несколько больших транспортных машин типа Ю-52. Но больше всего вражеских машин сосредоточено на третьем поле — свыше полутора сотен. Этот аэродром гитлеровцы использовали для «подскока», отсюда бомбардировщики вылетали на Сталинград.

Возвращаюсь домой. Меня охватывает радостное возбуждение. Поглядываю во все стороны. «Мессеров» пока нет. Видимо, не успели или не посчитали нужным подниматься в воздух в такую рань.

На востоке все ярче разгоралась заря, подо мною уже проплывали вражеские тылы. К переднему краю оставалось километров двадцать, несколько минут лета — и я у своих.

Вдруг двигатель кашлянул один раз, другой, третий. Смотрю на высотомер — две тысячи метров, скорость четыреста, но падает катастрофически: спустя буквально несколько секунд на приборе цифра 250.

Тревожно забилося сердце, в голове будто молоточки стучат. Неужели упаду на окопы противника? Хорош будет «подарок» фашистам, прямо к завтраку.

Прибавляю газ, жму на все рычаги управления двигателем. Винт вращается, но тяги нет. Такого еще не бывало!

Мысленно умоляю самолет, как живое существо, подталкиваю собственным весом: потяни, дружок, еще немного, еще чуть-чуть... Вот и наш передний край, не подведи, ведь погибнем оба...

Внизу промелькнули и побежали назад окопы, надолбы, выкрашенные в белый цвет танки с красными звездами на башнях. Уже хорошо. Последний раз нажимаю на газ, на тумблеры. Двигатель молчит...

Впереди большой овраг с пологими склонами. Решаю садиться в поле. Выпускаю шасси. Не просчитаться бы, не прихватить лишнее расстояние, не удариться носом, не застрять колесами, не скапотировать...

Самолет немного пробежал, подломал левое колесо и застыл на месте. А вот и красноармейцы. Обступили, окружили машину. По радио докладываю Миронову, где нахожусь, выскакиваю из кабины.

В эту же минуту в небе возникает и быстро нарастает мощное гудение: большие группы бомбардировщиков и штурмовиков плывут в направлении аэродромов, над которыми я был несколько минут назад. Фашисты, конечно, не ожидали таких ранних визитов на свои передовые базы. «Осиные» гнезда врага были уничтожены.

Операция по ликвидации самолетов противника на местах базирования прошла блестяще. На нашем направлении она осуществлялась командованием и войсками 8-й воздушной армии, на других — штурмовиками и бомбардировщиками 16-й.

19—20 ноября на всем Сталинградском фронте советские части перешли в контрнаступление. 23 ноября оно завершилось полным окружением дивизий фельдмаршала Паулюса. Общая картина действий нашей авиации четко представлена в статье маршала авиации С. А. Красовского «Побеждают советские соколы», помещенной в сборнике «Битва за Сталинград» (Нижне-Волжское книжное изд-во, изд. 3-е, 1972):

«... Едва забрезжил рассвет, как с аэродромов поднялись и взяли курс на позиции врага группы наших бомбардировщиков, штурмовиков и истребителей. Несмотря на сложные метеорологические условия, наши самолеты наносили удары по войскам противника...»

Войска Сталинградского и Донского фронтов со всех сторон отрезали и окружили 330-тысячную группировку врага. Мертвая петля затягивалась все туже.

Героическая оборона Сталинграда, последующее наступление и окружение немецко-фашистских войск показали всему миру огромнейшие возможности Красной Армии, непобедимость ее морального духа, стойкость и героизм полков и дивизий. Бойцы фронтов полностью выполнили клятвенное обещание, данное в письме Верховному Главнокомандующему накануне 25-й годовщины Великого Октября: «Сражаясь сегодня под Сталинградом, мы понимаем, что деремся не только за город Сталинград. Под Сталинградом мы защищаем нашу Родину, защищаем все то, что нам дорого, без чего мы не можем жить... Посылая это письмо из окопов, мы клянемся Вам, что до последней капли крови, до последнего дыхания, до последнего удара сердца будем отстаивать Сталинград и не допустим врага к Волге».

Это была великая победа. До середины ноября 1942 года завершился третий и последний этап Сталинградской оборонительной операции. Героический город был удержан. Враг не достиг своей цели. Его наступательные возможности были исчерпаны в кровавых боях на подступах к Сталинграду и в самом городе. Потери фашистских войск под Сталинградом за период с июля по ноябрь 1942 года были весьма значительны: 700 тысяч солдат и офицеров убитыми и ранеными, более 1000 танков, 2000 орудий и минометов, 1400 самолетов.

Под Сталинградом были разгромлены и воздушные эскадры Рихтгофена, имевшие на вооружении лучшую по тому времени технику.

На боевых перекрестках

Гитлер и его генералитет не могли примириться с мыслью о потере своих лучших дивизий, окруженных под Сталинградом. Немецко-фашистское командование, оценив создавшуюся обстановку, приняло решение собрать крупные силы в районе Котельниковский — Тормосин с задачей ударами извне соединиться с 6-й армией и восстановить положение.

Подготовку к деблокированию своей группировки противник развернул в последних числах ноября. Для организации контрудара и упорядочения управления войсками была сформирована новая группа армий «Дон», командование которой ставка верховного главнокомандования вермахта возложила на генерал-фельдмаршала Э. Манштейна.

В первоначальном варианте операция должна была начаться 12 декабря по двум направлениям. Однако, ввиду активности советских войск на внешнем кольце окружения, в него были внесены существенные поправки.

Действия по деблокировке войск Паулюса генерал Манштейн начал котельниковской группировкой. Непосредственное руководство операцией возлагалось на командующего 4-й танковой армией генерала Гота.

На пути армий группировки «Дон», ударную силу которой составляла сводная армейская группа «Гот», встали войска 51-й армии, а затем 2-й гвардейской армии генерала Р. Я. Малиновского. Мощный «молот» из танков и пехоты противника обрушился на еще более мощную «наковальню» наших войск. Вражеские дивизии перемалывались, редели, так и не достигнув своей цели.

Советские штурмовики и бомбардировщики непрерывно висели над танковыми колоннами противника, уничтожали автотранспорт, создавали «пробки» на дорогах, нарушали планы передвижения и сосредоточения фашистов на решающих участках. Героизм и отвага — вот боевые спутники славных воздушных бойцов.

... Ежедневно сопровождаем штурмовики дивизии полковника М. И. Горлаченко для ударов по острию клина котельниковской

группировки «Гот». Погода очень сложная — низкие облака, плохая видимость, снежный покров затрудняют ориентировку и выход к цели. Приходится, как говорят пилоты, «ползать на брюхе», выполняя поставленную задачу.

Сегодня под нашей опекой «илы» Героя Советского Союза Михаила Смильского. В составе моей группы— М. С. Погорелов, В. В. Мочалин, Я. И. Спиринов, Г. М. Шкворунов, И. П. Возный.

В район удара идем на малой высоте. Нас прижимают облака, снижаемся до 150–200 метров. Под нами ползут коробки фашистских танков. «Илы» с малых высот атакуют их. Многие танки вспыхивают. От прямых попаданий бомб и реактивных снарядов они словно подпрыгивают, выбрасывая вверх столбы черного дыма. Стремясь избежать ударов авиации, противник рассредоточивается, маневрирует, но его всюду достают снаряды наших пушек и огненные стрелы «эрэсов».

Гитлеровцы значительно усилили свои зенитные средства. В промежутках между самолетами то и дело возникают разрывы зенитных снарядов. Они то встают у нас на пути, то ложатся за нами. Мы маневрируем, избегая черных клубков и разноцветных трасс, уходим в стороны, занимаем места на флангах. Истребителям это делать легче, штурмовикам приходится куда сложнее.

В невероятном сплетении пулеметных и пушечных очередей, черных и серых разрывов, в бешеной круговерти машин у одного из «илов» вспыхнули крыло и хвостовое оперение. На огромной скорости штурмовик на глазах разрушался, превращаясь в обгоревший скелет, но летчик в душевном порыве продолжал наносить удары по врагу, решив, по-видимому, использовать свои боевые возможности до последнего вздоха.

Мы приземляемся на запасной аэродром, недавно освобожденный нашими войсками, ставим самолеты в капониры и собираемся вместе. Лица у всех суровые, в глазах боль и ненависть к врагу. Миша Погорелов отводит меня в сторону.

— Давай пройдемся, — негромко просит, нервно разминая в пальцах папиросу.

Мы идем по обочине аэродрома. Михаил молчит, глубоко затягиваясь. Наконец не выдерживает:

— Да, он настоящий герой! Я понимаю, о ком речь.

— А мы смогли бы так?

— По обстановке, полагаю, да.

Миша затаптывает носком сапога окурок в землю и опять молчит. Вытаскивает новую папиросу. Героический подвиг нашего боевого побратима летчика-штурмовика, сгоревшего в воздухе, потряс нас обоих.

Разве мы, штурмовики и истребители, не из одного теста? Все зависит, видимо, от обстоятельств, от момента. От одного мига. Когда забываешь обо всем на свете. Если на твоём пути перекрещиваются жизнь со смертью и ты попадаешь в то перекрестье, тогда для тебя самой дорогой и важной целью — дорожке жизни — оказывается победа. Сегодня штурмовик с честью вышел из этого перекрестья.

Немногословный Михаил высказывался редко, но всегда весомо и откровенно. Мы ходили по полю. Неожиданно перед нами открылось кладбище фашистских транспортных самолетов Ю-52.

— Уничтожены недавно, — кивнул в их сторону Погорелов. — Металлолом свежий.

— Когда-то мы могли лишь мечтать о таком зрелище.

— Оборона, отступление — страшное дело. Даже для авиации, особенно, когда она лишена возможности подняться в воздух. Самолет не зацепишь тросом и не потянешь на огромное расстояние тягачом. Единственный выход — превратить в металлолом.

— Пусть превращают. Пригодится нам после войны. Металл подходящий.

Михаил задумчиво выпустил табачный дым прямо перед собой, разогнал его ладонью.

— А знаешь, как мы спасли наши машины, когда противник прорвался к Орше? — спросил он и рассказал интересный случай.

...С целью парализовать движение, захватить грузы, отправляемые на восток, гитлеровцы рвались к станции. На платформе уже стояли самолеты нашей эскадрильи — девять И-16. Эвакуировать воздухом их не успели (не хватило горючего), решили использовать железную дорогу. Группу возглавлял инженер полка капитан Мялков... Орудийные выстрелы, скрежет гусениц слышались уже рядом. Было ясно: немцы вот-вот появятся и здесь. Наши летчики ходили по перрону, будто босые по битому

стеклу. Машины новенькие, не были в бою, неужели придется взорвать?

«Где паровоз?» — не отходил инженер от дежурного по станции. Тот звонил во все концы, на кого-то кричал, от кого-то требовал, но время не стоит на месте... Капитан волновался. Ведь ответственность за эвакуацию возлагалась на него.

Мягков подошел к составу и неожиданно скомандовал:

— По самолетам!

Вопросы были совершенно излишни, медлить нельзя ни секунды. Все бросились к машинам и только успели сесть, как послышалось гудение на первой платформе. Это инженер прогазовывал мотор. Казалось, что он готовится двинуться с платформы, как со взлетной полосы. От тяги пропеллера самолета платформы вздрогнули и медленно покатались по рельсам.

Эшелон благополучно прошел мимо зеленого семафора до следующей станции. Там подали паровоз...

— Здорово! — вырвалось у меня. — Вот это изобретательность!

— Инженер полка за это удостоен ордена Ленина, — улыбнулся Михаил. — А знаешь, — продолжил он свою мысль, — мне кажется, что каждый человек способен на подвиг. При исключительных обстоятельствах. Вот как сегодня у этого парня-штурмовика. Ведь война — это и есть огромный перекресток жизни и смерти. В решающий момент, я уверен, никто из нас не предпочтет общему делу свое личное... Вот пилот и выбирает, что важнее для результата боя: его жизнь или героическая смерть во имя победы.

— Философ ты, Миша. Скажи, а где сейчас тот инженер?

— Мягков? Погиб под Москвой. Сам он москвич — и голову сложил за свой родной город. Много там осталось хороших ребят, отличных летчиков... Сегодняшние наши успехи — это и их боевые дела.

Время возвращаться. Идем рядом, переполненные впечатлениями от недавнего боя и от увиденного кладбища немецкой техники. Таковы они — жизнь и смерть на войне.

Стечение обстоятельств, когда мобилизуешь все клетки своего «я» — мозг и мускулы, все физические и умственные способности, как этот штурмовик, как тот инженер.

Рассказ Михаила открыл много ранее неизвестного для меня. Немало прошел он трудными дорогами, на многих «перекрестках» побывал. Но самое трудное еще впереди.

...На следующий день — полеты в район Котельниково. Облачность довольно высокая — до 500 метров, видимость вокруг — до трех километров. В составе группы идут Погорелов, Бугарчев, Молчанов, Мочалин. Под нами густо рябют на земле окопы, воронки. К горизонту тянутся, медленно перемещаясь вверх, столбы черного дыма. Часто вспыхивают выстрелы орудий, видны фейерверки пулеметных очередей. Слева из оврага выползают наши танки. Они выкрашены в белый цвет и потому еле заметны на снегу. У противника танки темно-зеленые с коричневым камуфляжем — очевидно, из предназначенных для действий в Египте или Индии. Ничего, в России они горят отлично, может, даже лучше, чем в песках пустынь. Хотя армия Роммеля терпит поражение и там.

Проходим вдоль линии фронта, наблюдая за нашими войсками. Вражеской авиации пока нет. В небе спокойно. Барражируем над передним краем. Мой ведомый, сержант Володя Мочалин, докладывает:

— С юга группа «мессеров».

У Володи зоркий глаз. Во мгле еле различаю черные точки. Они приближаются, обретают свою обычную форму. Насчитываю около десятка машин. Истребители идут осторожно, оглядываются — научились осмотрительности. Вообще за последнее время в действиях противника не отмечается прежней наглости. Видимо, хорошо понимают: их безнаказанность и превосходство ушли в безвозвратное прошлое.

Воздушный бой начался с ходу и на малой высоте. Низкая облачность ограничивала маневр по вертикали, поэтому мы сходились в основном на виражах и в лобовых атаках. Это самое тяжелое в воздушной схватке. Летчик как бы скован, лишен простора, вынужден держаться неширокого радиуса действий. В таких случаях необходимы высшая осмотрительность, точная координация при пилотировании, иначе свалишься в штопор, а рядом земля.

При первом же заходе в лобовую, отправляю вниз один «мессершмитт». Держусь боевого строя, слежу за обстановкой.

Вот и Миша Погорелов — он ведомый у штурмана полка старшего лейтенанта Николая Молчанова — смело ускользает из-под удара, атакует. Его машина кружится в вираже, снова стремительно идет на врага. Вижу, как Миша не спускает глаз с ведущего. Защита хвоста командира — его святая обязанность. Нет, Погорелое не подведет. Он и атакует с таким расчетом, чтобы не подпустить противника к строю, обеспечить успех группе. Не боится попасть в то самое «перекрестье», будь оно неладно.

Я вновь атакую. За мной уверенно следует Мочалин. Летчик молодой, но уже побывал в переплетах. Противник уклоняется от наших ударов. Он вынужден обороняться.

В моей машине что-то не ладится — резко падает скорость, ее разворачивает влево. Смотрю — из куполов выползают шасси. В чем дело? Самолет с выпущенными шасси теряет скорость, становится удобной мишенью.

Неполадки в моей машине тотчас засекают фашисты. Начинают зажимать с двух сторон. Как говорится, бьют и в хвост и в гриву. Тут зевать не приходится. Еле ухожу от прицельного огня. Уклоняюсь от дуэльной атаки. Крутые виражи помогают. Тяну ручку так, что темнеет в глазах. Избегаю ударов «мессера», атакую сам. Мочалин помогает огнем, Погорелов и Бугарчев оттягивают часть «мессеров» на себя.

Всей группой уничтожаем два Me-109, остальные покидают поле боя, уходят на запад.

Воздушные бои не утихали. Группа «Гот» топталась на месте, не имея возможности продвинуться к своим окруженным войскам. Сорок километров отделяли ее от дивизий Паулюса в Сталинграде. Это мизерное расстояние в течение многих суток пытались, но так и не смогли протаранить отборные, до зубов вооруженные гитлеровские дивизии. У них на пути встали наши доблестные воины. Земля дрожала, горела, вздымалась фонтанами по обе стороны переднего края, небо пылало от разрывов снарядов, трассирующих очередей.

Кодовое наименование операции группы «Гот» — «Зимняя гроза» — так и осталось лишь на картах в фашистских штабах, а само наступление провалилось. Немецкий стальной клин напоролся на наш, советский, о который и разбился.

Как известно, большую помощь 51-й и 2-й гвардейской армиям в отражении контрнаступления группы «Гот» оказала авиация 8-й воздушной армии генерала Т. Т. Хрюкина, которая в дни оборонительного сражения произвела более 1600 самолетовылетов.

... Вскоре наш полк приземлился на новом аэродроме, откуда только-только был выбит противник. Теперь нам еще легче прикрывать войска, действующие в направлении Сальска и Ростова-на-Дону. Вокруг следы нашей «работы»: уничтоженные танки, самоходные орудия, автомашины, сгоревшие самолеты. Все, как на подбор, зелено-коричневого цвета. Понятно, что прибыли из Африки.

Здесь, на аэродроме в Котельниково, меня приняли в члены Коммунистической партии. Теперь я плечом к плечу в едином строю со всеми коммунистами полка, член славной ленинской Коммунистической партии. Значит, за все в ответе — и за победы, и за поражения, за полное изгнание фашистов с нашей родной земли.

Подарок Саратовских колхозников

Поздно вечером после разбора полетов командир полка объявил:

— Получен приказ: отбыть в Саратовскую область для встречи с колхозниками и получения боевых машин.

Он назвал фамилии летчиков, которым надлежало быть в готовности. Такая новость нас обрадовала.

Утром на Ли-2 вылетаем в Саратов. Погода как назло нас не балует. Приземляемся удачно, но добраться до нужных нам населенных пунктов не так-то просто. Николай Иванович Миронов предлагает провести вечер в городе, совершить прогулку-экскурсию, а затем посмотреть балет «Лебединое озеро» в Саратовском государственном театре оперы и балета им. Чернышевского. Стоит ли говорить, с какой огромной радостью мы приняли это предложение. После невообразимого грома сражений не верилось, что все это происходит наяву: мы сидим в уютном партере, слышим волшебную музыку, и у нас на глазах совершается чудо...

На рассвете, разбившись на группы по два-три человека, мы выехали в села. Нам с лейтенантом К. М. Сафроновым выпало посетить колхоз имени Чапаева. Дороги за ночь занесло, ехать пришлось на санях. С большим трудом добрались до места назначения. Небольшое село раскинулось в низине и утопало в белых сугробах. Между домами мы пробирались пешком. На обоих повеяло чем-то до боли знакомым, родным.

Заснеженные изгороди у рубленых хат местами под тяжестью белых шапок прислонились почти к самым окнам. За селом виднелись скотный двор, конюшни, дальше простиралась поля. Совсем как у нас на Украине, разве что деревьев во дворах поменьше.

До темноты мы пропадали на фермах, осматривали хозяйство. Всюду работали одни женщины, лишь изредка встречались мужчины, в основном старики и инвалиды.

Вечером на торжественную встречу с фронтовиками-летчиками в школе собралось все село. Открыла собрание председатель правления колхоза имени Чапаева — энергичная

худощавая женщина с закрученными вокруг головы обручами черных кос. Все замолчали, внимательно разглядывая нас.

Председатель не выступала с докладом, не произносила длинных речей. Пригласив всех за накрытые столы, она подняла рюмку:

— Дорогие наши колхозники, давайте же поприветствуем доблестных соколов на саратовской земле и выпьем за скорейшую победу над вражескими ордами.

После ужина председатель колхоза сказала:

— А теперь позвольте вручить вам скромный подарок от наших колхозников — самолет-истребитель. Мы приобрели его коллективно на свои трудовые сбережения.

В классе раздались аплодисменты, худые лица людей озарили светлые и радостные улыбки. Эта минута запомнилась мне на всю жизнь.

— Нещадно бейте, сыны наши, захватчиков, — продолжала женщина, — гоните их прочь с нашей земли, очищайте от них советское небо!

Мы с лейтенантом горячо благодарили саратовцев и обещали обязательно выполнить их наказ.

После официальной части в зале заиграла гармонь, зазвучали фронтовые песни. Но председатель неожиданно попросила тишины. Когда все умолкли, торжественно провозгласила:

— Товарищи! Наш славный гость, пилот Степаненко, как стало известно, холост. Правду говорю? — спросила у меня. — Так вот, выберем ему невесту.

Вспоминаю об этом, чтобы подчеркнуть, с каким вниманием и теплом относились советские люди к фронтовикам. Но одно дело — рассказывать, а совсем другое — стоять рядом с девушкой, настоящей красавицей! Никто из присутствующих не смеялся и не шутил.

Вечером, как это и положено жениху, я побывал у Марийки дома, познакомился с ее матерью. Договорились писать друг другу. Но, что поделаешь, — так и не сошлись наши пути-дороги. В 1944-м Марийка сообщила, что выходит замуж.

До глубины души нас взволновала эта огромная честь — сражаться с врагом на самолете, врученном тебе народом. В этой связи наша ответственность за разгром врага становилась будто

ощутимее, зримей. Это означало, что простые люди, сельские труженики, верили нам, надеялись на наше боевое мастерство. Каждый из них, кто в тот миг смотрел на нас, мысленно произносил: «Мы отдаем тебе свой труд, чтобы ты побеждал. Сумеешь ли, справишься ли с порученным делом?» К нам подходят пожилые и молодые женщины, подростки. На устах у всех одно: скоро ли конец войне? Когда ждать наших домой?

Милые, дорогие наши люди! Знать бы ответы на эти вопросы... Мы, летчики, будем искать их в битве и в схватках с заклятым врагом, а вы — на трудовой ниве. Другого пути у нас нет и не будет.

Утром на аэродроме нас уже ожидал подполковник Миронов со старшим сержантом Семеном Дмитриевичем Шмалием. Они возвратились из колхоза «Стахановец», где им от всего села вручал именной истребитель Ферапонт Головатый. Машину принимал Шмалий. Как известно, первый истребитель Ф. Головатый подарил летчику майору Еремину.

На белоснежных именных самолетах летим прямо на фронт под Сталинград, где нас ожидают новые бои. Истребители Як-1— усовершенствованные скоростные машины. Нам предстоит в короткий срок овладеть новой техникой, облетать ее, пристрелять оружие и, не задерживаясь, войти в боевой строй.

Атаки на «воздушный мост»

Немецко-фашистские войска, прижатые к Волге, упорно сопротивлялись. Гитлер приказал Паулюсу держаться до последнего солдата. Но было ясно, что долго выстоять они не смогут. Все надежды противник возлагал сейчас на снабжение боеприпасами, продовольствием, горючим по «воздушному мосту». Чтобы поддерживать его в надлежащем состоянии, Геринг собрал вблизи Сталинграда самолеты большинства транспортных частей, мобилизовал флот летных школ и гражданской авиации. Он хвастливо обещал Гитлеру доставлять окруженной армии Паулюса 300–500 тонн груза ежедневно.

Надо было «взорвать» этот мост, лишив окруженных гитлеровцев поддержки с воздуха.

Наша ближайшая задача теперь состояла в том, как сообщил командир полка, чтобы перехватывать транспортные самолеты и бомбардировщики и сбивать их, то есть организовать блокаду противника в воздухе. С этой целью Ставка Верховного Главнокомандования приняла решение блокировать врага на внутреннем фронте окружения силами 8-й и 16-й воздушных армий, а на внешнем — силами 8-й, 17-й армий и авиации дальнего действия. Способ блокады: рассредоточить истребители на аэродромах вокруг сталинградского «котла» и наносить удары по авиации противника на маршрутах полета и аэродромах базирования.

Тактика вражеской авиации не отличалась новизной: полеты одиночных машин на определенных маршрутах в сложных метеорологических условиях, а также больших групп до 40 самолетов в сопровождении истребителей. Самые краткие расстояния до Сталинграда — от баз Тацинская и Морозовская.

На освобожденной территории между внешним и внутренним кольцами окружения разместились наши авиационные полки и зенитная артиллерия. Своими активными действиями они не давали возможности противнику совершать перелеты через «коридор» к окруженной группировке и обратно. Поэтому, неся большие потери, гитлеровцы принялись искать обходные маршруты. Часто меняли их, хитрили, прибегая к ночным полетам

или используя сложные метеоусловия. Их самолеты часто вились над внешним кольцом окружения, пытаясь незаметно подобраться к своим войскам, но везде и всюду попадали под огонь наших истребителей и зенитной артиллерии.

11 декабря 1942 года 16 «юнкерсов» под прикрытием «мессеров» попытались прорваться к Сталинграду. В районе Чепурников их атаковали восемь машин Ла-5 и девять Як-1, поднявшихся по сигналу станции наведения. Результат боя: подбиты девять «юнкерсов», пять из них уничтожены, четыре сели на фюзеляжи. Уцелевшие экипажи взяты в плен. Семь машин повернули на юго-запад, но тут их догнали наши истребители. Уйти посчастливилось лишь одному гитлеровцу.

В начале января 1943 года была разработана операция по уничтожению транспортных самолетов противника на удаленных аэродромах Старобельск, Тацинская, Морозовская, Ростов. Одновременным ударом штурмовиков и бомбардировщиков повреждено и уничтожено около сотни вражеских машин.

В разгроме авиационной группировки противника немалую помощь оказали и наши подвижные механизированные части. Так, по рассказу генерала К. О. Петровского, его 117-я танковая бригада, участвовавшая в окружении фашистской группировки, вырвавшись на оперативный простор ночью, с ходу наскочила на базовый аэродром Морозовская. 150 «юнкерсов» и «мессершмиттов», склады с боеприпасами — бомбами и снарядами — танкисты уничтожили в считанные минуты. Разогнав машины, они обрубывали самолетам хвосты, приводили в негодность все аэродромное хозяйство. Был взят в плен и весь летно-технический состав — фашистские вояки, растерявшись, не успели сбежать либо улететь ночью. Придя в себя спустя некоторое время и стремясь не дать нам возможности воспользоваться их самолетами, фашисты принялись беспощадно бомбить свой же аэродром, расходуя боезапас на прицельное бомбометание по металлолому и попавшим в плен соотечественникам.

Тем временем наша авиация совместно с войсками наземных войск продолжала успешно громить упорно сопротивлявшегося противника.

Даже в ходе переподготовки на новую материальную часть мы не могли удержаться от боев, если этого требовала обстановка. Помню, в начале января я обучал над нашим аэродромом прибывшее пополнение — молодых летчиков Токарева, Камшеева, Мочалина, Кандакчяна. Только дал провозной на «яке» сержанту Мочалину и произвел посадку — не успел даже выпрыгнуть из кабины и заправить машину — как вижу: бежит ко мне механик старшина Борисовец. Запыхался, что-то выкрикивает на ходу, тычет рукой в небо. Оглядываюсь, а с востока на Сталинград плывут «юнкерсы». То ли заблудились, то ли сманеврировали, чтобы нагрянуть со стороны солнца. Транспортники идут без прикрытия истребителей. Ну как тут не воспользоваться выгодной ситуацией!

Заправиться бы... Но, охваченный боевым азартом, заставляю себя не думать ни о чем — надо взлетать. Для молодых летчиков будет наглядный урок: учеба на личном примере.

Запускаю двигатель, выруливаю на взлетную полосу, поднимаюсь в воздух. Догнать врага удастся лишь над городом. Четыре «юнкерса», выполнив левый круг над Мамаевым курганом и чуть западнее его, сбрасывают на парашютах какие-то продолговатые предметы. Передаю своим по радио: «Атакую, высылайте помощь».

После первой очереди один из «юнкерсов» беспорядочно высыпает свой груз и, оставляя дымный шлейф, падает недалеко от аэродрома Гумрак. Я выхожу из атаки, смотрю на крыло, где под плексигласом вмонтирован показатель наличия горючего. Стрелка дрожит на 20 литрах. Какая досада! Хватит лишь на несколько минут полета. Совсем рядом — три «юнкерса», их можно легко уничтожить. Но тогда и мне придется падать вместе с ними в «котел», к окруженному врагу. Как быть?.. «А на чьем же самолете ты сейчас сражаешься, Иван? — задаю себе вопрос. — Неужели эта машина так и закончит боевой счет на одном «юнкерсе»? Нет, она способна на куда большие дела, еще много фашистских стервятников коптят наше небо. Боевая программа колхозного истребителя куда шире».

С набором высоты возвращаюсь домой. Навстречу мне торопятся на своих новых машинах Семен Шмалий, Николай Молчанов, Михаил Погорелов, Борис Бугарчев, догоняют

недобитые «юнкерсы». В двигателе моего «яка» слышатся перебои. Но на горизонте показались знакомые очертания аэродрома. Мотор кашляет и умолкает, винт останавливается. Планирую на посадочную полосу. Короткая пробежка, и машина словно примерзает колесами к рыхлому снегу.

Первое испытание истребителя, построенного на средства колхозников-саратовцев, выдержано! Правда, в боевом азарте я чуть было не утратил машину, но вовремя взял себя в руки. А, как говорится, конец — делу венец. Мы еще повоюем с тобой, дружище! Держись только уверенней и тверже. А я впредь буду с тобой бережливее.

Возвратились, выполнив боевое задание, летчики Шмалий, Молчанов, Погорелов, Бугарчев. Они сбили восемь «юнкерсов». У нас потерь нет.

Несмотря на неудачи, вражеская авиация не ослабляет активности, пытается восстановить «воздушный мост», но он разваливается под ударами наших истребителей и зенитной артиллерии. Его «обломки» сыплются в «котел», валяются на передний край, в «коридор». Лишь единичным самолетам удается доставить окруженным грузы. Над 6-й армией гитлеровцев нависает огромный воздушный «колпак», из-под которого ей уже не удастся выбраться.

8 января 1943 года советское командование во избежание дальнейшего кровопролития предъявило командованию окруженных войск ультиматум, в котором предлагалось прекратить сопротивление и капитулировать. Ультиматум был отклонен. Тогда 10 января наши войска перешли в наступление. Его начал Донской фронт. Кодовое название операции — «Кольцо». К исходу 12 января главная ударная группировка фронта вышла на реку Россошка, а 17 января достигла рубежа Большая Россошка — хутор Гончары — Воропоново. 20 января Паулюс снова запросил у Гитлера разрешения на капитуляцию, на что последовал ответ: «Капитуляцию запрещаю! Армия должна удерживать свои позиции до последнего солдата и до последнего патрона». Это был вопль бессилия и отчаяния. Гитлер не знал пощады даже к своим солдатам, погибающим в снегах Сталинградского котла. Завоеватели, пришедшие на нашу землю грабить и убивать, тысячами гибли на ней не только от снарядов, мин и авиационных

бомб, не только под гусеницами танков, но и от холода и голода. Их день и ночь перемалывала мощная советская техника, уничтожала наступающая пехота.

Виновником величайшей трагедии немецкого народа был фашизм, и немцы никогда не простят ему свои страдания и позор.

22 января наступление советских войск началось с новой силой. 2 февраля противник прекратил сопротивление. Это был победный финал Сталинградской битвы. Потoki пленных гитлеровцев устремились на восточный берег Волги. Они шли медленно, подавленные, сгорбленные, закутанные в тряпье, обмороженные, проклиная бесноватого фюрера и войну. Бывшие солдаты, они теперь отлично понимали всю бессмысленность захватнических планов Гитлера в отношении России. Они уже видели эту страну, вставшую во весь свой исполинский рост, поднявшую карающий меч, не дававшую пощады никому, кто ступил на ее землю как завоеватель.

Советская авиация на Сталинградском фронте выполнила свою задачу — добилась полного превосходства в воздухе. «Непобедимые» фашистские эскадры потерпели позорное поражение. Созданная Герингом группировка истребительных, бомбардировочных и транспортных эскадр, возглавляемая любимцем Гитлера Рихтгофеном, была полностью разгромлена. Лишь за период с 24-го по 30 ноября в районе Сталинграда советская авиация совершила 7678 самолето-вылетов — в среднем по 824 самолето-вылета в сутки, что в пять раз превышало количество самолето-вылетов противника.

4-й воздушный флот фашистской Германии не досчитался около трех тысяч самолетов, потерял лучших своих асов. Бывший генерал Ханс Дьерр в своей книге «Поход на Сталинград» отмечал: «Германская авиация понесла в этой операции самые большие потери со времен воздушного наступления на Англию...»

Гитлеровский вермахт оставил здесь 32 дивизии и три бригады, а 16 других дивизий не досчитались от 50 до 75 процентов своего личного состава.

Нелегко досталась нам эта победа. Нынче на Мамаевом кургане высится величественный памятник — монумент павшим героям. Когда мне случается бывать в Волгограде, я, как и все, кто приходит туда, замираю у его подножья и долго стою, склонив

голову. Мне вспоминаются бои в пламенном небе Сталинграда, я слышу завывание моторов, грохот снарядов, взрывы бомб. Передо мной в такие минуты встанут мои боевые друзья, погибшие и живые, все те, кто отстоял наше родное небо.

Волгоградцы свято чтут память о грозных событиях, которые все дальше и дальше уносит от нас время. На Мамаев курган приходит много людей — детей и взрослых, молодых и убеленных сединами советских граждан и зарубежных гостей. Все они приносят сюда цветы и свою горячую благодарность тем, кто в тяжелые годы стоял здесь не на жизнь, а на смерть и победил.

Спасибо вам, волгоградцы, за благодарную память о героях, за то, что вы отстроили заново свой славный город на великой русской реке. Гордо и величественно звучит сегодня песня, которую так любят в Волгограде:

Есть на Волге утес, он броней оброс,
Что из нашей отваги куется.
В мире нет никого, кто не знал бы его,—
Он у нас Сталинградом зовется!..

В небе над Кубанью

Отгремела Сталинградская битва, но ее грозное эхо еще долго звучало над планетой, наполняя сердца честных людей земли огромной радостью. Фашистская Германия объявила трехдневный траур по тремстам тридцати тысячам солдат и офицеров.

Тем временем наши части успешно гнали захватчиков дальше и дальше на запад.

Теперь для 4-го истребительного авиационного полка, участвовавшего в Сталинградской эпопее от первого до последнего часа, наступили дни непродолжительного отдыха. Часть пополнялась самолетами, принимала молодых летчиков, техников, инженеров, приводила в порядок аэродромное хозяйство.

Помню, я удивлялся, когда слышал от бывалых воинов, что старые раны болят, когда наступает затишье. Оказалось, верно.

Будто учуяв передышку, заныл, заколол «мой» осколок. Сидел он глубоко в правой щеке, под самым ухом, и боль отдавала в голову.

Полковой врач Людмила Николаевна Полижаева внимательно осмотрела меня и вместе с командиром полка настояла на немедленной операции.

— Вам только кажется, что вы здоровы, — настаивала она, не принимая моих возражений. — Осколки пока «спят», но в любой момент могут «проснуться». Избавиться от них следует пораньше. Вот и командир полка считает, что обстановка позволяет вам госпитализацию.

— Берите предписание — и на У-2.— Николай Иванович повертел в пальцах карандаш и сокрушенно развел руками. — Город Саратов вы знаете. Возвращайтесь отремонтированным.

Я не очень разбираюсь в медицине, понял только главное: не отправь меня тогда Людмила Николаевна в госпиталь, вряд ли я смог бы остаться летчиком.

Операция была сложная, но прошла удачно. Когда мои муки закончились и я улегся на каталку, оперировавшая меня врач-хирург, улыбнувшись одними глазами, сказала:

— Летать будешь. А относительно красоты не беспокойся, сохранили. Вот увидишь, полюбит самая симпатичная артистка.

— Почему именно артистка? — удивился я. Но она прикрикнула:

— Не разговаривать.

Внимательные медсестры отвезли меня в палату. Голова раскалывалась от боли, а я лежал и думал об удивительном явлении — физических страданиях человека. Что, если бы их вообще не существовало? Хорошо было бы это или плохо?.. Окончательно так и не решил.

Спустя десяток дней сняли повязку, дело шло к выписке из госпиталя. Здесь же вместе с боевыми друзьями, врачами и сестрами мы отметили Международный женский день — 8 Марта. Было непривычно весело. Ведь пройден большой путь, пережито много горя и страданий, а впереди у нас долгожданная, необъятная радость — победа!..

В полку товарищи встретили меня как всегда, радушно. Чувство единой, крепкой семьи знакомо каждому фронтовику. Даже в самом маленьком подразделении личный состав живет едиными мыслями, общими заботами. Ты знаешь всех. — и все знают тебя, веришь каждому — и каждый верит тебе. Мне эта закономерность представляется в виде кольца дружбы, в котором и рождается успех любого дела. Потому что нет ничего дороже веры и дружбы между людьми. Душевный контакт, привязанность к товарищам тянет каждого выздоравливающего именно в свою часть.

Полк ждет новых боев. Куда теперь, на какое направление?

В штабе полка меня принял подполковник Миронов.

— Ну, как дела, Иван Никифорович? — улыбнулся он и пошутил: — Смотрю, ты стал легче, проворнее!.. — и серьезно закончил: — С завтрашнего дня приступай с Рязановым к провозным, восстанавливай технику пилотирования и становись в строй.

...Фашисты под сокрушительными ударами наших войск у Сталинграда и на Северном Кавказе откатывались к Ростову-на-Дону и Таманскому полуострову. Здесь к весне 1943 года противнику удалось создать мощную оборонительную полосу — плацдарм для последующего наступления. Так называемая

Голубая линия прочно укреплялась, совершенствовалась. Сюда были брошены не только отборные наземные войска, но и не менее отборные военно-воздушные эскадры противника.

Гитлеровское командование стремилось во чтобы то ни стало взять реванш за все неудачи истекшего года. Для этого на сравнительно узком участке фронта были сосредоточены тысячи самолетов 4-го воздушного флота — эскадры «Мельдерс», «Удэт», «Зеленое сердце», «Ас-пик» и другие. Сюда же перебазировались истребители-бомбардировщики ФВ-190, впервые примененные на Кубани.

У противника появился новый истребитель-бомбардировщик «Фокке-Вульф-190». Что это за машина? Какие ее боевые возможности? Все определить и уточнить можно только в бою. Уверен, сумеем выполнить и эту задачу.

Советские войска готовились дать новый решительный отпор врагу, поганящему нашу землю.

Приказ командира короток: будем перебазироваться. Первый пункт посадки — Сальск.

Наступила ранняя весна, но над Таманью нависли отнюдь не весенние тучи. Вылетаем двумя группами. В первой — ведущий группы штурман капитан Н. П. Молчанов, я — его заместитель в воздухе.

Чем ближе к югу, тем темнее земля. Да и время такое: первое апреля. Весна здесь набирает силу, меняет ландшафт.

Летим не спеша, выдерживаем строй. До Сальска остается километров семьдесят. Скоро посадка. Поглядываю на карту, сверяю ориентиры с местностью. Неожиданно в наушниках звучит голос Молчанова:

— Степаненко, веди группу. У меня двигатель дает перебои.

Покачал крыльями и ушел переворотом вниз.

«Что там у него?» — подумал я. Спрашивать нет времени. Передо мной неожиданно встала новая сложная задача. Выполнять подобную мне до сих пор не приходилось. Теперь главное — не сбиться с курса.

Внимательно присматриваюсь к ориентирам, беру управление на себя, ставлю в известность летчиков: слушать мою команду!

Посадка прошла быстро, без отступлений от плана перелета. Заправили и осмотрели машины, приготовились докладывать

командиру, как вдруг над нами появился знакомый самолет Молчанова. Двигатель его работал будто бы нормально.

— Понимаешь, — говорил мне Молчанов по пути к командному пункту, — пришлось прибегнуть к высшему пилотажу, сделал перегазовку — и кашель исчез.

Я подозревал, что Молчанов использовал этот момент, чтобы потренироваться в пилотаже. Иногда мы позволяли себе такую «роскошь», особенно после длительного перерыва в полетах.

Вскоре произвела посадку и вторая группа. На аэродроме стало тесно от самолетов различных марок. Глядя на такое скопление авиатехники, каждый из нас понимал: перед Военно-Воздушными Силами страны поставлено новое ответственное задание. И Сальск — это не что иное, как перевалочная база для авиационных частей.

Ночевать мы остановились в крестьянской хате неподалеку от аэродрома. У печи хлопотала немолодая хозяйка.

— В моем доме стояли на постое немецкие летчики, — сказала она.

Никто не обратил внимания на ее слова. Лишь позже я спросил:

— Как же они вели себя?

— Ой, не напоминайте. Разбойничали в небе и на земле. Пьянствовали и плакали. Особенно напивались, когда узнавали, что придется лететь на Сталинград. «Мы оттуда не вернемся, — скулили. — Погибнем, как наши друзья, за великую Германию и фюрера».

— Ну и как? Возвращались?

— Откуда мне знать. Только менялись очень часто.

— Плачут... — сердито повторил Борисовец. — Отпели, видать, свое. Как же! Надеялись на легкую победу, а тут приходится ответ держать. Хочешь не хочешь — заплачешь!

Вечером хозяйка дома поставила на стол яичницу.

— Зачем вы, мамаша? — запротестовали мы, зная, как тяжело у населения с продуктами. — У нас свой летный паек.

— Ешьте, сынки, — настаивала она. — Мой-то муж погиб в бою с проклятым фашистом. Сыны где-то тоже воюют. Так я вот будто их встретила...

Утром приходим на аэродром. Самолетов стало еще больше. Рядом с нашими «яками» разместились неуклюжие «Кинг-кобры». Они, как и мы, перебазируются поближе к району предстоящих боевых действий. Сила довольно внушительная.

Навстречу мне, откуда ни возьмись, — старший лейтенант. Высокий, чернобровый, стройный. Лицо знакомое. Улыбается и заключает меня в объятия.

— Вот где довелось встретиться...

Так это же мой давний друг и товарищ по Днепродзержинскому аэроклубу и Качинской летной школе Василий Дрыгин! На гимнастерке солидный ряд орденов и медалей.

— Здорово воюешь! — киваю на награды.

— Ты ведь тоже не пасешь задних, — указывает Дрыгин на мои ордена.

— Выручает колхозный «як», — отвечаю с гордостью. — А как у тебя машина?

— В общем неплохая.

— Об Иване Ребрике не слышал?

— Как же! — воскликнул Дрыгин. — В соседней эскадрилье воевал... — и вдруг осекся.

У меня тревожно сжалось сердце: неужели погиб? Словно угадав мои мысли, Дрыгин нахмурился.

— На Сталинградском фронте... Мог бы спастись, да помешал нелепый случай. Понимаешь, выбросился из подбитого самолета, а стропа парашюта зацепилась за стабилизатор... Храбрый был летчик и настоящий друг.

Вспомнили с Василием наших качинцев — Бабенко, Тетерюка, Петушкова, Ищука, Горшкова и других ребят.

В состав нашего полка влилась третья эскадрилья. Командует ею майор И. В. Шмелев. Чем больше летчиков, тем веселее жизнь. Кроме того, эскадрилья существенно усиливала нас, боевые возможности полка теперь значительно возросли. Боевой опыт эскадрильи был весомым: она принимала участие в обороне Ленинграда, Прибалтики, Сталинграда.

Майор Шмелев как-то сразу вошел в нашу крылатую боевую семью. Даже внешность у него была располагающая — крепкая, широкая в плечах фигура, роскошная черная шевелюра и огромная борода. Шмелева вскоре так и прозвали: «Борода». А

подчиненные между собой называли командира своей эскадрильи Батей.

Заместителем у Шмелева был старший лейтенант Кулаков, опытный боевой летчик, инженером — Федор Авраменко, инженером по вооружению — старший лейтенант Михаил Басе. Все они быстро освоились в новой обстановке, познакомились с людьми и оказались достойным пополнением. К слову сказать, летчики и техники ревниво относились к боевой славе подразделения, ценили своего командира, а Батя, в свою очередь, гордился подготовкой подчиненных. Они, в самом деле, заслуживали высокой оценки. Эскадрилья принимала активное участие во всех воздушных боях и имела, пожалуй, самые малые потери.

Среди летчиков эскадрильи сразу бросался в глаза Виктор Куницын, совсем молодой парень.

— Ну, теперь нашим девчатам есть в кого влюбляться, — пошутил Михаил Погорелов при знакомстве. Виктор смутился и покраснел.

Высокий, стройный, с синими с поволокой глазами, Куницын оказался человеком на удивление собранным и внимательным, замечательным летчиком-истребителем. Но и «пророчество» Миши было небезосновательным.

Тут следует сказать о наших девчатах — парашютоукладчицах Александре Мягковой и Кате Барановой, мастерах по вооружению Лиде Зубковой, Нине Зинченко, Зине Цветковой, Лене Марьясовой, Тане Непомнящей и других специалистах различных профилей. Их труд во фронтовых условиях был далеко не простым делом. Кроме своих прямых, непосредственных обязанностей девушкам нередко приходилось подменять товарищей, выполнять тяжелую физическую работу, которая по плечу лишь мужчинам. Что поделаешь, нехватка людей сказывалась всюду.

Случалось, девчат назначали нести и караульную службу, и они отлично справлялись с поставленной задачей. Помню, в Сальске Шура Мягкова стояла на посту у машин. Уже светало, и Шура увидела в небе группу фашистских самолетов. Летели они стороной и бомбить будто не собирались. Вскоре ветер донес до поста листовки. «Стоит на это тратить горючее», — подумала

Мягкова Она ведь знала, с каким презрением наши люди относились к этим бумажкам.

Неожиданно совсем рядом увидела незнакомца в гражданской одежде. Он двигался крадучись, обеспокоенно поглядывал по сторонам.

— Стой, кто идет!

Неизвестный пробормотал что-то невнятное, но не остановился.

— Стой, стрелять буду! — предупредила Шура и прицелилась.

Нарушитель застыл на месте, а Мягкова выстрелом вызвала начальника караула.

Сопровождать задержанного в штаб было поручено Александре Мягковой и Лиде Зубковой. Сосредоточенные, серьезные, они шли за ним с винтовками наперевес: крепкая, статная Мягкова и стройная Лида Зубкова.

На следующий день из штаба полка был получен приказ, подписанный майором Федюниным. В нем Александре Мягковой объявлялась благодарность за бдительность на посту. Видно, не простым прохожим оказался задержанный.

...Двадцать дней апреля промелькнули в учебе, тренировках, кратковременном отдыхе. И вот полк вылетел на Кубань.

Цветут сады. Сверху кажется, что станицы утопают в белых озерах. Смотрю на эту красоту и чувствую, как тоскливо щемит сердце. Все до боли напоминает родной край. Когда-то доведется побывать дома?..

Садимся на аэродром. Не успеваем осмотреть машины, как в небе нарастает грохот. Наблюдатели докладывают: группы бомбардировщиков в сопровождении «мессеров» идут на Краснодар. Хорошо бы ударить по ним внезапно. Кто-то из ребят бросается к кабине своего самолета, но в раздумье застывает на месте: за время перелета выработано все горючее, баки пусты. Жаль. После длительного перерыва так хотелось в бой!

В тот же день всем полком облетали линию фронта, побывали и над «Голубой», перехватили разведчиков противника — они, не приняв боя, ушли обратно, даже не попытались углубиться на нашу территорию.

4-я воздушная армия под командованием К. А. Вершинина обживала Кубань. Ожесточенные бои шли за станицу Крымская.

Наши наступали, оборонялись, контратаковали, метр за метром отстаивая родную землю. Не утихали сражения за Новороссийск. Обстановка изо дня в день осложнялась.

Полк перебазировался на передовой аэродром — в шести-восьми километрах от линии фронта. Поднимаемся в воздух по вызову передового командного пункта. На нем сейчас постоянно находился командир дивизии — генерал-майор авиации А. В. Борман.

Ежедневно над передовым аэродромом закипают жаркие схватки. С обеих сторон в них принимают участие сотни самолетов. На горизонте прямо в небо тянутся черные ленты дыма. Это догорают сбитые самолеты.

В промежутках между налетами гитлеровцы ведут обстрел нашего аэродрома крупнокалиберной артиллерией. Мы прячем самолеты в капониры, но полностью избежать потерь не удастся. Военно-воздушные силы, сосредоточенные гитлеровцами в районе боевых действий, были весьма значительны. К тому же, их самолеты Me-109ф, Me-109 г-2, ФВ-190, Me-110 обладали большей скоростью, чем наши И-153 «Чайка», И-16, Як-7б, Як-1. Немаловажен тот факт, что немецкие самолеты базировались на аэродромах Крыма, где были оборудованы твердые полосы покрытия. Они позволяли взлетать в любых погодных условиях — в распутицу и весенние грозы. Отступая, фашисты приводили в негодность все площадки, которые могли бы быть использованы для базирования советской авиации. В дождливую погоду грунтовые аэродромы размокали и становились ограниченно годными для использования. Как оказалось, на аэродромах Донбасса и юга Украины противник сосредоточил свыше 800 бомбардировщиков Ю-88, Хе-111, Ю-87, которые действовали также над Кубанью.

Наши летчики, благодаря настойчивости и упорной работе, в короткие сроки овладели новыми типами боевых машин Ла-5, Як-9. Это были замечательные самолеты. Мы любовно называли их крыльями победы.

В середине апреля на Кубани разгорелись невиданные до того времени сражения за господство в воздухе. Такого напряжения, как по массовости, так и по интенсивности полетов, еще не знал воздушный фронт с начала войны. Иногда в сутки производилось

до двух тысяч самолето-вылетов. С раннего утра и до позднего вечера в небе шел смертельный поединок. Гудели моторы, горели, разлетались на куски и врезались в землю, взметая вверх огненные столбы, и наши, и вражеские машины.

За несколько дней до Первомайских праздников мы узнали приятную новость: в полк прибыла делегация саратовских колхозников во главе с Ферапонтом Головатым. Конечно, членов делегации прежде всего интересовало, как «ведут себя» подаренные ими самолеты и как вообще идут дела на фронте.

Встреча с нашими саратовскими друзьями надолго запомнилась тем душевным теплом, сердечностью, которые звучали в словах-выступлениях наших гостей, приехавших отчитаться перед нами за свой труд и принявших от нас наш боевой рапорт.

— Передаю вам, дорогие наши соколы, пламенный колхозный привет. Бейте фашистских бандитов, гоните их поскорее прочь с нашей земли. Родина и народ верят в вас. А мы, ваши отцы, матери, жены, дети, будем бить врага своим трудом. Не сомневайтесь, люди в тылу — крепкая опора для вас, — не торопясь, негромко говорил Головатый, и такая сила звучала в его призыве, что мы, и летчики, и техники, твердо поклялись выполнить наказ колхозников. В конце встречи командир сообщил итоговые цифры сбитых нами на колхозных самолетах машин противника. На моем счету было к тому времени три, на счету Шмалия — две.

Гости прибыли к нам под вечер. Мы собрались в штабной просторной землянке на торжественный ужин. А вечером при свете крошечной коптилки из снарядной гильзы я долго и старательно писал письмо на Саратовщину — ответ моей знакомой Марийке, чтобы успеть передать его с членами делегации.

После обеда делегация отбыла из нашей части, поблагодарив летчиков за встречу и убедившись, что колхозные машины надежно служат делу победы над фашистами.

Два месяца наступления на Кубани дали возможность нашим войскам выйти на рубеж Темрюкский залив — станица Крымская и закрепиться здесь, с тем чтобы скопить силы для нового продвижения на запад. Одновременно с наступлением на Кубани происходили жестокие бои в районе Новороссийска, где в

чрезвычайно трудных условиях армия генерала Леселидзе выполняла задачу по освобождению этого города и морской базы.

Еще в начале февраля 1943 года южнее порта удалось высадить десант под командованием отважного майора Цезаря Куникова. Десант овладел небольшим плацдармом на Мысхако и мужественно удерживал его. Площадь в 30 квадратных километров гитлеровцы атаковали с суши, с моря и воздуха, специально подготовив операцию под кодовым названием «Нептун». В ходе ее намечалось уничтожить отважный десант.

Военный совет 18-й армии издал специальное обращение к героям-малоземельцам. «Малая земля — это смертельный нож в спину подлого врага, — писалось в нем. — Боевые товарищи! На Малой земле решаются большие дела во имя освобождения нашей Родины от немецко-фашистских захватчиков».

Советские войска были охвачены единым порывом во что бы то ни стало удержать Малую землю и, развив наступление, освободить Новороссийск.

Получен приказ вылететь группой на прикрытие Мысхако. Противник подкрадывался к Малой земле со стороны моря — приближалось более сотни бомбардировщиков.

Группу наших истребителей возглавляет штурман полка капитан Н. П. Молчанов, своим заместителем он назначил меня. В группу входят летчики лейтенанты В. С. Лещенко, К. М. Сафронов, И. М. Васин, Г. М. Шкворунец, Г. А. Усиков, В. П. Шлыков, сержант В. М. Михалев. На Мысхако заходим с юга. Вот и вражеские самолеты. Они идут строем, девятками. В синем мареве их прикрывают истребители. Капитан Молчанов командует:

— Атакуем бомбардировщики!

Стремительно бросаемся на врага. Не выдержав нашего напора, девятки отворачивают в сторону моря, но тут же на нас набрасываются «мессеры». Над Мысхако завязывается жестокий воздушный бой. Вертикальный маневр — главный вид боя. Мы кружим, выполняя то боевые развороты, то мертвые петли. «Мессершмитты», прижатые к морю, стремятся вырваться из плотной круговерти, их задача — прикрывать свои бомбовозы. Молчанов, Лещенко и Михалев сбивают по одному стервятнику.

Возвращаемся к Мысхако. Под нами совсем небольшой, крошечный клочок суши, отвоеванный у врага. Удержать его —

задача не только наземных батальонов, но и воздушных эскадрилий. Нас с теми батальонами объединяет общая цель.

Продолжаем барражировать. Вновь приближаются истребители противника, пытаюсь одним ударом расчистить путь своим бомбардировщикам. Мы и не думаем оставлять небо над полуостровом, смело их атакуем. «Мессеры» пытаются забраться повыше, надеюсь, что мы выдохлись в продолжительном бою. Однако на помощь нам спешат «кобры» Александра Покрышкина. Они устремляются на «мессеров» сверху. Несколько стервятников сваливаются в морскую пучину.

Собрав свою группу, возвращаемся домой без потерь.

Аэродром теперь расположен так близко от переднего края, что немцам асам его легко обнаружить. Поэтому, возвращаясь с боевого задания, мы вначале заходим в глубину своей территории, там разворачиваемся и на бреющем идем на посадку. Так же соответственно и вылетаем: на бреющем идем парами на восток, набираем высоту и выходим на линию фронта в готовности вступить в бой. Скорость и высота для этого уже обеспечены.

В тот первый день полк поработал в кубанском небе довольно неплохо. У всех было приподнятое настроение: сегодняшняя задача по прикрытию Малой земли выполнена. Лейтенант Лещенко и сержант Михалев уничтожили по одному бомбардировщику. Искренне поздравляем их с победой.

И все же противник засек наш аэродром. 27 апреля гитлеровцы выслали к нему большую группу бомбардировщиков под прикрытием «мессершмиттов». По приказу генерала Бормана с передового командного пункта наведения в небо незамедлительно поднялась группа «яков» и вступила в неравный бой. Возглавил группу командир эскадрильи майор И. В. Шмелев. В ее состав входили летчики В. Ф. Шишенков, А. И. Кулаков, С. Д. Нечаев, Н. П. Андреев, П. Ф. Молодцов.

Бой закипел у нас на глазах. С затаенным дыханием мы следили за сверкающими в небе трассами. У противника — количественный перевес, но мужество и мастерство наших пилотов как бы сравняли силы. Наши ястребки сражались с виртуозной скоростью, смело оборонялись, стремительно нападали. Не утихали и зенитно-артиллерийские разрывы. Зенитные части, базирующиеся у передовой и на аэродроме,

ставили перед противником огневую завесу. Шапки разрывов зенитных снарядов то уползали к морю и рассеивались, то почти вплотную приближались к нам и снова удалялись.

Летчики Кулаков и Нечаев внезапной атакой сбили над аэродромом два бомбардировщика противника. Майор Шмелев уничтожил «мессершмитт». Сержант Молодцов, оказавшись в критической ситуации, протаранил вражеский истребитель. По радио мы слышали, как Молодцов, охваченный боевым азартом, выкрикнул: «Получай сполна, фашистская сволочь! Я, Молодцов, иду на таран!» Треск и грохот в эфире вдруг сменила тишина. Самолет фашистского аса взорвался на земле, в черте аэродрома. Молодцов успел выпрыгнуть из неуправляемой машины на парашюте. В смертельной схватке в бою погибли летчики Кулаков и Нечаев.

Фашистам так и не удалось разгромить парк наших машин. За проявленное мужество и отвагу сержант Молодцов был удостоен ордена Красного Знамени. Награду ему вручил командующий ВВС, представитель Ставки ВГК Александр Александрович Новиков.

Волна за волной идут на нас группы Хе-111, Ю-87, Ю-88 и даже «Дорнье-217». Прикрытие у них сильное — «фоккеры» и «мессеры». Все держат курс на наш аэродром. Не теряя времени, вырливаем из укрытий. От управляющего боем с передового пункта генерала Бормана поступает приказ о немедленном вылете на перехват вражеских асов и прикрытие наших войск.

В составе моей группы восемь машин: А. Е. Васин, И. П. Мельников, С. М. Купаво, В. П. Шлыков, Г. А. Усиков, Н. П. Андреев и Е. П. Бабин. Мы набираем высоту, на большой скорости устремляемся к фронту. В небе над станицей Крымская тесно от истребителей противника. Они атакуют наши бомбардировщики в момент, когда те наносят удар по переднему краю гитлеровцев. Вижу, как внизу, прямо под нами, рвутся бомбы, крушат оборону фашистов. Огромный участок равнины охвачен пламенем, окутан дымом и пылью. «Что же там так полыхает?» — соображаю я, но тут же сдерживаю себя. Отвлекаться нельзя ни на секунду, тем более что в прицеле у меня «мессер». Иду на сближение, группа за мной. Силуэт желтокрылого неудержимо растет. Нажимаю на гашетки: длинная очередь из пулеметов и пушки прострачивает «брюхо» врагу. Самолет подпрыгивает вверх, затем, свалившись

на крыло, камнем устремляется к земле. Купава зажигает второго. Откуда-то сверху на нас наваливается несколько «фоккеров». Возникает вертикальная карусель. В огромном пространстве самолеты носятся один за другим, описывая замысловатые фигуры с переворотами, петлями, полупетлями, крутыми «горками» и отвесным пикированием.

Все-таки мы берем верх. Видимо, сказываются наши упорные тренировки, принесшие опыт и уверенность в своих силах.

Разогнав фашистские истребители и их подопечных, группами возвращаемся на свой аэродром.

В эти дни в одном из боев отличился наш молодой летчик Виктор Куницын. В составе эскадрильи Шмелева Виктор вылетел для сопровождения штурмовиков и нанесения совместного удара по вражеским танкам. В момент огневой обработки противника откуда-то со стороны появились «юнкерсы» под прикрытием «мессершмиттов». Эскадрилья Шмелева отбивалась от нападающих «мессеров», одновременно прикрывая «илы» и не допуская бомбардировщики противника к нашим объектам. Обстановка все накалялась. Атаки были неприцельными, и сбить врага не удавалось. Полетное время неудержимо истекало, горячее подходило к концу.

Куницын решительно отсекал «лапотников», норовивших прорваться к нашим позициям, и в горячке боя не заметил, как полностью израсходовал боезапас. Нажав при очередном заходе на гашетку, он, к большому своему удивлению, не услышал привычного треска пулеметной стрельбы. Молчала и пушка. Как быть? Дорога каждая секунда. И Виктор направляет своего боевого друга — самолет в лобовую атаку. «Только бы не отвернул фашист в сторону, только бы не отвернул...» — твердит он про себя как заклятие.

Удар! «Юнкерс» развалился на части, а Куницын с перебитым крылом едва-едва держится в воздухе, но не падает! Крепок, выходит, наш советский металл... Учтите это, круппы и мессершмитты!

Когда Куницын произвел посадку, летчики все, как один, бросились к исковерканному самолету.

— Вот тебе и Куня... — шутили они, крепко пожимая летчику руки. — С виду скромняга, при девушках краснеет и теряется, а в

бою — герой!

Куницын оправдал доверие командира эскадрильи майора Шмелева, и тот назначал его теперь в самые ответственные боевые вылеты. Как говорят в народе: молодой, да ранний.

За таран на встречном курсе Виктор Куницын был удостоен высокой награды Родины — ордена Красного Знамени.

...Как-то под вечер, возвращаясь с боевого задания, неожиданно обнаруживаю, что не могу произвести посадку. Начинаю снижение — в ушах и голове появляется сильная боль. Пришлось снижаться постепенно с более отдаленным заходом. Приземлившись, пошел к врачу полка.

— Как же вы летали? — удивился медик. — У вас острое воспаление среднего уха. Летать запрещаю.

Около двадцати дней пришлось лечиться в дивизионном лазарете.

Возвращаюсь в надежде снова получить боевой самолет, но тут узнаю новость: приказом я определен личным пилотом командира дивизии на УТ-2. С большим огорчением принимал я машину. В сравнении с истребителем она выглядела слишком неуклюже. Но, как оказалось, летать на УТ-2 было совсем не просто и далеко не безопасно.

Как-то в одном из рейсов на нас с полковником Даниловым напали «мессеры». Я стал в крутой вираж над лесом, затем повернул навстречу истребителям, но тут же применил обманный маневр. Пока они разворачивались и искали «уточку», я на малой высоте ушел и скрылся. Фашисты покружились и повернули на запад.

Бывая в родном полку, часто с завистью смотрел, как мои друзья отправляются на боевые задания. Когда же и мне медики разрешат пересесть на истребитель?

Встретил в один из дней командира эскадрильи А. К. Рязанова.

— Как дела? — с сочувствием спросил меня Алексей.

— Да вот, навожу страх на Геринга, — криво улыбнулся я.

Рязанов отвел меня в сторону и принялся рассказывать о проведенных боях, о новшествах в тактике врага. Под конец сообщил:

— В расположении фронта появился какой-то чужак-«як». Без номера, но с нашими опознавательными знаками. Пристраивается, как правило, в хвост и атакует наши машины. Ломаем голову, как бы его уничтожить.

Пиратская уловка фашистов

Фашистская авиация на Кубани несла поражение за поражением, как и на других участках фронта, навсегда утратив преимущество действий в воздухе. Миф о превосходстве фашистских асов рассеялся, словно утренняя дымка. Небо над «Голубой линией» с каждым днем становилось все чище. В сражениях над Кубанью советские летчики проявили непревзойденный героизм, величайшее мужество и мастерство. Красноречивее всяких слов говорят цифры сбитых самолетов в небе Кубани: Михаил Погорелов и Вячеслав Лещенко уничтожили по 9 самолетов противника, Алексей Рязанов, Илья Шмелев, Василий Дрыгин и Борис Глинка — по 10, фригорий Речкалов — 11, Александр Покрышкин—14, Дмитрий Глинка — 21.

Отважные воздушные герои продемонстрировали мощь советского оружия и огромную силу русского духа, навязывая вражеским асам открытый бой при любых маневрах и приемах.

Но фашисты есть фашисты. И коварство их не знало границ. Гитлеровцы не брезговали любыми методами, прибегая к хитростям и недозволенным уловкам. Одним из таких ухищрений было использование в бою на нашем участке фронта самолетов с советскими опознавательными знаками.

О коварном поведении врага (о чем нам рассказал Рязанов) стало известно командованию 4-й воздушной армии. Следовало во что бы то ни стало разоблачить замаскированного пирата. При этом важно было не ошибиться, не принять своего за чужака. Наконец, решение было найдено. Наш полк базировался на переднем крае, ему и предложили уничтожить чужака. Из штаба армии была получена строго секретная радиограмма: на всех самолетах «як» нанести по две черных полосы на фюзеляжи у хвоста. Не имеющего таких полос считать самолетом противника.

Всем истребителям фронта был отдан приказ: в случае обнаружения машины без условных опознавательных знаков немедленно доложить на командный пункт и уничтожить ее.

Летчики и техники наносили «знаки различия». Наконец командиры подразделений доложили командиру полка о боевой

готовности. Тот, в свою очередь, по коду доложил командующему. Настало время действовать.

В день проведения операции погода стояла как по заказу— тихая, безоблачная. Воздушные бои начались, как всегда, с рассветом. В них принимали участие все полки истребительной авиации фронта. Пошла на взлет и эскадрилья майора И. В. Шмелева. Взлетев по сигналу и прибыв на заданный участок фронта, Шмелев доложил:

— Наблюдаю посторонний «як». Дополнительные полосы на фюзеляже отсутствуют. Стремится зайти нам в хвост...

Сомнений не оставалось: тот самый. С передового командного пункта тут же последовал приказ Шмелеву: «Сбить противника».

Шмелев не торопясь развернул эскадрилью на сто восемьдесят градусов и скомандовал:

— Самолет без полос на хвосте никому не упускать из виду. Фашист впереди нас. Все за мной!

Эскадрилья попыталась взять врага в клещи и привести на свой аэродром. Однако опытный гитлеровский ас изворачивался и уходил в сторону гор. Шмелев увеличил скорость, но сбить противника удалось лишь в районе Геленджика.

Подобные пиратские приемы еще раз свидетельствовали о том, что противник выдыхается, сила и мощь его идут на убыль и недалек час, когда под ударами наших войск гитлеровские орды покатаются неудержимо на запад.

От всей души поздравили мы Илью Шмелева с нелегкой победой. Помню, лучший друг Шмелева Алексей Рязанов, расцеловав товарища, не удержался от шутки:

— Ну, Ильюша, молодцом! Не иначе — борода помогла. При виде такой бороды у какого фашиста не затрясутся руки?!

— Борода бородой, — с улыбкой отпарировал Шмелев, — а потрудиться пришлось. Еле догнал. Боялся промахнуться...

Шмелев снял с головы шлем, вывернул его наизнанку и повесил для просушки, зацепив за плоскость крыла. Изрядно-таки пришлось попотеть ребятам.

Забегая вперед, скажу: дрался майор Шмелев замечательно. В любых условиях сохранял самообладание, отличался четкостью решений, смелостью и выдержкой. В августе победного сорок

пятого мы с радостью узнали о присвоении ему высокого звания Героя с вручением ордена Ленина и Золотой Звезды.

От зари до зари гремели воздушные бои. Не раз, пристально вглядываясь в изувеченную, покрытую оспинами бесчисленных воронок от бомб, снарядов, рытвинами от гусениц танков и самоходных установок кубанскую землю, я с болью и горечью думал: видно, не родить больше здесь знаменитой пшенице... К счастью, я ошибся в своих предположениях.

Используя опыт боев над Сталинградом, мы прибегали к тесному взаимодействию между собой и здесь, над Кубанью. Почти ежедневно встречались в воздухе с нашими боевыми соседями — «кобрами» и «Лавочкиными». По вечерам устраивали встречи, обсуждение проведенных совместно операций.

В один из дней я услышал рассказ о боевых делах моего однокашника по аэроклубу и Качинской школе капитана В. М. Дрыгина. Приведу его как можно точнее.

2 мая группа истребителей майора В. Г. Семенишина, в состав которой входила пара Дрыгина, встретила над станицей Крымская двенадцать «юнкерсов», прикрываемых «мессерами», и вступила в неравный бой. Тройка майора Семенишина связала боем истребители противника, дав тем самым возможность второй паре приблизиться к бомбардировщикам. В лобовой атаке капитан Дрыгин нарушил четкий строй «юнкерсов», вынудив их сбросить бомбовый груз на боевые порядки своих же войск и повернуть на запад. Преследуя противника, капитан подбил один бомбовоз. Не рискуя разбиться, гитлеровский экипаж предпочел плен и приземлился на нашей территории. Атакованный Дрыгиным второй «юнкерс» вспыхнул и, объятый пламенем, рухнул на землю. Третий бомбардировщик был сбит напарником Дрыгина старшим сержантом В. А. Александровым.

Отразив атаку бомбардировщиков, пара капитана Дрыгина устремилась на помощь тройке майора Семенишина, которая продолжала бой с «мессерами». Однако в этот момент фашистские ястребы подожгли самолет моего товарища, капитана Дрыгина. Пилот вынужден был выпрыгнуть с парашютом.

Как оказалось, за неравным поединком наблюдал командующий ВВС Красной Армии А. А. Новиков. По его приказу

за проявленную смекалку, мужество и высокое летное мастерство капитан Дрыгин был награжден орденом Александра Невского.

К концу мая я вернулся, наконец, на свой передовой аэродром. Друзья поздравили меня с выздоровлением, а капитан А. К. Рязанов пригласил к себе.

— Для тебя есть новость, — сказал он. — Поздравляю с новым назначением — заместителем командира эскадрильи. Будем драться рука об руку, старший лейтенант.

По блеску его черных глаз я видел, что комэск доволен. Полностью разделяю его настроение. Еще бы! Кто ж не согласится быть заместителем у такого прославленного аса.

В тот же день вылетаем на прикрытие войск в районе станицы Крымская. Группу из десяти самолетов возглавляет Рязанов. Как всегда, после взлета идем на восток, набираем высоту 5000 метров и оттуда со снижением устремляемся к линии фронта. Здесь уже кипит воздушный бой. С высоты пикируем прямо на гущу «мессеров». Они заняты «лавочкиными», преследуют их, выписывая замысловатые фигуры. Это нам очень кстати. Слышу команду комэска.

— В атаку на «мессеров»!

Вижу, как бьет Рязанов. «Мессершмитт» вспыхивает и несется к земле. Пикирую за командиром. С ходу проскакиваем в нижний ярус. Здесь отбивает яростные атаки один Ла-5. Самолет маневрирует, но стая «мессеров» уже видит в нем свою добычу. Рано торжествовать! Свалившись с высоты, мы заставляем их ретироваться. «Лавочкин» спасен. Взмахом крыла он благодарит нас за вовремя оказанную помощь.

Снова уходим на восток, чтобы, развернувшись, на предельной скорости вновь возвратиться к линии фронта.

Время прикрытия войск подходит к концу, мы поворачиваем к своему аэродрому. Но на подходе к нему нас встречают четыре «мессера». По старой привычке они «охотятся» над объектом. Тактическое преимущество на нашей стороне. С ходу наносим удар. Только одному из коршунов, да и то подбитому, удастся уйти.

В этом бою два самолета противника сбил капитан Рязанов, по одному приходится и на нас с лейтенантом Лещенко.

Полк продолжает наращивать воздушные бои. Над нашими войсками кружатся стаи «мессеров», и задача «яков» — разгонять

их, не допускать к объектам бомбардировщики противника.

На следующий день Алексей опять ведет шестерку истребителей. Завязывается жестокий бой. По одному «мессеру» сбивают Рязанов, Усиков, Шлыков, Степаненко. Увлечшись, капитан Рязанов неотступно идет за пятым. Волоча за собой дымный шлейф, тот без оглядки удирает в сторону Анапы. Но тут положение резко осложняется. Мы кружим над Крымской, отбиваясь изо всех сил от стервятников, к которым подоспела помощь.

Нелегко и Рязанову. В районе Анапы он обнаружил аэродром противника. Шесть «юнкерсов» в сопровождении группы истребителей взлетали ему навстречу. Алексей понял: теперь он сам попал в западню. В таких случаях, как говорится, нападение — лучшая защита. И Рязанов с ходу устремляется в бой. С малой дистанции ему удается поджечь один из ведомых «юнкерсов», но «мессеры» в ту же минуту атакуют дерзкий советский истребитель.

Находясь в кольце окружения, Алексей отбивает одну атаку за другой, стремится во что бы то ни стало прорваться к линии фронта. Израненный, он сбивает еще одного зазевавшегося врага.

Уже над линией фронта машина Рязанова, потеряв управление, входит в штопор. Нужно прыгать! И Алексей выбрасывается на нейтральную полосу. Наши бойцы помогают ему добраться до своих траншей и отправляют на аэродром.

Помню, на радостях мы расцеловались с командиром и сфотографировались на память: у Алеши перебинтована голова, но сам он весело улыбаемся.

Потом Алексей рассказал мне подробности боя. В заключение сообщил:

— Пока не поправлюсь, будешь водить эскадрилью. Вид у него, и правда, был неважный. Все опасались, не случилось бы беды со зрением. От ушиба один глаз у Рязанова заплыл кровью.

— Спасибо, Алеша, за доверие, — поблагодарил я. — Отдыхай и поправляйся, мы тебя не подведем.

В конце мая обстановка на Кубани еще более обострилась. Большие группы самолетов противника эшелонированно наносят удары по нашим войскам в районе Крымской. В один из дней получаем приказ подняться всем полком. Вылетаем двумя группами. По восемь машин в каждой. Первую группу приказано

возглавить мне, вторую— майору Шмелеву. Разворачиваемся на запад и получаем с командного пункта сообщение: «Большая группа бомбардировщиков противника подходит к линии фронта».

По радио передаю своим указание усилить наблюдение. Шмелев, согласно замыслу, будет сковывать боем вражеские истребители.

На горизонте появляются первые эшелоны врага. Идут плотным строем. «Мессеры» почему-то отстали. Оценив обстановку, решаем идти группами в лобовую атаку, пока не подоспели вражеские истребители. Передаю указание:

— Внимание, я Степаненко, удар по бомбардировщикам с передней полусферы — в лобовую!

Летчики группы плотнее прижались ко мне: мой ведомый справа — В. А. Куницын, левая пара звена — Н. П. Андреев и Е. П. Бабин, справа звено лейтенанта В. С. Лещенко — В. Ф. Шишенков, В. П. Шлыков и Г. А. Усиков. Волны «хейнкелей» уже отчетливо видны на горизонте. Командую:

— Лобовая атака, огонь!

Все восемь «яков», словно огромным гребешком, прочесывают строй бомбовозов. Он редеет на глазах. Несколько машин падают на землю, остальные сбрасывают бомбовый Груз на свои войска.

Проскочив первую волну, бьем по второй. А вот и «мессеры»... Из передового КП слышу голос генерала А. В. Бормана:

— Молодец, Степаненко! Действуешь правильно. Бей в лобовую... Не допускай их к переднему краю.

В первой же лобовой мы сбили три «мессера». Один — я, два других — Куницын и Лещенко. Мы продолжаем схватку с истребителями. Андреев, Бабин и Куницын берут в клещи еще одного и вместе сбивают.

Слышим довольный голос генерала:

— За отличные действия по отражению массированного налета авиации противника объявляю всем летчикам благодарность.

Получить поощрение в воздухе — большая честь. Окрыленные, мы готовы драться еще лучше.

Садимся, заруливаем в капониры. Настроение отличное. У командного пункта нас поздравляют товарищи. Еще бы! В одном

бою сбито четыре машины противника. Вторая лобовая атака, правда, была менее удачной, помешали «мессеры». Вышла небольшая промашка. Группе Шмелева следовало бы вылететь не второй по очереди, а первой и сковать боем истребители врага. Это дало бы нам возможность беспрепятственно расправиться с бомбовозами.

Бодро шагаем к землянке, гордые от сознания отлично выполненного задания.

Но вот с востока к нашему аэродрому идет неизвестный Ла-5 в сопровождении четверки «яков».

— Я «Дракон», прошу посадку, — слышится запрос по радио.

Кто в такое время может перелетать с аэродрома на аэродром в непосредственной близости от переднего края, где с рассвета и до заката не стихают бои? Вопросительно переглядываемся друг с другом.

«Чей же это позывной?»

Кто-то догадывается:

— Хозяин неба прилетел. Сейчас будет классическая посадка, обратите внимание...

Издали доносился, нарастал, становился резче и мощнее гул моторов. Вот уже шасси коснулось летного поля, машина бежит, подминая под себя зеленый ковер травы.

— Вот это почерк, — восторженно говорит майор Шмелев.

— Кто это? — спрашивает Миша Погорелов.

— «Дракон» — позывной командира корпуса, — объясняет Илья Шмелев. — В тридцать седьмом году старший лейтенант Савицкий командовал звеном. Прошло немного времени и ему доверили эскадрилью, затем полк. В сорок первом майор Савицкий был назначен командиром авиационной дивизии. Его самолет узнают в воздухе не столько по бортовому номеру, сколько по чистоте полета, умению пилотировать. Делает он это, можно сказать, артистически.

Когда Ла-5 подрулил, подходим к нему. В самолете оказался действительно Е. Я. Савицкий, командир корпуса, прибывшего с Дальнего Востока на пополнение авиационной группировки на Кубани. Этому событию мы очень обрадовались. Всяких командиров видели — полковых, дивизионных, но чтобы на боевом самолете летал сам командир корпуса?

Механики быстро поднесли стремянку. Но генерал Савицкий, как заправский спортсмен, легко соскочил на землю и пошел навстречу летчикам. С улыбкой пожал всем руки, представился.

— Вот, прибыл выяснить, как тут обстоят дела. Может, нужна вам помощь? — прищурился с хитрецей.

— От помощи кто откажется, — приняв стойку «смирно», улыбнулся Шмелев. — А насчет успехов и дел — сейчас как раз собрались на разбор.

— Это интересно, послушаю, — сказал генерал. — Если не возражаете...

И после разбора Евгений Яковлевич долго расспрашивал летчиков, как ведет себя противник в воздухе, каков состав его группировок, что нового в нашей тактике. По всему было видно: Савицкий прилетел сюда не на «смотрины». Не иначе — собирается вводить в боевой строй молодых ребят-дальневосточников.

Под вечер мы получили приказ сдать свои самолеты представителям боевой части генерала Савицкого и убыть в тыл для отдыха и пополнения.

Итак, прощай, Кубань! Здесь, над благодатной землей, в жестоких воздушных схватках сложили головы наши товарищи: старший лейтенант А. Д. Родин, младший лейтенант С. Д. Шмальный, старший сержант Н. К. Мартьянов. Мы тяжело переживали утрату боевых друзей, с которыми прошли путь от Ельца и Сталинграда. И вечным памятником им будет более тысячи уничтоженных вражеских самолетов, чистое небо над городами и селами земли кубанской.

Чей клин крепче

Перебазировавшись под Рязань, полк получил новые, более совершенные самолеты Як-9 с 37-миллиметровой пушкой, способной свободно пробивать верхнюю броню немецких танков. Понятно, что одного такого снаряда достаточно, чтобы развалить любой вражеский самолет. Мы гордились своей техникой, испытывали ее в воздухе, пристреливали пушки и вели учебные бои. С пополнением прибыло много молодых летчиков. Нам предстояло в короткий срок обучить их материальной части, основательно подготовить к предстоящим нелегким сражениям.

Вдохновленные победами под Сталинградом и на Кубани, мы прочно верили в свои силы и возможности и готовы были драться с любым по численности противником. С огромной, неиссякаемой энергией работал и наш инженерно-технический состав. Кто посчитает, сколько бессонных ночей провели механики и оружейники у самолетов, осуществляя ремонт, заправку машин, пополняя боезапас!

Когда на партийном собрании, обсудившем ход подготовки личного состава и материальной части, секретарем парторганизации эскадрильи был избран механик моего самолета старшина Михаил Павлович Борисовец, я очень гордился этим и был рад за него.

Михаил еще до войны немало послужил в различных подразделениях. Отличный авиационный специалист, а, главное, внимательный к людям, честный, справедливый, по-настоящему душевный человек. Ко мне относится с братской любовью и заботой. Работает легко, с выдумкой. Как-то прихожу к самолету, а его не узнать: на фюзеляже машины изображен... Геббельс в виде такого брехунца в коротких штанишках и с микрофоном в руке. В страхе корчится он перед преследующим его по пятам тигром. Отдельно сверху — красные звездочки, обозначающие количество сбитых самолетов противника. Я согласен с Борисовцом. Это, по сути, убедительный политический плакат большой мобилизующей силы. Он обращен и ко мне. С меня теперь и спрос больше. Надо бить врага еще крепче, без всякой пощады и не попадать ему на прицел.

— Уверен, товарищ командир, — улыбается Борисовец, — что у фашистов не найдется летчика, который может сбить вас. Я за этого тигра ручаюсь, — шутит он.

Не скрою, с того дня мой самолет под номером 17 словно стал быстрее. Казалось, он прибавлял и мне смелости, энергии, боевого мастерства. Позже многие взяли на вооружение идею Борисовца, учитывая ее немаловажный психологический заряд.

Друг мой, дорогой Михаил Павлович! Я целиком и полностью полагался на тебя, зная, что моя машина после твоего внимательного осмотра или ремонта никогда не подведет, а возвратившись израненной, не застоит на ремонте и в кратчайший срок будет введена в строй. Сколько раз мой «як» возвращался с пробитыми крыльями, поврежденным управлением, с последними каплями горючего в баках. Старшина Борисовец, как доктор, обследовал его, лечил-ремонтировал и за одну-две ночи доводил до «кондиции». Ему помогали отличные специалисты — инженеры и техники Алексей Мельников, Федор Захаров, Михаил Басе, Алексей Ермоленко, Кирилл Михайлов, Михаил Цибульский.

...Помню, это было над Крымской. Схватка проходила при численном превосходстве противника. Мой «колхозный» «як», серьезно поврежденный, кренился вправо, тормозил разбитым осколками крылом. Из кабины было видно, как в нем, открытые взгляду, дрожали распорки, болтались стрингера.

Что есть силы удерживаю машину от сваливания на крыло при разворотах. Вот и аэродром, посадочная полоса... «Потерпи, голубчик... — шепчу в отчаянии. — Не разваливайся... Ты с честью выдержал тяжелый бой. Я ведь понимаю, как сложна для тебя, избитого, посадка».

Мне временами казалось, что если в критическую минуту поговорить с самолетом «по душам», по-дружески, на «ты», он обязательно выручит. Словно живой, истребитель понимал меня и держался в воздухе.

Выпускаю шасси, снижаюсь не торопясь, осторожно, чтобы не свалиться на крыло. Колеса мягко касаются выгоревшей травы, но тут «як» круто разворачивается вправо. Значит, кроме крыла повреждены и шасси... Скрипнув, машина замирает на месте. Рулить дальше нельзя. Выключаю двигатель. В небе продолжается бой. Друзья прикрывают мою посадку.

Подбегает Михаил. Подставляет свое крепкое плечо, помогает спрыгнуть на выжженную солнцем землю.

— Не ранены, командир?

— Нет, Миша, «як» выручил: принял огонь на себя. Большие серые глаза Михаила воспалены от ветра и кубанской жары, а скорее — от недосыпаний. Он ощупывает меня, убеждаясь, что я не ранен, обходит, осматривая, машину. На смуглом, обветренном лице застыла сосредоточенность.

— Да, опустил наш «як» крылья, — говорит в раздумье и неожиданно с задором заключает: — Пустяки, командир. Отремонтруем, будет в лучшем виде. Не первый раз. Был бы летчик невредим, а самолет мы приведем в чувство! Завтра и полетите, товарищ командир. А пока отдыхайте.

Подходит тягач, цепляет машину и уводит ее с центра аэродрома на ремонтную стоянку. Там за «як» возьмутся механик и его верные друзья-технари. У них у всех золотые руки и такие же головы. Знаю: если Миша сказал, слово сдержит. Верю: утром снова поднимусь в бой. Сигнальная ракета не застанет меня «безлошадным». Не было случая, чтобы я не взлетел на требовательный зов сигнальной ракеты...

Убывая с Кубани, мы с Борисовцом прощались с самолетом, словно с близким другом. Я и на самом деле питал к нему родственные чувства. Ведь на Саратовщине, в колхозе имени Чапаева, осталась симпатичная девушка Марийка...

Кому вручили именно самолет в сменившем нас полку дальневосточников? В текучке фронтовых дел, перелетов, подготовке к новым боям было не до этого. Однако уверен: попал он в надежные руки и службу нес отлично.

...26 июля наш полк получил приказ срочно вылететь из-под Рязани на Брянский фронт. Маршрут проходил над местностью, сплошь покрытой лесами и болотами. В связи с нехваткой времени на подготовку принято решение: чтобы мы не заблудились и не попали на территорию врага, полк будет вести группа из трех Пе-2. Как говорится, предосторожность — не трусость.

Вылетаем тремя группами. В голове у каждой — по одной «пешке». На подлете к неизвестному нам аэродрому «пешки» почему-то снижают скорость и становятся в круг. В чем дело? Почему они медлят? Ведь в баках на исходе горючее, требуется

срочная посадка. Неожиданно получаем приказ: садиться на зеленый луг поймы.

Позже выяснилось, что Пе-2 заблудились, но не стали тратить время на восстановление ориентировки при малом запасе горючего. Посадку произвели вне пределов аэродрома. Спустя полчаса нам доставили топливо, и мы благополучно добрались до места назначения. Ошибка объяснялась тем, что летное поле утопало в густой зелени, и с воздуха обнаружить его было не так-то просто.

Жилье для летного и технического состава, понятно, пока отсутствует. Это и к лучшему. Воздух в лесу кристально чист, напоен запахами трав и цветов. Мы строим шалаши из веток, набиваем матрасы травой.

29 июля облетаем линию фронта. Местность сложная для ориентировки, не то что под Сталинградом или над Кубанью. Здесь почти сплошные леса, мало характерных примет.

Командир полка подполковник Миронов и его заместитель по политической части подполковник Ершов знакомят нас с обстановкой, расстановкой боевых сил. Брянским фронтом командует генерал М. М. Попов, 15-й воздушной армией, в состав которой входит полк, — генерал Н. Ф. Науменко. Мы будем действовать в полосе наступления 11-й гвардейской армии генерала И. Х. Баграмяна. Успех советских войск развивается в направлении Козельск — Карачев. В воздухе кипят жаркие сражения. У противника основные самолеты — истребитель «Фокке-Вульф-190а» и штурмовик «Хеншель-129».

Когда командир закончил беседу и настала тишина, с запада донесся приглушенный ветром грохот канонады.

— Слышите? — поднял руку командир. — Этот гром напоминает нам о наивысшей степени боевой готовности. В любую минуту нас могут поднять для отражения атаки противника, прикрытия своих войск, сопровождения бомбардировщиков или штурмовиков. Как видите, работы тут предстоит много.

Обстановка в самом деле была сложной.

Потерпев поражение под Сталинградом и на Северном Кавказе, фашистские войска готовились к решающей схватке под Курском, спланировав операцию под названием «Цитадель». Уже к началу лета 1943 года сюда широким потоком пошла новейшая

техника: танки «тигр», «пантера», самоходно-артиллерийские установки «фердинанд». Здесь сосредоточивались самые мощные и преданные Гитлеру мотострелковые и авиационные дивизии: «Великая Германия», «Адольф Гитлер», «Мертвая голова», «Райх», хорошо известные нам эскадры воздушного флота «Удет», «Мельдерс», «Ас-пик». Общее число вооружения насчитывало: 2000 самолетов, 2700 танков и штурмовых орудий, 10 тысяч орудий и минометов, до 900 тысяч человек личного состава — 50 отборных дивизий, в том числе 16 танковых и моторизованных. Гитлер мечтал о переломе в ходе войны, стремясь взять реванш за все неудачи, демонстрировал мощь своего оружия. В поисках выхода из затруднительного положения он делал ставку на Курск.

...Незаметно наступил вечер. Бывалые летчики вспоминали особо сложные варианты воздушных боев, свои ошибки и промахи при встречах с «фоккерами». Капитан Рязанов втолковывал молодежи прописные истины:

— Смотри в оба, не отрывайся от ведущего ни при каких обстоятельствах, следи за всеми его действиями, копируй его полет. Отстал — значит, пиши пропало... «Фоккера» быстро «подберут» зазевавшегося. Запомните его силуэт. Напоминает конька-горбунка: тупорылый нос, кабина пилота в виде горба, обрубленные законцовки крыльев. Но, вообще, ребята, скажу: не так страшен черт, как его малюют. Главное — не допустить внезапного нападения, чтобы он тебя не атаковал первым...

Командир полка отдает распоряжение: всем спать! Завтра начинаем боевую работу. Подъем будет ранний.

Все пошли к шалашам. Мы с Борисовцом долго не можем уснуть. Ворочаемся с боку на бок, вдыхаем пьянящий запах привядшей травы и листьев. Каким будет этот завтрашний день?

Утром восьмеркой Як-9 вылетаем для сопровождения «илов». Курс на запад. Вначале полет проходит спокойно. Но едва мы ушли подальше от аэродрома, как на нас навалились «мессершмитты». Их цель — прорваться к «илам». Что предпринять? Вступим с ними в бой — оставим штурмовики без прикрытия. Выход один: разделиться на две группы. Одна будет сковывать боем истребители, другая сопровождать «илы» к фронту.

С появлением «мессеров» штурмовики снижаются до бреющего и летят, едва не задевая винтами верхушки деревьев.

Передаю по радио Погорелову:

— Михаил, бери Богомолова, Телегина и Усикова и сковывай «мессов», а я с Васиным, Шкворунцом и Шлыковым иду за «илами».

Погорелов четверкой отворачивает в сторону и набрасывается на «мессершмитты». А мы уже за линией фронта. «Илы» атакуют стремительно и неотразимо. Внизу полыхает огонь, что-то сильно дымится. Объект затягивает непроницаемая черная пелена. Веером бьют зенитки. Их шквальный огонь прижимает «илы» к земле. Второй, третий заход штурмовики проводят вслепую, наощупь. В воздухе со всех сторон — разноцветные фейерверки... Два «ила» подбиты зенитным огнем. Распустив серпантин дымовых полос, они спешат к линии фронта.

Командир группы «илов» подает сигнал прекратить удары, отходить на свою территорию. Группа разворачивается на восток.

В подобных обстоятельствах внимание врага привлекают прежде всего те самолеты, которые попали в беду. Все мы знаем, о чем думает пилот в горящей машине: только бы пересечь линию фронта, спасение — среди своих! Потому-то немедленно устремляемся к «раненым» самолетам. Туда же бросаются и «мессеры». Но не тут-то было!

Один хищник, очертя голову, бросился за легкой добычей, но попал под мою очередь. «Мессершмитт» пошел вниз вблизи деревни Барилово. Огненный столб возвестил о его падении.

Поврежденные «илы», дотянув до переднего края, идут на вынужденную посадку. Мы машем им крыльями...

Через несколько часов — второй вылет. Прикрываем войска в районе деревни Барилово. В составе моей группы летят Васин, Шкворунец, Шлыков, Телегин, Богомолов, Кузнецов, Усиков. Большие группы «хейнкелей» под прикрытием истребителей рвутся к линии фронта. Внезапной нашей атакой уничтожены два Хе-111 и один «мессер». Последний сбит младшими лейтенантами Усиковым и Шкворунцом. Однако на этом бой не кончается. На нас с высоты на большой скорости набрасываются четыре ФВ-190а. Завязывается схватка на вертикальном маневре. «Фоккеры» все время пытаются оттянуть нас на высоту в сторону солнца.

Образовывается гигантская косая петля. Улучив момент на крутом развороте, фашисты атакуют машину молодого летчика младшего лейтенанта В. М. Кузнецова. Пилот прыгает с парашютом и приземляется на своей территории, раненный, он попадает в госпиталь.

Помню переданную им в часть записку: «Узнайте у инженера, почему загорелся у меня мотор». По-видимому, увлекшись, Кузнецов не заметил, как подкрались фашисты. Произошел тот случай, о котором столько предупреждал молодежь Рязанов. Парень не выполнил его совета и мог поплатиться за это жизнью. К счастью, обошлось лишь потерей самолета.

Войска 11-й гвардейской армии генерала И. Х. Баграмяна продолжали наступление на Карачев. На земле и в небе шли жаркие бои. Мы часто барражируем в воздухе, прикрывая свои дивизии от налетов противника.

31 июля 1943 года — памятный для меня день. Командир полка объявил перед строем:

— Старший лейтенант Степаненко назначается командиром второй эскадрильи. Пожелаем ему успехов в новой должности.

Я рад и взволнован доверием. Возникают мысли: «Справлюсь ли? Ведь управлять эскадрильей в бою — дело далеко не легкое». Правда, у меня уже есть кое-какая практика вождения групп и даже опыт воздушных боев под управлением таких асов как Морозов, Рязанов, Амет-Хан Султан, Лавриненков. Изучена тактика врага, его уловки, хитрости. Опыт и практика заменяли нам тогда академию.

Но полеты полетами, а теория тоже нужна. Это ведь как прожектор, освещающий путь практике. Учиться приходилось на ходу, в небе войны, и экзамен держим в воздухе.

В тот же день мой товарищ Михаил Погорелов получил новое назначение — стал заместителем эскадрильи у Рязанова. В будущем он так и пойдет за мной, след в след.

Слово об авиационном командире

Как в мирное время, так и на войне командир эскадрильи является основной руководящей фигурой и при обучении полетам, и при ведении боя. От его умения, опыта, мастерства во многом, если не в полной мере, зависит успех подразделения и на земле, и в воздухе.

В этой связи вспоминаются мои первые командиры звеньев и эскадрилий, преподавшие мне на всю жизнь уроки боевого умения, мужества, отношения к подчиненным.

На долю наших командиров выпали, пожалуй, самые тяжелые испытания: битва под Москвой, Сталинград... Это их руками было вырвано у противника и передано в наши руки преимущество в воздухе. В этом громадная заслуга всех авиационных начальников — от звена до дивизии, от дивизии до армии. Нелегким был путь к победе. Но они вели за собой молодежь и вместе с нею прикрыли с воздуха огромный фронт. В том, что советская авиация, вопреки крикливым заверениям Геббельса, жила, дралась и побеждала, огромная заслуга не только ученых, конструкторов, рабочих авиапромышленности, но и непосредственный вклад и заслуга командиров.

Я помню и люблю всех наших полковых командиров, с которыми крыло в крыло летал в насыщенном до предела опасностями фронтовом небе.

...Командир звена, эскадрильи, а затем и полка Анатолий Афанасьевич Морозов — бескомпромиссно требовательный, принципиальный коммунист, обаятельный человек. Особенно памятны мне дни марта 1942 года. Вдвоем мы перегоняли первую пару «харрикейнов» на подмосковный аэродром для перевооружения.

У Морозова тогда была еще одна серьезная причина побывать в Москве: предстояло получить Золотую Звезду Героя. Он был удостоен этой высокой награды за таран фашистского аса на встречном курсе. Анатолий Афанасьевич мог спокойно съездить в столицу и на поезде, однако считал это недопустимым. «Не время раскатывать за наградами», — сердито хмурился он. Решено было использовать самолет — а вдруг по пути встретятся стервятники...

Никогда не забуду взволнованности Морозова, получившего награду из рук М. И. Калинина. Мы «обмыли» ее по всем фронтовым правилам и сфотографировались на память вместе с механиками. Получив свои машины с новым вооружением, возвратились в полк.

У одного из лучших советских асов первых дней войны Анатолия Морозова, моего ведущего, моего боевого товарища, я учился всему, что было нужно для боя. Каждая его атака на врага была точно рассчитана и смертельна.

Кристалльно честный человек, Морозов недолюбливал тех, кто в бою не придерживался предписанного маневра, уходил из строя раньше времени или трусил. Однажды (это было западнее Сталинграда) двенадцать полковых истребителей вышли на сопровождение сорока бомбардировщиков Пе-2. «Петляковы» под командованием подполковника Пушкина шли девятками, мы по сторонам — справа и слева, сзади и выше. Вначале все шло так, как отработано по плану: Пе-2 отбомбились и, обогнув Сталинград с юго-запада, устремились на восток, к своему аэродрому.

В воздухе — относительно спокойно, лишь зенитная артиллерия противника ведет сильный огонь по нашей общей группе. Но как только мы перетянули на левый берег Волги, откуда-то сверху как снег на голову свалилось около двадцати «мессершмиттов». Часть из них устремилась на истребители, остальные, прорвавшись сквозь наши боевые порядки, попытались атаковать бомбардировщики. Завязался упорный воздушный бой. «Пешки», прибавив скорость, уходили на максимальной. Я со своим звеном находился справа. Когда увидел, как через меня и выше пошли в атаку с пикирования пары «мессеров» (некоторые начали заходить нам в хвост), быстро развернул звено влево и навстречу «психической» атаке гитлеровцев, поливая их огнем из пушек и пулеметов. Группа, не приняв боя, резко рванула вверх. И только часть самолетов, несмотря на все наши отсечные атаки, продолжала рваться к «петляковым».

Сначала вспыхнул один Пе-2, за ним другой. На полном газу мы лупили по фашистам из пушек и пулеметов. Один, второй, третий стервятник свалились на землю.

Бомбардировщики со снижением уходили все дальше на восток, мы кружились над ними, отражая атаки наседавших

фашистов. В это время я заметил, как один из наших истребителей со снижением ушел под низ бомбовозов и так следовал до самого аэродрома посадки.

На разборе все выяснилось. Этот истребитель в бою не участвовал — прятался под фюзеляжами Пе-2. Его приметили воздушные стрелки «петляковых». Говорили об этом откровенно и жестко.

— Как это понимать? — с горечью в голосе спросил у летчика командир.

— Плохо работал мотор, — опустил тот глаза.

— Проверить, — приказал командир инженеру. Оказалось, что с мотором все нормально. Значит, причина — у пилота сдали нервы.

Разобравшись в этом неприятном инциденте, командир полка принял суровое, но справедливое решение: струсившего летчика отдать под суд военного трибунала. Забегая вперед, скажу: летчик полностью искупил свою вину в жестоких боях, сумел переломить себя и хорошо летал впоследствии на И-16. А не прими Морозов вовремя решительных мер, этот человек несомненно погиб бы, растерявшись под огнем «мессеров»

Морозов был не только строгим и справедливым командиром, но и душевным товарищем. Иногда в перерывах между боями, чтобы снять у летного состава нервное напряжение, ухитрялся организовать для ребят рыбалку, а в дни, когда командование предоставляло нам кратковременный отдых, возил летчиков в театры, на концерты.

Особой смелостью и личным обаянием отличался командир эскадрильи Амет-Хан Султан. Куда бы ни забрасывал его боевой приказ, он везде делал свое дело с высочайшей ответственностью и отличным качеством. Отважный и решительный, Амет-Хан не останавливался ни перед чем при выполнении поставленной задачи. Если не удавалось поразить противника огнем, он таранил его крылом своего самолета, рисковал собственной жизнью во имя победы и всякий раз выходил победителем. Понятно, для этого нужна была сильная воля высочайший морально-психологический настрой.

...Это было под Сталинградом. Один из наших танковых корпусов перешел в контратаку севернее населенных пунктов

Ерзовка и Орловка, оттеснил противника, вклинился в его оборону, но был отрезан фашистскими частями в глубоких балках. Следовало отыскать место расположения корпуса и нанести удар по противнику с воздуха. Разведка была поручена Амет-Хану и мне. Посоветовавшись, мы приняли решение лететь на бреющем. Так было безопаснее: в воздухе над этим районом постоянно висели вражеские истребители.

Прижимаясь к земле, мы прорывались к своей цели над лощинами и балками. Но, добравшись туда, где находился танковый корпус, растерялись: словно в пекле, наши тридцатьчетверки отражали непрерывные атаки танков с крестами на броне. Ошибиться было невозможно, хотя вокруг все балки оказались забиты войсками.

Мы сделали над этим районом несколько кругов на бреющем, еще раз уточнили место расположения своих. Чуть поодаль, в тылу, фашистские солдаты в одном нательном белье вели по нам огонь из всех видов оружия — автоматов, пулеметов, зенитных орудий. Мы нанесли на карту и эту огневую позицию врага.

Резко развернулись влево по балке и наскочили-таки на плотный заградительный огонь врага. Шквал металла обрушился на машину. Несколько осколков от снарядов «эрликон» попали в двигатель моего самолета. Он тут же закашлял и начал давать перебои. Немедленно докладываю об этом Амет-Хану, прошу его уходить, уверяю, что как-нибудь дотяну до своей территории.

— Я тебя не оставлю, — резко возражает Амет-Хан. — Следуй за мной.

Скорость моей машины резко падает, мотор будто чихает. В кабину брызжут горячие масло и вода. Бронированное прозрачное лобовое стекло кабины завлакивает масляная пленка, смотрю только в боковые. Температура воды резко поднялась, кипящие брызги слепят глаза, испаряются, и я задыхаюсь.

Севернее Сталинграда над Мамаевым курганом убеждаюсь, что через Волгу не перетяну. Впереди водная гладь, подо мной развалины города, а на северо-западе хозяйничает противник. С левым креном со снижением иду на север. Вот и небольшая площадка между столбами электропередачи. Нейтральная полоса — я приметил ее. Сажусь на «живот».

Амет-Хан Султан делает надо мной круг, машет крыльями, бьет из пушек по фашистам и уходит на восток. Под прикрытием командира я успел выбраться из кабины и, прихватив с собой часы и парашют, скрыться в траншее нашего переднего края.

Спустя пару минут начинается интенсивный обстрел моего самолета из орудий и минометов. Только я уже на командном пункте командира 64-й стрелковой дивизии и докладываю о результатах разведки.

Это один из многих эпизодов командирского умения Амет-Хана и его заботы о подчиненных.

Но вернусь к своим размышлениям.

Командир — ведущий группы, первый воспитатель и наставник. Он обучает ведомых элементам полета и новым тактическим приемам по принципу «делай, как я», и это предъявляет к нему очень высокие требования. Он не может, понятное дело, научить всему этому летчиков, если сам не знает и не умеет делать все лучше, чем они, не владеет методикой обучения. Авиационный командир обязан быть в высшей степени грамотным технически, иметь широкий политический кругозор, знать психологию врага, уметь мыслить диалектически, разбираться в человеческих характерах, быть хладнокровным, не теряться в экстремальных условиях, при стрессовых, как сейчас говорят, ситуациях. Трудно перечислить все требования, которые могут быть предъявлены к командиру на войне, когда обстановка в воздухе чрезвычайно сложна и изменчива, изобилует критическими моментами, вынуждающими в считанные секунды принимать решения, причем единственно верные, способные обеспечить не только личный успех, но и победу каждому в отдельности летчику, коллективную победу группе.

Перед лицом опасности в воздухе, кажется, все равны. Однако победа в решающей степени зависит от командира, умеющего навязать противнику свою волю, верно построить боевой порядок или эшелонировать группы, пары, определить порядок атаки или даже взлета со своего аэродрома.

Скажу, что качествами этими в полной мере обладали наши командиры — Морозов и сменивший его Миронов, Амет-Хан Султан, Ищук, Рязанов и многие другие, с которыми мне пришлось летать в грозные военные годы.

...Теперь я сам командир эскадрильи и, возможно, еще не полностью осознал всю полноту ответственности, которая возложена на меня этой высокой должностью. «Пройдет время, — думалось, — и дело покажет, на что ты, Иван, способен». «Показать себя», как оказалось, было нелегко. Но мне всячески помогали и старшие начальники, и подчиненные, с которыми меня связывали большая боевая дружба, взаимное доверие, объединяли общие задачи и интересы. Хочу подчеркнуть особую важность фактора доверия. Это решающее условие успеха руководителя.

...Сегодня 1 августа. Мне приказано вести четверку Як-9 на прикрытие войск в районе Барилово — поселок Василевский. По данным разведки, сопровождаемые «фоккерами» фашистские бомбардировщики, используя облачность, пытаются прорваться к переднему краю.

Высоко в небо над аэродромом взмывает зеленая ракета.

— По самолетам!

Запускаем двигатели, выкруливаем на взлетную полосу. Машины одна за другой отрываются от земли, резко набирают высоту. Небо кое-где покрыто облачностью, над линией фронта — кучевые облака. До боли в глазах просматриваю воздушное пространство, внимательно наблюдаю за ведомыми. Проходим над своими раз, другой.

Белые облака косо свисают вниз, сквозь них пробиваются лучи солнца, и кажется, что там кто-то поставил вертикальные, излучающие свечение колонны. Из-за «колонн» возникает группа самолетов. Пока они не опознаны нами, их следует считать вражескими — таков закон войны. Самолеты попадают в облака и, словно мираж, исчезают. Теперь рассеялись и наши сомнения — это противник.

Идем на сближение. В разрывах облаков промелькнула группа «фоккеров». Это они, «надежда» Гитлера. Противник, тоже заметив нас, снова ушел в облака.

Мы ныряем в разрывы, чтобы лучше осмотреться и не допустить внезапного нападения врага. Над нами ярко светит солнце, но между облаками, к моему удивлению, никого нет. Снова пробиваемся сквозь небольшое «окно» и теперь уже натываемся на знакомую четверку — в поисках нашей группы «фоккеры»

растянулись. Передаю по радио Богомолу, Шкворунцу и Домогацкому: «Прикройте, атакую крайнего».

Огонь из пушек и пулеметов пришелся по кабине фашиста. Самолет вспыхнул, перевернулся через крыло и устремился к земле в районе поселка Васильевский. Уцелевшие три машины противника вновь ушли в облака.

Время на выполнение задачи истекло, и мы возвратились на свой аэродром. Не успели доложить, как наземные войска тут же вновь запросили прикрытия. Летчики помогли механикам дозаправить машины. Без задержки взлетели уже восьмеркой. Внизу видим танковый бой. С земли к небу встают черные столбы дыма. Набираем высоту, на большой скорости прочесываем пространство. Район прикрытия — Локня, Скородумка. В группе пары: Рязанов — Щерба, Лещенко — Никонов, Степаненко — Богомол, Шкворунец — Домогацкий. Линия фронта погибает на юго-запад, как бы стягивая кольцо вокруг Орловского выступа. Фашистские войска, упорно сопротивляясь, откатываются к Карачеву.

Навстречу нам направляется большая группа самолетов — бомбардировщики под прикрытием истребителей. Рязанов с ходу устремляется к бомбовозам, мне приказывает сковать боем «фоккеры». Прямо на развороте ловлю одного на прицел. Длинная очередь, — и фашист вспыхивает. Однако остальные одиннадцать набрасываются на нас сверху. Четверкой становимся к вираж.

В это время Рязанов отражает атаку «хейнкелей» и спешит к нам на помощь. Его четверка набрасывается на «фоккеры». Те, заметив опасность, переворотом уходят вниз.

— Спасибо, Алеша, выручил, — кричу Рязанову по радио.

— Ничего, Ваня. Свои люди, сочтемся, — смеется он. — Смотри, как «фоккеры» сыплются, словно горох!..

Преувеличивает, конечно, но «фоккеры» действительно не выдерживают атак сверху. Они уходят пикированием вниз в надежде, что, имея больший вес, чем «яки», опередят нас в скорости.

Бой закончился. Мы сбили несколько бомбардировщиков. Однако не обошлось без потерь и у нас. На аэродром не вернулись два молодых летчика. Как выяснилось позже, они потеряли ориентировку. Местность действительно была весьма сложной для

ориентирования: сплошные лесные массивы. Новый район предстояло хорошо изучить, чтобы в дальнейшем избежать небоевых потерь.

Эти два боя особенно памятли для меня. В них я выступил в новой должности командира эскадрильи. Правда, пока командовал лишь звеном, восьмерку поручалось вести Рязанову. Психологически было рискованно назначать в первый же бой мою эскадрилью. Нужно было, чтобы я маленько «пообтерся», привык, не проявлял бы вдруг «прыть», как это иногда бывает с молодыми командирами, которые, желая проявить себя в первых же боях, чрезмерно увлекаются, и это кончается для них поражением. К тому же, в авиации нередко сам командир полка водит эскадрилью, если этого требуют обстоятельства.

Я очень благодарен командованию, которое внимательно подходило к вводу в должность каждого нового командира, меня в том числе.

Новая должность выдвигала новые задачи. Прежде всего на меня возлагалась ответственность за обучение и воспитание летчиков эскадрильи, за их боевую готовность и поведение в схватках с противником. Комэск возглавлял звено или даже пару, мог быть назначен ведомым у старшего начальника или равного по должности — все зависело от важности задачи и срочности ее выполнения. Его репутация командира от этого несколько не страдала.

...Линия фронта медленно перемещается на запад. Противник отходит в направлении Карачева. 4 августа меня вызвал Н. И. Миронов.

— Степаненко, полетишь в разведку. Возьми себе лучшего летчика, задание ответственное. Объект — железнодорожная станция и аэродром Карачев. По предварительным данным, в районе большое скопление техники.

С ведомым — лейтенантом И. М. Васиным мы выходим на объект спустя несколько минут. Над районом Карачева большое облако, угрожающе взблескивают грозовые разряды. Маскируясь нижней кромкой, проскакиваем над станцией и аэродромом, стараемся запомнить как можно больше. Косые молнии змеятся со всех сторон, вот-вот достанут наши машины. Временами озноб пробегает по спине от столь близкого их соседства. К

оглушительным ударам грома присоединяется шум густого крупного дождя. Снизу сильно бьет батарея противника, разрывы ее снарядов ложатся то справа, то слева от нас. Мы с Васиным маневрируем, затем со снижением идем домой.

О результатах разведки докладываю командиру полка. Скопление войск и боевой техники в районе объекта огромное. Только на аэродроме мы насчитали около 150 вражеских машин.

— Итак, партизаны не ошиблись, — заключил Миронов и неожиданно громко хлопнул рукой по столу. — Мы им покажем свою «Цитадель»! Готовься, Иван Никифорович, всей эскадрильей сопровождать штурмовики. Удар следует нанести по аэродрому Карачев. «Работать» будете перед самым заходом солнца, как раз когда фашисты начнут укладываться спать.

...Раскаленный, кроваво-красный шар солнца опускается к горизонту. В полной боевой готовности сидим в кабинах в ожидании сигнала на взлет. А вот и три зеленые ракеты. Как муравьи, забегали, засуетились механики, выполняя последние приказания.

В несколько минут эскадрилья взмыла в воздух, четверками построилась к штурмовикам, заняв боевой порядок на флангах и выше.

Солнце, потеряв свой яркий блеск, медленно погружалось в оранжевые облака на горизонте. Небо было темно-красным, предвещая на завтра ветреную погоду.

Штурмовики скрытно подобрались к аэродрому и с бреющего атаковали стоянки врага. Тотчас вспыхнул пожар. «Фокеры» и «юнкеры» пылали, словно факелы. Какая-то пара «мессеров», по-видимому, из дежурного звена решительно идет на взлет. Не раздумывая пикируем. Одного я беру на себя, второго атакует лейтенант Васин. Атака удалась — оба стервятника падают в лес.

Наши «илы» идут на повторный заход. Зенитная артиллерия гитлеровцев усиливает огонь, и мы пикируем на батарею вблизи аэродрома. Слышно, как ведущий штурмовиков командует:

— Противозенитный маневр. Цель впереди — самолеты на стоянках. Атака!

Штурмовики группа за группой утюжат врага. Пламя и дым застилают все поле. Солдаты в панике мечутся по аэродрому. Но, несмотря на потери, противник продолжает оказывать

сопротивление. Появляются новые пары его истребителей. В завязавшемся воздушном бою прямо над аэродромом идут к земле еще два вражеских самолета. Один сбивает младший лейтенант Богомолов, второй — лейтенант Шкворунец.

Закончив штурмовку, «илы» разворачиваются на север и уходят на бреющем на свою базу. Правда, не все. С нами не было двух машин, пилотируемых молодыми летчиками. Почему? Как выяснилось, они оторвались от своих ведущих и сели в поле.

Уходя, мы долго наблюдали черные столбы дыма. Они расползались вверх и вширь, застилали горизонт. Это горела и рушилась надежда Гитлера на технику, на реванш, на успех в наступлении на Курск и Орел.

5 августа освобожден город Орел. У нас было по-настоящему праздничное настроение.

Итак, мое «крещение» в роли командира эскадрильи прошло успешно. Позже мне стали доверять и более ответственные задачи по прикрытию штурмовиков, отражению атак истребителей, определив даже для моего подразделения отдельный аэродром передового базирования. Прошли годы, но я и сейчас горжусь тем, что полностью оправдал доверие командования, работая рука об руку и крыло в крыло с моими боевыми друзьями.

Уроки взаимодействия

Вынужденная посадка двух машин, потерявших ориентировку в недавнем бою, надолго омрачила настроение в полку. Как оказалось, об инциденте было доложено и в штаб армии. Для проведения разбора прибыл лично командарм генерал Н. Ф. Науменко. окинув быстрым внимательным взглядом выстроенный по его приказу личный состав полка, генерал нахмурился:

— Это уже не первый раз, — бросил коротко. — Небось, излучину Дона не забыли?

Все молчали. Кто-то попытался объяснить ситуацию, но командующий не стал вдаваться в подробности.

— Знаю, — сказал он резко, — что академий вы, к сожалению, не кончали, что теперь не до учебы. Об этом можете мне не докладывать. Но ведь вы проходите сейчас науку в важнейшей из академий. Ежедневные жестокие уроки с практическими выводами... Многим из нас выпало учиться в боях. Не наша в том вина... Цена такой науки высокая. Поэтому мы обязаны беречь каждую крупицу опыта, передавать молодым, менее опытным...

Война заставила людей мобилизовать все их внутренние ресурсы, однако наряду с героизмом в бою, смекалкой, высокой выучкой случаются и досадные упущения, халатность, в результате чего — потери. Последнее время наши самолеты все чаще блуждают в поисках своего аэродрома. Причина понятна. Кто-то призабыл правила ориентирования. Некоторые летчики вообще летают без карты, а те, кто и имеет их, содержит в таком состоянии, что подчас в них трудно разобраться и на земле в нормальных условиях, не то что в кабине во время боевого полета. Теряются навыки визуального наблюдения. Одного летчика спросили в полете, где он находится. Пилот тут же ответил: «Над лесом...» И смешно, и горько. Теперь такому отношению к правилам ориентирования должен быть положен конец.

Вновь и вновь молодежь облетывает район боевых действий. «Старички» подсказывают, какие характерные для местности предметы следует запомнить, объясняют способы восстановления ориентации в лесистой местности. Под нами сплошные массивы леса, здесь требуется всякий раз точный расчет времени выхода

на цель, нахождения в воздухе, возвращения по курсу. Особое внимание нужно уделять сличению карты с местностью.

6 августа командир полка приказал всему летному составу под руководством штурмана части майора Бугарчева и командиров эскадрилий повторить ориентирование по карте, затем мы еще и еще облетывали район боев с учебными целями. В ходе переподготовки вынуждены также следить за обновляющейся техникой врага.

Несмотря на поражения и неудачи гитлеровских войск на фронтах, геббельсовская пропаганда продолжала трубить на весь мир о преимуществах своего оружия, усиленно рекламировала новый самолет. Цель понятна: запугать нас своей мощью и подбодрить себя.

Что же это за новинка?

Обычно при встречах с противником в воздухе обращаешь внимание лишь на маневренность, дальнобойность огневых средств. Все мы отметили, что горит «фоккер» не хуже, чем «мессершмитт», если атакуешь его с высоты и внезапно. Правда, у него немного больше скорость на пикировании. Кроме того, усилено вооружение — поставлены четыре пушки впереди.

Летчики одного из наших полков под Курском вынудили вражеский самолет ФВ-190а совершить посадку и подвергли его тщательной проверке. Выяснилось, что он прост в пилотировании, устойчив при пикировании. Немцы немало потрудились над созданием нового истребителя, но учли не все: лобастый «фоккер» имел большой полетный вес, а следовательно, был тяжеловат на вертикальном и горизонтальном маневрах. Отсюда вытекало, что нам выгодно навязывать ему маневренный бой на вертикалях, не теряя скорости и преимущества в высоте.

В боях мы выяснили, что излюбленный маневр пилотов «фоккера» — крутое пикирование и лобовая атака. Конструируя машину, автор ее, по-видимому, шел по принципу обязательного принятия контрмер. Частые лобовые атаки советских летчиков заставили фашистов усилить лобовую броню. Но они упустили главное: советские летчики обладают умением быстро перестраиваться в ходе боев применительно к новой технике врага.

В чем заключался секрет успеха наших воинов, в считанные дни разгадывавших особенности боевого применения гитлеровских новинок — самолетов и танков — и определявших способы борьбы с ними?

Помогала нам в этом учеба, обязательная и особенно интенсивная в боевых условиях. Потребность в постоянной учебе была вызвана не только появлением новой техники, новых приемов боя или изменением условий, в которых находился полк. Учиться нужно было и для закрепления уже познанного, отработки прежних навыков, которые в силу психологического склада летчика со временем утрачиваются, при отсутствии постоянных тренировок забываются. В ходе боев от воздушного бойца требуется более высокое мастерство. Постоянное внимание следовало уделять новым тактическим приемам в сочетании с ведением огня, что вызывалось появлением более совершенной техники противника. На это и были направлены наши занятия, объединяющие теорию с практикой.

Отступая, враг упорно цеплялся за каждый клочок оккупированной территории, глубоко зарывался в землю, опутывался колючей проволокой, сооружал бетонированные укрепления, доты и дзоты. Чтобы выбить его из опорных пунктов, требовались удары артиллерии крупного калибра и авиации дальнего действия. Помню, 5 августа мы сопровождали лидер ДБ-Зф к линии фронта для ознакомления с предстоящей совместной боевой работой. Бомбы крупного калибра, по мнению советского командования, должны были «помочь» группировке гитлеровцев «выбраться на свежий воздух». На следующий день мы поднялись для сопровождения большой группы тяжелых бомбардировщиков к линии фронта, где они нанесли сокрушительный удар по долговременной обороне врага, по всем ее сооружениям.

Наземные войска, воспользовавшись замешательством противника, значительно продвинулись вперед.

Отлично организованные прикрытие и взаимодействие с бомбардировщиками дали положительный результат. А вражеским истребителям не удалось прорваться к нашим самолетам. Мы вовремя отбили все их атаки.

Полк пополняется новыми машинами и летным составом. Самолеты совершенствуются, приобретают новые качественные

изменения. С этим связана одна из памятных для меня встреч.

После возвращения из боя заруливаю в капонир.

Напряжение во всем теле понемногу спадает. Механик старшина Борисовец говорит:

— Командир, вижу, вы устали, отдохнули бы в шалаше, а я пока осмотрю и заправлю самолет.

— Некогда отдыхать, Миша, — отвечаю. — Ракета не заставит себя ждать.

Только снял комбинезон, чтобы немного просохнуть, как вдруг слышу знакомый голос.

— Вот где вас отыскал!.. Прямо не верится.

Я оторопел: передо мной стоял бывший инструктор Днепродзержинского аэроклуба Иван Федорович Мусиенко. Высокий, загорелый, на мужественном лице та же улыбка. Только вместо аэроклубовской форменной фуражки на нем темно-синяя пилотка да гимнастерка защитного цвета вместо летнего комбинезона.

— Не ожидал, курсант Степаненко, встретить вас старшим по званию, — сказал, указывая на свои погоны младшего лейтенанта. — Да еще с таким количеством наград. Наука моя, значит, пошла на пользу? Молодец!

Мы крепко расцеловались.

— Какими судьбами, Иван Федорович?

— Для вас стараемся. Вот пригнали самолеты из глубокого тыла на пополнение. Я там работаю инструктором по переподготовке на Як-9.

— Спасибо за помощь! — Нам самолеты вот как нужны! — отвечаю, проводя ребром ладони по шее.

— Родина приказывает — мы исполняем, — улыбается он.

Мы еще долго стояли возле моей машины и вспоминали аэроклуб, учлетов, инструкторов. Все разлетелись, как птицы, во все края и по разным направлениям. Обойдя мой самолет, Иван Федорович обратил внимание на «летающий плакат» с тигром и карикатурой на Геббельса.

— Отчизны крылья боевые народ вручил ее сынам, чтоб Гитлер, Геббельс, Муссолини не поднялись ни здесь, ни там, — вдохновенно продекламировал он, глядя на художественное «оформление».

— Вы поэт, Иван Федорович.

— Поэт не поэт, но когда-то увлекался, сочинял о летчиках, об их могучих крыльях.

Немного помолчали. Тут нашу встречу и прервала ракета. Прыгаю в кабину и запускаю двигатель. Иван Федорович провожает меня взглядом, машет рукой на прощанье.

...7 августа производим разведку в районе Карачев, Навля, Локоть. Мне поручено возглавить четверку, в состав которой вошли Богомоллов, Шкворунец и Домогацкий. Средняя облачность способствовала скрытному подходу к объекту.

Над аэродромом Карачев под нижней кромкой облаков появляемся внезапно. Внизу пока спокойно, на поле большое скопление техники. Ниже нас кувыркается «фоккер», — по видимому, фашистский летчик облетывает машину после ремонта двигателя. Передаю своей группе по радио:

— Заберем фашиста в «сумку»?

— Заберем! — хором отвечают ведомые. — В «сумке» ему надежнее.

Нажимаю на кнопку передатчика:

— Атака!

Длинная очередь, и фашист, объятый пламенем, падает.

— В другой раз не будет болтаться под ногами, — глубокомысленно замечает Шкворунец.

Уходим к железнодорожным станциям Навля и Локоть. Здесь также фиксируем большое скопление вражеских эшелонов. Разворачиваемся в сторону своей территории и видим, как группа ФВ-190 выстраивается для полета к линии фронта. Передаю по радио Шкворунцу:

— Прихватим по одному?

— Можем и прихватить, — соглашается он.

Внезапная атака, мощный огонь. Два «фоккера» падают в районе деревни Каменка. На большой скорости уходим, так как наша основная задача — вовремя доставить данные о противнике.

«Забрать в сумку» — означает уничтожить фашистский самолет. Это выражение пошло у нас от начальника штаба полка П. А. Федюнина, который, проверяя доклады летчиков, говорил: «Знаю, что находится у каждого из вас в сумке...»

На него возлагался учет сбитых нами самолетов противника, и Павел Александрович вел его с завидной скрупулезностью. Личным докладам никогда не верил, и это было правильно. На проверку достоверности данных о сбитых самолетах противника обычно посылался адъютант или техник. Правда, не всегда удавалось подтверждать факт поражения вражеского самолета, особенно если он падал за линией фронта, ведь техника туда не пошлешь. В таких случаях принималось во внимание подтверждение экипажей, участвовавших в этом же бою. Проще было бы, конечно, иметь фотоконтрольный прибор, способный фиксировать стрельбу и попадание, но таких приборов, у нас не было.

Возвратившись домой, докладываю начальнику штаба полка о результатах разведки: на аэродроме Карачев сосредоточено около 60 самолетов противника, на станции Навля под разгрузкой шесть эшелонов с боевой техникой и горючим.

В этот же день вылетаем на новое задание. Над нашими боевыми порядками который уже час висит воздушный разведчик «Фокке-Вульф-189», корректируя огонь артиллерии и авиации. Сбить «раму» не так-то просто. На этот раз «работаем» против нее четверкой. Встретившись с нами лоб в лоб, фашист немедленно переходит в пикирование. Мы с ходу за ним. Тогда разведчик становится в вираж и оцетинивается огнем задних турельных установок.

Быстро делимся на две пары: моя атакует снизу, Шкворунца — сверху. Атака с разных направлений решает участь врага. Объятая пламенем «рама» идет вниз.

Позже нам рассказывали, как пехота, наблюдавшая бой, горячо аплодировала нашей победе.

...Не менее памятен день 10 августа. К линии фронта с направления Карачева приближаются «хейнкели» и «юнкерсы». Колонну девяток общим количеством в 60–80 машин прикрывают «мессеры» и «фоккеры». Задача врага очевидна: нанести бомбовый удар по наступающим на город советским войскам. В нашей группе, вылетевшей на перехват, восемь машин. В парах: И. Н. Степаненко — Б. С. Телегин, Г. М. Шкворунец — В. П. Домогацкий, Г. А. Усиков — В. П. Шлыков, А. И. Никонов — Ф. Ф. Громов. С ходу атакуем первую девятку прямо в лоб, посылая

длинные очереди. Проскакиваем к следующим девяти бомбовозам и бьем по ним, не отворачивая, из всех видов вооружения. Бомбовозы не выдерживают нашей напористости. Пять машин дымят на земле, остальные поворачивают обратно. У них, как в стае волков: хорошо «угости» первого — остальные сбегут сами.

Истребители, опомнившись, набрасываются на «нас с остервенением. Но главная задача — срыв бомбового удара противника — выполнена.

На разборе молодые летчики долго обсуждали этот бой. Не всем было понятно, как могла восьмерка истребителей заставить почти вдесятеро превосходящего противника отказаться от выполнения поставленной задачи. А секрет был прост: победа всегда на стороне того, кто лучше знает тактику противника, решительнее навязывает ему свою волю и умело организует взаимодействие между летчиками. Успех этот был общим, хотя, конечно, сбить машины удалось не всем.

...12 августа блокируем аэродром Карачев и сопровождаем штурмовики для удара по этому объекту. Внезапности достигнуть не удастся. Как видно, противник подготовился к отражению налета. На бреющем подходим к аэродрому, но в воздухе уже барражируют «мессеры». Первая группа, возглавляемая командиром эскадрильи капитаном Рязановым, сковала боем «мессершмитты», а мы совместно с «илами» с ходу бьем по стоянкам. Над полем закружилась-завихрилась адская карусель: «илы», «яки», «мессершмитты»... Снизу ведет яростный огонь зенитная артиллерия. Группа Рязанова продолжает вести напряженный бой с истребителями. Время тянется нескончаемо долго. Наконец штурмовики заканчивают работу и без набора высоты уходят домой. Часть машин подбита зенитным огнем, некоторые значительно повреждены: на плоскостях и хвостовом оперении видны пробоины и рваные дыры.

Пара «мессов» все время кружит над нами. Противник явно выжидает, не использует высоту и не атакует. Вскоре на солнце сверкнули крылья еще двух машин. Прикрываясь облаками, они подбираются поближе. Докладываю Рязанову о появлении второй пары, а тут с высоты на большой скорости на нас устремляется первая пара. Рязанов круто разворачивается ей навстречу, но этим

спешит воспользоваться вторая пара — она молниеносно набрасывается на уходящие «илы».

Да, следует отдать должное вражеским пилотам. Они отлично согласовали свои действия. Замысел неприятеля для нас ясен. Одна пара отвлекает на себя верхних истребителей, вторая тем временем проскакивает через заслон и наносит удар по штурмовикам. Фашисты только ждали удобного момента, когда наша кильватерная колонна вытянется на прямую: тогда на нее удобнее пикировать.

Теперь успех боя зависит от четкости нашего взаимодействия. Резко разворачиваюсь на пару немецких летчиков, устремившихся к штурмовикам. Задние «яки» оказываются впереди меня и своим маневром упреждают атаку «мессеров». Прицельная очередь Михаила Погорелова — и один самолет врага, задымив, идет к земле. Остальные, видя участь первого, прекращают атаки и уходят вверх, злобно поблескивая желтыми законцовками крыльев, на которых, как жирные пауки, чернеют кресты.

Все попытки фашистов дезорганизовать наше прикрытие и нарушить взаимодействие не имели успеха. Всякий раз, как только они устремлялись к штурмовикам, мы отбивали их резкими лобовыми атаками, не оставляя «илы» без прикрытия. Все атаки их от Карачева до аэродрома посадки были безуспешными. Итак, абсолютно ясно: запас тактических приемов противника исчерпан.

Отточенное взаимодействие групп тактического назначения и пар истребителей, осмотрительность при выполнении задания, чувство крыла соседа — штурмовиков — это и было наше главное оружие.

Итак, мы научились взаимодействовать и теперь как бы ограждены от многих неприятностей. Нас нельзя разобщить. В любой ситуации мы можем быстро восстановить нарушенный боевой порядок, согласовать свои усилия в атаках. Немаловажно не впадать в самоуспокоение, не поддаваться самоуверенности. Бывало, к сожалению, и такое, особенно тогда, когда в учебе и в бою упускался из виду какой-либо элемент или способ боевых действий. В данном случае речь пойдет о том же взаимодействии, но уже в более крупном масштабе; не между нами — истребителями, а между бомбардировщиками и самолетами нашего полка.

Неприятный случай, о котором я хочу рассказать, произошел, 24 августа. Мы перебазировались на другой аэродром и вскоре получили боевой приказ. Весь полк в готовности номер один находился в самолетах в ожидании подлета больших групп ДБ-3ф. Вот-вот они пройдут над нашим аэродромом, и тогда мы, в соответствии с планом взаимодействия, пристроимся на флангах и сзади для сопровождения их за линию фронта. Однако время идет, а подопечных не видно и не слышно. Наконец сигнал на вылет: три зеленые ракеты. Поднимаемся, ищем машины в воздухе. Поблизости их нет. Группа не вышла на наш аэродром, как было условлено, а, уклонившись от маршрута, полетела на цель без сопровождения. Днем ДБ-3ф для «Фокке-Вульф-190» — мишень лучше не придумаешь.

По радио получаем команду:

— Срочно на помощь бомбардировщикам!

Район удара известен: Брянск, Цементный, Дятьково. Бросаемся туда.

Западнее города Жиздра видим несколько вздымающихся кверху факелов. А вот, словно большие белые грибы, парашюты. Это спускаются вниз наши товарищи. Сердце сжимается от боли. Что ждет их на территории, захваченной врагом?

Собираться всем полком уже нет времени. Как взлетели четверками, парами и в одиночку, так и вступаем в бой, пренебрегая опасностью. С ходу набрасываемся на врага. Опьяненные легкой удачей, «фоккеры» носятся, как одержимые.

Выбираю одного из них, густо размалеванного, и высаживаю в него очередь из пушек и пулеметов. Фашист, перевернувшись через крыло, идет вниз, оставляя за собой полосу черного дыма. Два других, прижав меня к лесу, бьют из восьми пушек. Снаряды, словно огненные стрелы, прочерчивают синеву неба справа и слева. Неожиданно трещит обшивка фюзеляжа. «Ну, Иван, — думаю о себе, — вот и пришел тебе конец». Превозмогая перегрузки, резко тяну машину в левый боевой разворот. В глазах темнеет. Отпускаю ручку, чтобы не сорваться в штопор, ведь рядом земля. Вижу два «фоккера», они преследуют меня на вертикали. Быстро перехожу в лобовую атаку, чтобы не дать им зайти в хвост. Помогает мне 37-миллиметровая пушка. Я открываю огонь, и вражеские истребители, словно мячики, отскакивают от меня в

разные стороны. Управляемым переворотом и крутым пикированием ухажу к своим.

Бой закончен. Обидно и больно за погибших и без вести пропавших товарищей.

Причины нарушения взаимодействия между бомбардировщиками и истребителями расследовались специальной комиссией, прибывшей из Москвы. Было установлено, что нашей вины в забвении элементарных правил боя нет.

Вот уже несколько дней мы не летаем, а приводим себя в порядок, готовясь к перебазированию.

На новом месте — близ города Сухиничи — размещаемся совместно с штурмовиками. Такое решение, очевидно, принято не случайно. Его цель — упрочение живых связей летного состава частей. Это, как известно, неотъемлемый элемент взаимодействия.

На аэродроме и вокруг него отсутствует естественная маскировка. Леса нет, кустарника тоже, лишь на обочинах дорог кое-где виднеется редкая поросль. Для укрытия самолетов оборудуем капониры.

Летный состав разместился в городе, так как по вечерам уже давала о себе знать прохлада приближающейся осени. Штаб полка находился тут же, неподалеку от железнодорожной станции. Все остальные труженики аэродрома — технический состав двух полков и батальон обслуживания — жили в землянках вблизи аэродрома. Несмотря на относительную разобщенность, боевой пульс жизни поддерживался на высоком уровне.

Первое, с чего начали, — совместные занятия летного состава истребителей и штурмовиков. Тема: «Основы взаимодействия в воздухе». Занятие проходило по своеобразному методу — выслушивали, так сказать, мнения сторон. Штурмовики напоминали, что были случаи, когда прикрывающие их истребители, увлекшись боем с «мессершмиттами», отрывались от «илов». Последние, таким образом, оказывались предоставленными сами себе и становились жертвой опытных фашистских пиратов. Истребители, в свою очередь, говорили о том, что иногда штурмовики, не дождавшись прикрытия, уходили к линии фронта, где их уже подкарауливал враг. После выступлений,

споров, взаимных претензий были выработаны предложения и рекомендации об улучшении совместной боевой работы.

Вопросами взаимодействия занимались у нас и раньше, проходили занятия, читались лекции, издавались приказы, но на практике иногда допускались нарушения, имели место случаи беспечности с той и другой стороны. За это расплачивались жизнями летчиков и потерей материальной части, а потом хватались за голову. Как говорится, пока гром не грянет...

Занятия принесли большую пользу: стали более понятны наши общие просчеты и их причины. У многих как бы открылись глаза на собственное поведение. Результатом явилось укрепление взаимной боевой дружбы и товарищества. Так и должно быть постоянно.

Вскоре после совместных занятий летчиков-истребителей и штурмовиков мы вновь вылетели на боевое задание. Группу «илов» возглавил опытный штурман капитан Капустин. Удар предстояло нанести по скоплению техники на станции Людиново. Истребители шли на флангах, просматривали воздушное пространство.

Вот и цель. Группа Капустина, зайдя с тыла, обрушила свой бомбовый удар на станцию. Землю обагрило зарево пожаров. Горели и взрывались вагоны, пылали станционные пристройки, в панике металась гитлеровские солдаты. Спланировав влево, «илы» уходят на бреющем полете, маневрируя против зенитного огня, но тут появляются «мессершмитты». Два из них набрасываются на самолет Капустина.

Уклоняясь от атак нападающих на меня «мессеров», иду на выручку боевому другу. Жму на гашетку, и преследующий Капустина Me-109, оставляя широкую полосу черного дыма, отваливает в сторону. Мои ведомые успешно отражают нападение других «мессеров». Рядом с «илами» вижу Погорелова, Шкворунца, Домогацкого. Они тоже атакуют врага, не отходя далеко от группы «илов».

Вижу лицо Капустина. Капитан улыбается, показывает большой палец в знак одобрения и благодарности. В этом бою ни одному крестоносному ястребу не удалось подобраться к нашим штурмовикам.

Вечером за ужином слова попросил капитан Капустин. Он с волнением говорил о боевой выручке, огневом братстве, верности правилу: сам погибай — товарища выручай

— Откровенно признаюсь, — сказал в заключение, — если бы не ноль четвертая Ивана Степаненко, — не пришлось бы мне присутствовать за этим братским столом. От всего сердца спасибо вам, друзья. Братство, скрепленное в боях, не померкнет никогда.

Опытный штурмовик Капустин подошел ко мне, и мы крепко обнялись. Растроганный, он долго не выпускал меня из объятий, затем тряс мою руку. Все сидящие за столом горячо нам аплодировали, каждый из них понимал, какое это счастье — спасти товарища. Взаимовыручка, готовность без колебаний прийти на помощь, взаимное доверие, единение — это и есть фронтовое братство.

...7 сентября сопровождаем группу дальних бомбардировщиков ДБ-3ф за линию фронта в район Красниково. Дальние бомбардировщики, как правило, не назначались для атак переднего края противника в дневное время. Максимальная скорость ДБ-3ф — 450 километров в час. Летать без прикрытия они не могут. Но теперь здесь, на нашем направлении, этого требовала обстановка. ДБ-3ф работали и днем при наличии большого наряда истребителей.

Мы с особой тщательностью готовились к этому полету: заранее рассчитали рубежи, сигналы, пункт встречи, проиграли все на картах, отработали полет методом «пеший — по-летному».

И вот несколько девяток уже приближаются к аэродрому. В небо взмыли три красные ракеты. Полк взлетает, строится на флангах и сзади колонны бомбардировщиков. Связываемся с ними по радио, кроме того, обозначаем себя желтыми ракетами. Ведущие экипажи берут курс к переднему краю.

В небе спокойно. Кажется, ничто не сможет помешать нам выполнить задание. Но вот впереди по курсу вспыхнул разрыв крупнокалиберного зенитного снаряда, за ним другой, третий... Идет пристрелка. Ее сменяет сплошная стена огня. Уже все небо клочочет вспышками разрывов. Враг целит в центр кильватерного строя. Осколки барабанят по обшивке моей машины, ее швыряет из стороны в сторону, словно щепку на быстрине бурной реки.

Чтобы удерживать самолет по курсу, нужны огромные физические усилия.

Но мы не сворачиваем с этой адовой дорожки, на которой вихрят смертоносные осколки.

Без потерь все же не обходится. Левый крайний из второй девятки, накренившись, резко идет к земле... Я вижу, как летчик пытается вывести машину из пике, но она уже неуправляема...

— Боевой курс! — передает флагманский штурман.

Ведомые машины, как бы подтягиваясь, подходят ближе к своим ведущим. Теперь мы идем к точно заданной цели. Штурманы отыскивают ее в свои прицельные окна и готовятся к сбросу бомб.

— Сброс!

Внизу вспышки взрывов, столбы дыма и пыли. Фотоснимки замыкающего разведчика потом подтвердят: удар был снайперский. Уничтожено немало вражеской техники, автомашин, разрушены инженерные сооружения.

Несколько фашистских истребителей пытаются прорваться к охраняемым нами бомбардировщикам, но прикрытие надежно. Гитлеровцы отваливают в стороны, натываются на наши заслоны. Из всего видно: противник выдыхается, у него не хватает сил, чтобы действовать с одинаковым упорством на всех направлениях советско-германского фронта. Значит, уже недалек тот час, когда мы, наконец, погоним его на запад без остановки.

8 сентября сопровождаем «илы» для нанесения удара по скопившимся танковым частям врага западнее Брянска. Погода с утра отвратительная — низкая облачность, туман. Все это мешает производить взлет. Только к середине дня облака поднимаются до 200–300 метров, и видимость улучшается. Получаем разрешение на вылет. Первыми взлетают штурмовики, за ними — истребители. Низкие облака все же мешают, заставляют прижиматься к земле, как бы ставя заслон у нас на пути. Ведущий группы «илов» с трудом опознает местность, ведет самолеты под нижней кромкой облаков, маневрирует над верхушками деревьев.

Внизу густо темнеют воронки от разрывов снарядов и бомб, валяются срубленные взрывами деревья, застыли искореженные остовы танков, орудий, автомашин. Мелькает ломаная линия передовой: окопы, траншеи, ходы сообщения.

— Проходим линию фронта, — докладывает ведущий штурмовиков.

Увеличиваем скорость до максимальной и проскакиваем опасную зону. Прямо по курсу видны разноцветные трассы снарядов, «букеты» разрывов. Противник берет нас в «клещи». Не теряя времени, штурмовики с брьющего устремляются в атаку на части усиления врага. Мы видим их — пехоту и танки на марше к переднему краю.

«Черная смерть», как называли фашисты наши штурмовики, носилась над вражескими войсками, разила их огнем, сеяла панику. Вспыхивали и останавливались танки. На дорогах сразу же возникли пробки. Все вокруг горело. Гитлеровцы метались, охваченные ужасом, прыгали в окопы, щели.

Только теперь замечаю истребители противника. На малой высоте они проскочили поперек строя штурмовиков, определяясь для атаки. Но мы рядом со своими. «Мессеры», покружив, уходят, затем появляются вновь. Пара неприятельских истребителей наваливается на отставший «ил», мы немедленно бросаемся на помощь. Не выдержав контратаки, враг уходит влево, почти цепляясь плоскостями за верхушки деревьев.

На помощь «мессерам» спешат «фоккеры». Не сумев прорваться к штурмовикам, они отсекают «яки». Машина крайнего в ряду младшего лейтенанта В. Ф. Шишенкова вспыхивает и несется к земле. Отбивая атаки «фоккеров», мы со слезами на глазах провожаем взглядами горящий самолет боевого товарища. «Фоккеры» продолжают наседать, их число растет. Подбит еще один Ил-2. Резко накренившись, он валится на крыло и несется к земле. В шлемофонах мы слышим взволнованный голос летчика: «Прощайте, друзья!»

Жажда мести кипит во мне. Я настигаю «фоккер», который расстрелял нашего товарища, и даю очередь. Фашист переворачивается вверх брюхом и идет вниз в районе хутора Синявский. Горящий штурмовик врывается в гущу танков и автомашин противника. Прощай, дорогой боевой друг! Подвиг твой мы никогда не забудем.

Справа и слева нам угрожает несколько «фоккеров». Мы с Погореловым отражаем их атаки на пересекающем курсе, не отрываясь от своих «подопечных».

Вот и линия фронта. Ведущий штурмовиков командует: «Подтянуться!» «Илы» прижимаются друг к другу, крыло к крылу. Стрелки-радисты встречают «фоккеры» огнем турельных установок.

Психическая атака «фоккеров» общими усилиями была отбита. Вернувшись на аэродром, мы еще долго анализировали этот вылет. Многие удивлялись, как нам удалось выполнить задачу в таких сложнейших условиях воздушной и метеорологической обстановки. По-видимому, уже достаточно возросло наше летное мастерство, от которого во многом зависит успех любого полета. Наши вылеты превращаются в постоянную работу, трудную, опасную, но необходимую не только нам, но и наземным войскам.

Можно с уверенностью сказать, что учеба в годы войны была неотъемлемой частью всей жизни нашей страны как в тылу, так и на фронте. Во имя главной цели, во имя победы во всех уголках неоккупированной территории была развернута огромная сеть подготовительных учреждений: школ, курсов, готовивших пополнение, кадры специалистов как мирных, так и военных профессий.

Много прошло лет, но я никогда не забуду «академии в воздухе», где усваивались и закреплялись тактика, огневое дело, способы наиболее умелого использования технических и летных данных самолетов. Много внимания уделялось морально-психологической закалке, воспитанию боевого порыва, ненависти к врагам социалистического Отечества. Таков закон войны: бой и учеба неотделимы.

Высота 246

Третий год идет тяжелая, кровопролитная война. Враг еще силен, но уверенность советских воинов в победе крепнет изо дня в день.

На нашем участке бои ведутся в районе севернее Людиново. Могучее дыхание фронта чувствуется и в воздухе. Большие группы краснозвездных самолетов курсируют в небе непрерывно. И только в промежутках между их вылетами над полем боя появляются фашистские истребители.

...Сели, заправились горючим. Не успели отдохнуть, как заработали моторы «илов». Это сигнал и для нас: приготовиться к сопровождению.

— По машинам! — командует начальник штаба подполковник П. А. Федюнин.

Вылетаем парами, идем на малой высоте. Удар предстоит по гряде высот. Там окопался матерый враг. Над районом цели — гарь и копоть. Видно, уже поработали наши бомбардировщики. Дым и пыль, смешавшись с низкими облаками, образовали огромную черную тучу. Она закрывает от нас наземные войска, время от времени как бы пульсирует взрывами, гаснет, растекается.

На небольшом участке скопилось множество самолетов. Им тесно, но все они обязаны выполнить задание. Штурмовики один за другим ныряют под облака пыли и дыма, в огонь. Мы за ними, в кабинах мгновенно темнеет. Летят реактивные снаряды. Они проскакивают рядом с нами, мы видим их длинные, огненные хвосты и даже отшатываемся в сторону, чтобы не столкнуться. Это бьет наша крупнокалиберная реактивная артиллерия.

— «Фоккеры»! — передает по радио Миша Погорелов.

Усиливаем бдительность. Четверки фашистских истребителей вываливаются из тучи и бросаются на нас с высоты. Мы отбиваем атаки, прижимаемся к «илам». Спикировав, стервятники попали в дымное облако над полем боя, принялись карабкаться вверх. Тут-то мы их и подловили. Прицеливаюсь и даю длинную очередь. Один готов: оторванное крыло, обгоняя фашиста, закружило к земле.

— Туда ему и дорога, — слышу голос Миши Погорелова. — В пекло, к чертям собачим!

Штурмовики уходят домой. Мы не имеем права оставить их без прикрытия, пристраиваемся рядом. Внизу на скатах высоты видим сплошные воронки, разбитую технику врага.

Наземные войска, использовав удары авиации и артиллерии, устремляются вперед. К концу дня мы узнаем: освобождено несколько населенных пунктов.

День за днем продолжаем штурмовку переднего края. Наземные части вклинились в оборону противника, теснят его на запад. В воздухе бои ведутся главным образом на малых высотах. Близость земли, мощная противовоздушная оборона неприятеля приводят к ощутимым потерям. Не вернулись с боевого задания молодые летчики младшие лейтенанты П. Д. Карнаков, В. М. Михалев, Ф. П. Радченко, Е. П. Бабин, П. Я. Антонов, В. П. Шлыков, В. Е. Богомолов..

Утро 11 сентября выдалось безоблачным. Опять летим с группой Ил-2. Курс на запад. На наших картах обозначен объект: высота 246 северо-восточнее Людиново. Высота господствует над окружающей местностью, и гитлеровцы дерутся за нее с особым ожесточением.

Догоняем «илы» на маршруте. Наша шестерка делится на пары: Степаненко — Телегин, Куницын — Андреев, Купава — Никонов. Проходим над полем боя.

Еще на подходе к переднему краю на нас наваливается четверка «фоккеров». Они планируют с высоты со стороны солнца. Мы ведем огонь, не отрываясь от штурмовиков, охраняем колонну. Пара «фоккеров» хитрит. Неожиданным маневром, подкравшись, они атакуют истребитель младшего лейтенанта Н. П. Андреева. Истребитель резко снижается, но затем, выровнявшись, на малой скорости поворачивает к аэродрому.

Меня охватывает ярость. «Фоккеры» уже на бреющем, но я все же догоняю ведущего, ловлю его в перекрестье прицела. Очередь — и хищник сбивает верхушки деревьев, оставляя за собой рваный след на зеленом покрывале леса.

Пехота которой уже день при поддержке авиации штурмует пологие скаты высоты. Даже отсюда, из поднебесья, видны упорство, организованность, решительность наступления наших

воинов. Штурмовики работают на совесть. Бомбы крушат инженерные сооружения, превращая их в бесформенные оплавленные груды бетона и искореженного металлолома.

Вечером наши наземные части овладевают высотой 246. Фашисты откатываются на запад, стремясь закрепиться на промежуточных рубежах.

Наши летчики в ожесточенных боях вырывают победу за победой. Сколько самолетов, боевой техники потерял враг на орловской земле! Боевой счет нашего полка составляет 40 машин «Фокке-Вульф-190». Из них 6 — мой скромный вклад в общее дело.

Поужинав, мы поехали в город Сухиничи на отдых. Кое-кто уже лег спать, когда раздался пронзительный рев авиамоторов, и над городом зависли осветительные бомбы. Станцию и жилые кварталы сотрясали взрывы.

Мы выскочили на улицу. Город горел. Метались в ужасе жители, плакали дети. Рушились здания, звенели разбитые стекла.

— Скорее в щель! — скомандовал адъютант эскадрильи П. Д. Гончаров.

Во дворе, под единственным уцелевшим деревом, мы заблаговременно отрыли укрытие. Теперь все спешат к нему. Вот стоит, грозя кулаком фашистским бомбовозам, Михаил Погорелов. В мерцающем свете зависшей прямо над нашими головами осветительной бомбы я вижу его бледное от ненависти лицо.

Налет закончился. Город продолжал гореть, и кто-то позвал к домику, где разместился штаб полка. Домик уцелел, хотя вражеская бомба и попала в него. Стены еле держались, на полу — осколки стекла, куски штукатурки. У перевернутого стола лежал начальник штаба подполковник П. А. Федюнин. Полковой врач майор Рощин и санитары перевязывали ему ногу, пытались остановить кровь. Тут же и перебинтованный командир полка подполковник Миронов. Рана тяжелая — осколок распорол ему живот. Николай Иванович не стонал, он молча глядел на нас широко раскрытыми глазами, когда его выносили к санитарной машине для отправки в госпиталь.

Мы смотрели вслед. Вернутся ли они, наши боевые товарищи и наставники? Мы привыкли к ним, а они к нам. Командиры хорошо знали едва ли не каждого летчика, наши возможности и

недостатки, учитывали все, когда ставили задачу, формировали пары для боя, посылали группы для прикрытия своих или на перехват противника. А это много значит — знать людей как самого себя. Тогда и воевать легче и потерь меньше.

Шли дни, 4-й истребительный продолжал боевую работу. За отличное выполнение задач по разгрому группировки врага в Орловской наступательной операции (12–23 августа) многие наши летчики были награждены орденами и медалями. Указом Президиума Верховного Совета СССР Алексею Константиновичу Рязанову и Вячеславу Сергеевичу Лещенко присвоено звание Героя Советского Союза. Виктор Куницын, Михаил Погорелов, Николай Лысенко, Константин Сафронов получили ордена Красного Знамени. За умелое командование эскадрильей в боевой обстановке я был удостоен высокой чести — награжден орденом Александра Невского. Все мы восприняли это радостное известие с большим подъемом.

Понятно, никто из нас, боевых летчиков, не загордился. Мы отлично сознавали, что, облеченные доверием народа и партии, несем еще большую ответственность за четкое выполнение всех заданий командования, какими бы сложными они ни были.

Итак, надежды гитлеровцев на новую технику провалились. Советские воины быстро разгадывали замыслы противника, находили уязвимые места в его хваленых сверхмощных танках и самоходках, модернизированных самолетах и с успехом громили их. С огромнейшим упорством мы защищали и отстаивали каждую пядь нашей земли, будь то лесной поселок, станция или полустанок, понимая, что за любой безымянной высотой простираются пути на запад, туда, где ждут своего освобождения наши соотечественники, а также томящиеся в неволе оккупации народы Европы.

12 сентября последний раз сопровождаем штурмовики с этого аэродрома. Получен приказ перебазироваться на новое направление.

Счастье друга — и мое счастье

На исходе 1943-й. Этот год ознаменован выдающимися победами нашей армии, определившими ход войны. Предстоят новые бои. Три фронта — Ленинградский, Волховский и 2-й Прибалтийский — готовятся к освобождению Прибалтики. Наш полк включен в состав 185-й истребительной авиационной дивизии 11-го смешанного авиационного корпуса 15-й воздушной армии 2-го Прибалтийского фронта.

Гитлеровское командование группы войск «Север» любой ценой стремилось удержать этот район, чтобы не допустить выхода Финляндии из войны, сохранить за собой Балтийское море, а главное — надежно прикрыть подступы к Восточной Пруссии. На этом направлении были сосредоточены значительные наземные и воздушные силы, которые яростно сопротивлялись, цепляясь за каждый клочок местности, превращая его в укрепленный пункт. Было ясно: успешное наступление возможно лишь при условии серьезной, основательной подготовки.

Нам предоставлен отдых для пополнения части самолетами и личным составом. Стоит чудесная золотая осень. Вроде бы и нет войны. Деревья красуются в золотом наряде, реки, озера привлекают любителей рыбной ловли всплесками рыб. Прохладный воздух напоен ароматами сосны и ели. Тишина...

Уже целый месяц мы не летаем, и от этого еще больше устали. Профессия летчика, так же как и музыканта, требует непрерывных тренировок. Не полетал несколько дней — и руки кажутся тебе непослушными, самолет неестественно тяжелым. Летчик обязан летать и своевременно восстанавливать свое мастерство. Поэтому ждем боевого дела.

Нам, 4-му истребительному, предстоит сложная задача: перехватывать бомбардировщики противника, не допускать их в глубь расположения наших войск, прикрывать передовые части от вражеских налетов, вести воздушную разведку. Полеты начинаем 16 октября. Облетаем новый район боевых действий. Ходим звеньями в зону и по кругу, проводим учебные воздушные бои. 27 октября перелетаем из Потрасово на фронтовой аэродром

Красные Изоры, где полным ходом продолжается подготовка к боевой работе.

Погода с каждым днем ухудшается. Утром — туманы, изморось или низкая облачность. Иногда и заморозки. Вокруг шумит лес.

Самолеты на стоянках надежно укрыты под высокими елями.

Для знакомства с личным составом в полк прибыл командующий 15-й воздушной армии Н. Ф. Науменко. Обошел стоянки, поговорил с командиром полка и, довольный, улетел.

...Отмечаем 26-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции. Лучший подарок стране к празднику сделали воины 1-го Украинского фронта, освободившие столицу СССР — город Киев. На митинге командир полка зачитал приказ Верховного Главнокомандующего, поздравил нас с успехами, пожелал дальнейших побед.

Вечером получили письма. Мне опять ничего. Мои родные места на Черкасщине пока еще оккупированы фашистами. Там осталась старшая сестра Варвара с малолетними детьми. Как там они? Живы ли?

Всем полком собрались в столовой. Столы накрыты по-праздничному, настроение у всех приподнятое. После короткого праздничного доклада заместителя командира полка по политической части подполковника Ершова — взаимные поздравления, пожелания боевых успехов, здоровья и счастья после победы.

Об окончании войны, о победе в этот вечер, говорили все. Чувствовалось, что каждый ясно сознавал: личное счастье — мое и всех — полностью зависит от общей победы в войне. В самом деле, прогоним фашистов — значит, снова настанет мир, расцветет земля, поднимутся из руин заводы, города, улучшится благосостояние народа. Хотелось представить, как все это будет после победы.

Рядом со мной сидит Михаил Погорелов с женой Марией, которая приехала из Саратовского медсанбата. Они поженились, когда Михаил находился там на излечении. Сегодня их семья очень счастлива: большой праздник отмечают вместе. Молодая жена моего товарища хороша собою, веселая, ласковая, остроумная. Раскрасневшиеся лица молодоженов сияют. Михаил

шутит и смеется громче обычного. Причину такого чудесного настроения знаю только я, близкий его друг. Михаил шепнул мне на ухо, кивнув в сторону Марии:

— Ожидаем ребенка, обязательно будет сын...

— Желаю вам вырастить такого же летчика, как Михаил Погорелов, — искренне поздравляю я и неожиданно чувствую: заняло что-то в сердце.

Никогда еще так не завидовал своему товарищу, как в те минуты. «Счастливый ты, Миша, — думал я. — Если что и произойдет, от чего на фронте никто не гарантирован, о тебе останется живая память. А обо мне кто вспомнит?.. Но я искренне рад за тебя, дорогой мой друг».

После торжественного ужина под аккомпанемент баяна пели песни, вызывали на «бис» лучших певцов, танцоров. Мне тоже пришлось повторить свой небогатый репертуар. А в танцах отличились Шура Мягкова и Михаил Борисовец. Они уже не первый раз завоевывают приз за отличное исполнение «Белорусской польки».

Праздник — как бы зарядка для боя. Перед нами задача — помочь наземным войскам освободить от врага Прибалтику.

К боевой работе приступаем 10 ноября. Первый мой вылет на 2-м Прибалтийском — разведка погоды. Иду в паре с Н. Г. Лысенко. Разведка производится в сторону Локня — Новоржев.

Кое-где уже выпал снег, землю сковали морозы. Низкая облачность сплошным покрывалом окутала землю. Летим на высоте 200–300 метров. Линию фронта проходим северо-западнее Великих Лук.

Противник активности не проявляет. Все вокруг словно вымерло. Но это только на первый взгляд. У Новоржева видим большое скопление автомашин по дороге на Локню. Противник движется с севера на юг. Пикируем на колонны, бьем из пушек и пулеметов. Несколько автомобилей вспыхивают, на дороге образуется пробка. Развернувшись под облаками, уходим на восток.

11 ноября погода по-прежнему сложная. Авиация почти бездействует. Мы с Лысенко продолжаем осмотр района от Новоржева до Локни, в конце своего маршрута штурмуем станцию Локня, где обнаруживаем два эшелона с боеприпасами. Результат

удара весьма эффективен: несколько вагонов вспыхивают и взрываются. Опасаясь попасть под осколки, уходим домой.

17 ноября погода, наконец, несколько улучшается.

Облачность приподнимается, нижняя кромка ее зависает на высоте до тысячи метров.

Вылетаем на разведку в район Новосокольники с Михаилом Погореловым. Местность почти открытая, мы прекрасно видим перепаханное взрывами снарядов и бомб поле, проволочные заграждения, траншеи и ходы сообщения. На фоне недавно выпавшего снега выделяются следы танков и автомобилей.

При полете над городом Новосокольники активно заработала зенитная артиллерия противника. Пришлось увеличить скорость до максимальной. Затем — снижение, противозенитный маневр и поворот влево. На развороте смотрю — нет Михаила.

Передаю по радио:

— Развернулся влево.

Видимость плохая, может, затерялся Погорелов?

Становлюсь в левый вираж, чтобы разобраться в обстановке и подождать напарника. Сзади появляется черная точка. Подбираю обороты, жду, присматриваюсь повнимательнее... Но ведь это не он! Ко мне в левом пеленге пристраивается «мессершмитт». Вот это номер! А где же Миша?

Чтобы не попасть «мессеру» на прицел, отшатываюсь от него влево, и в этот миг он, видимо, тоже уяснив что к чему, шарахается вправо от меня. Развернувшись на сто восемьдесят градусов, со злостью бросаюсь в погоню, даю длинную очередь. Гитлеровец прячется в облака.

Вот так загадка! Может быть, этот «тихоня» и сбил Погорелова? Если нет, то где же он?! Боль и досада охватывают меня. Если сбили товарища, то вина и на мне: не увидел, не проследил, не выручил... Неужели его будущий сын так и не увидит отца? Страшно подумать.

Выполнив задачу, возвращаюсь на свой аэродром. И тут все проясняется. Оказывается, отвернув в районе Новосокольников под зенитным огнем вправо, чтобы не идти на разрывы зенитных снарядов, Погорелов увидел пару «мессершмиттов». Одного сбил, а второй — бежал.

Миша Погорелов был уже дома, стоял и улыбался.

Случаются на войне и такие нелепые случаи, не предусмотренные никакими планами и уставами. Второй вражеский истребитель, очевидно, не следил за боем. На значительном расстоянии он принял мою машину за «мессершмитт» и шел за мной, пока не сориентировался и не шарахнулся в сторону.

Агрессор остается агрессором

Конец ноября и первые две декады декабря 1943 года на нашем участке фронта прошли относительно спокойно. Авиация противника особой активности не проявляет, за исключением «рамы», которую мы никак не можем подстеречь. Погода в основном нелетная, изредка лишь ходим в разведку.

Линия фронта за это время несколько продвинулась на запад к станции Пустошка- и вновь стабилизировалась.

Вынужденная пассивность отражается на настроении людей, они скучают по настоящей боевой работе и, естественно, требуют разрешить вылет в неблагоприятных условиях.

Мы старательно чистим машины от залепившего их свежего снега. Но вот на стоянке появляется знакомая фигура заместителя командира по политической части подполковника Ершова. Лица летчиков оживляются.

— Говорят, Германия скоро запросит перемирия? — первым задает мучивший всех вопрос Лысенко. — Ведь поражение немцев очевидно? — В глазах летчика нетерпение.

— Вот как? — Ершов хмурится, молчит, затем, не спеша, отвечает: — Я не слышал таких предположений. Противник, на мой взгляд, отступает вовсе не потому, что стремится к миру и вот-вот запросит перемирия. Он не стал смирнее. Это выросла наступательная мощь и сила Советской Армии. Фашисты никогда не уйдут с захваченных ими земель добровольно. Агрессор остается агрессором, и наша задача — бить противника до полной его капитуляции.

Замполит поискал кого-то глазами, затем достал из планшета конверт.

— Наверное, нет ни одного среди вас, кому бы война не принесла горя. У одного оно больше, у другого меньше. Но каждое мы воспринимаем как свое собственное. И личное нельзя отделить от общего. Гитлеровцы, захватив наши земли, разбойничают на них, издеваются над советскими людьми. Вот послушайте, что сообщили о семье инженера эскадрильи Михаила Львовича Басса, проживавшей в Бобруйской области. Мать Михаила, сестра и два брата (у одного из них пятеро детей) погибли от рук фашистских

палачей. Не утешать тебя пришел, дорогой Михаил Львович, — обратился Ершов к Бассу. — Твою боль ничем не уймешь. Но это не только твое горе, а наше общее, горе всей нашей страны. И лучшей помощью и утешением для тебя будет решение еще крепче бить фашистских гадов, до полного их изгнания с нашей земли. А друзей у тебя и единомышленников в этом деле — весь полк, вся наша армия, весь народ.

Стихийно тут же, на заваленной снегом взлетной площадке, возник митинг. Летчики, механики высказали решимость жестоко отомстить фашистам за все зверства, чинимые ими на нашей земле, за гибель семьи Басса. Слово берет командир эскадрильи майор И. В. Шмелев.

— Дорогой наш друг и товарищ! — страстно говорит он. — Мы очень хорошо понимаем тебя. Нам известно, что ты давно стремишься переквалифицироваться на летчика. Ты и сейчас рвешься в воздух, чтобы мстить врагу. Но поверь нам всем, кто летает: мы лучше сделаем это за тебя, но с твоей помощью, которую оказываешь нам на земле. В каждом сбитом нами самолете, уничтоженном танке, орудии, считай, есть и твой личный вклад в дело победы, твоя заслуга. И пусть всегда будет исправным и безотказным оружие на наших боевых машинах.

Мы обещали решительно и беспощадно бить врага всюду, где только увидим его... Скорее бы установилась погода — и настоящее боевое дело!

После излечения в госпитале в полк прибыл и приступил к выполнению обязанностей командира Николай Иванович Миронов. 16 декабря я был вызван к нему для получения боевой задачи.

— Слушай приказ, — взял в руки карандаш и обратился ко мне Николай Иванович. — Эскадрилье следует срочно перебазироваться на передовую оперативную площадку южнее населенного пункта Пустошки. — Он обвел на карте заданную точку. — Задача: перехват и уничтожение противника на подступах к линии фронта.

Уточнив подробности, готовимся к вылету. Я волнуюсь: с сегодняшнего дня на меня возложена ответственность, определяемая характером самостоятельной работы с эскадрильей. Это большое доверие мне и летчикам эскадрильи.

Оперативная площадка, или, как ее еще называют, аэродром подскока, находится на удалении шести километров от переднего края. Она утопает в снегу, лишь для посадки и взлета укатана неширокая полоса. Мы рассредоточили самолеты по опушке леса, сами разместились в землянках, вырытых на обочине летного поля. Столовая недалеко от аэродрома — в крестьянской избе в лесу. Отчетливо слышна артиллерийская дуэль, иногда снаряды и мины ложатся совсем рядом со стоянками машин. На боевые задания взлетаем тотчас по приказу. Много времени сидим в готовности номер один прямо в кабинах. Если ходим по курсу на север, над линией фронта нас встречает ураганным огнем зенитная артиллерия противника. Зенитки бьют плотно, поочередно сосредоточивая удары то по одному, то по другому самолету.

Теряя господство в воздухе, противник до предела насытил свои наземные войска зенитными средствами. Огневые позиции «эрликонов» расположены вдоль железных и шоссейных дорог с востока на запад от Пустошки на Идрицу и Себеж. Ими «усеяны» берега речек, озер, лесные опушки, железнодорожные станции, населенные пункты. Вести с ними борьбу для нас весьма затруднительно. Пожалуй, единственно надежный способ — уходить, прибегая к противозенитному маневру по курсу, на малой высоте, со снижением на большой скорости, затрудняя таким образом прицеливание.

С оперативного аэродрома часто вылетаем на прикрытие своих войск, иногда — на их поддержку. Когда наши штурмуют передний край, мы наносим удары по противнику. Поддержка войск весьма эффективна с малой высоты, с полетом вдоль линии фронта. При этом мы выбираем цели и бьем из пушек. Фашисты отвечают нам зенитным «фейерверком». Свои очереди адресуя врагу с «посвящением». Вспоминаю Амет-Хан Султана. Его горячие, как заклятия, слова: «За Ялту! За Алушту!..» Каждый выстрел в самом деле становится прицельнее. И я кричу: «За семью Михаила! За нашего друга Басса!..»

...Вылетаем на бреющем, штурмуем позиции фашистов. Они стреляют в нас тысячами снарядов. Командую: — Все немедленно на сто восемьдесят! Разворачиваемся на свою территорию и оттуда опять делаем заход для очередного удара. Маневр

повторяем несколько раз до истечения времени поддержки. Противник, понятно, не молчит. Небо густо насыщают шапки разрывов. На крыльях, фюзеляжах появляются все новые пробоины. Возвратившись домой, обнаруживаем, что обшивка нуждается в серьезном ремонте. Самолеты — как решето. И опять, в который раз, ночь напролет наш обслуживающий персонал — техники, инженеры — «штопают» и «латают» боевые машины.

Однажды к нам прилетел командир 185-й истребительной дивизии полковник Г. Н. Зайцев. Поговорил, порасспросил и предложил:

— Слетаем в разведку, товарищ Степаненко?

— Есть слетать, — отвечаю.

Поднялись парой. Командир дивизии — ведущий, я — ведомый, курс на север, высота 200–300 метров. Пересекли линию фронта и несколько углубились на занятую противником территорию, как вдруг интенсивно заработали все зенитные средства врага, сосредоточенные на этом участке.

Полковник увеличивает скорость, и я спешу за ним. Отставать не имею права, но когда противник ведет огонь по ведущему, то попадает, как правило, по ведомому. Осколки барабанят по фюзеляжу и крыльям.

— Получил повреждение, — докладываю Зайцеву. Полковник разворачивает машину на запад, затем на юг — в сторону нашего расположения. Во время разворота «эрликаны» еще раз попадают в хвостовое оперение моего самолета. Теперь он перестает подчиняться рулям поворота и глубины. Стараюсь удержать машину в нормальном положении, но лететь становится все труднее.

После посадки мы осмотрели поврежденную машину. Хвостовое оперение ее было в плачевном состоянии.

— Вот это да!.. — произнес обескураженно полковник. — Как только долетел? Теперь я сам вижу: следует принимать меры против зениток.

Спустя несколько дней над нами появилась «рама». Это уже угрожало аэродрому налетом вражеских бомбардировщиков или артобстрелом.

Бросаюсь к самолету, запускаю мотор и взлетаю в считанные минуты. «Рама» уже засекла нас и разворачивалась на запад.

Настигаю ее и атакую снизу. После моей очереди вражеский самолет задымил и начал снижаться. Фашистский воздушный стрелок дает по мне ответную очередь, но неприцельно. Продолжаю преследовать разведчика на бреющем полете и добиваю его. «Рама» сваливается восточнее Идрицы у деревни Степашково.

Противнику все же удалось запеленговать нашу площадку. К обеду начался плотный артиллерийский обстрел. Снаряды рвались на летном поле и его обочинах. Два упали рядом со столовой, где обедал летный состав. Один пилот был убит, несколько человек технического состава получили ранения.

После артобстрела — налет авиации противника. По тревоге мы поднялись в воздух, в короткой схватке сбили три самолета врага. Однако всем было ясно: оставаться здесь больше нельзя.

С болью в сердце похоронив товарищей, мы по приказу к вечеру улетели на основной аэродром. Настроение у всех боевое. Врагу не уйти от возмездия за все его злодеяния на нашей земле.

В январе 1944 года в нашем полку случилось «ЧП». По возвращении с боевого задания погибли заместитель командира одной эскадрильи и старший летчик. Уже над аэродромом они решили отработать на малой высоте сложный пилотаж. Но, увлекшись, пилоты пренебрегли мерами безопасности и при выполнении одной из фигур не выдержали дистанции и столкнулись.

Мы искренне сожалели о гибели товарищей, но не могли одобрить их действий, хотя понимали, что они стремились к повышению боевого мастерства. Однако, избрав неверный, рискованный путь, преступили основной закон авиации — идти от простого к сложному, от сложного к более совершенному.

Небоевая потеря летчиков и машин была суровым предостережением молодым авиаторам, стремящимся побыстрее освоить сложный групповой пилотаж.

К сожалению, у молодежи это был не единственный случай, когда в воздухе принималось скоропалительное, непродуманное решение, как правило, влекущее горькие последствия.

Помню, произошло это во время прикрытия вылета бомбардировщиков в одном из боев на Курской дуге. На горизонте возникли «мессеры» и тотчас направились к нам. Наша задача —

не допустить их к охраняемым самолетам. И главное тут — не отстать от скоростных бомбардировщиков. Опытные летчики это отлично понимали, но вот молодежь, к сожалению, не всегда.

Два наших «яка» оторвались от общей группы и смело пошли на «мессеров», атакуя в лоб.

— Кто полез на «мессов»? — закричал по радио Миронов, возглавлявший полет. — Не отрываться от группы, держаться ближе к бомбардирам!

Но молодые ребята в боевом азарте ринулись за «легкой» добычей, не понимая, что идут на смерть. С боевого задания они не вернулись. Это был горький урок для всех — потеряны два молодых пилота, впервые участвовавших в бою. Нарушение дисциплины было налицо.

«Если в кабине сидит неопытный летчик, и к тому же легкомысленный человек, мало надежды на успех, тем более на что-то героическое...» — подвел невеселый итог Герой Советского Союза капитан Серeda — инспектор ВВС по технике пилотирования, прибывший в полк для проверки боевой работы.

Мастерство! Оно решает многое, это понятно всем. Поэтому пилотаж для истребителей нужен как воздух. Эти обстоятельства вызывали особую озабоченность у командования и партийной организации.

Партийное собрание проводим прямо на аэродроме, в единственном уцелевшем домике. Обсуждаем задачи коммунистов по обеспечению высокой боевой готовности, интенсивности боевых вылетов. Докладывает заместитель командира по политической части подполковник Ершов.

— На нашем счету немало побед. За годы войны пилоты полка сбили сотни фашистских самолетов. Вспомните наш боевой путь: от столицы Молдавии, Кишинева, — до Ростова-на-Дону, бои над Ярославлем и Воронежем, в небе Сталинграда и Кубани, сражения над Орлом и Великими Луками. Везде и всюду летчики демонстрировали образцы героизма и высокого летного мастерства. Анатолий Морозов, Амет-Хан Султан, Виктор Куницын, Петр Молодцов — Герои Советского Союза — проявили высшее мужество, таранив в воздухе врага. После совершенных таранов они остались живы благодаря высокому умению драться, смелости и отваге. Полк представлен к высокой награде — ордену Красного

Знамени. Наши успехи в боевых действиях неоспоримы. Но наряду с этим имеют место случаи нарушения воинской дисциплины, потери бдительности в воздухе, недооценки мастерства противника, неприкрытое стремление некоторых летчиков отличиться. Игнорируя принцип взаимодействия, они нарушают боевой порядок и стремглав бросаются в бой на превосходящего врага...

Доклад подполковника Ершова прозвучал как строгое предупреждение нарушителям, он звал коммунистов к бдительности, организованности в борьбе за дисциплину и повышение технических знаний летного состава.

Выступление заместителя командира по политической части единодушно поддержали все коммунисты полка. Было принято решение продолжать плановую учебу, добиваться усовершенствования всех элементов пилотажа, обеспечить квалифицированное руководство тренировками.

Слово взял командир эскадрильи Герой Советского Союза майор А. К. Рязанов. Опытный ас, он проанализировал случаи потери бдительности в воздухе, недооценки мастерства противника, приводившие к поражениям.

— Каждый полет, в особенности боевой, опасен, — говорил Алексей. — Но опасность значительно уменьшается, если летчик постоянно летает и совершенствует свое мастерство. Он всегда должен быть готов к любым неожиданностям, имея в запасе наиболее эффективный вариант действий. Малоопытные летчики бросаются на врага в открытую, не имея таких вариантов. А кто больше летает, тот меньше рискует. Мастерство, как правило, прямо пропорционально количеству полетов.

Отличный мастер воздушного боя, Рязанов высказывал эти советы от себя лично и от летчиков старшего поколения. В самом деле, недооценка противника, нарушение режима труда и отдыха, недисциплинированность — большое зло, изживать которое не так-то легко. Затем попросил слова Михаил Погорелов. — В воздушном бою приходится употреблять почти все фигуры высшего пилотажа, — говорил он. — Как известно, это входит в программу обучения летчиков. У нас же далеко не всегда имеется возможность потренироваться в выполнении этих фигур. Упражнения в пилотаже летчику очень нужны. Хорошо

попилотируешь — лучше чувствуешь машину, исчезает неуверенность в себе.

Погорелов высказал мысли многих из нас. Ведь разговоров об учебе у нас иногда хоть отбавляй, а возможности часто только те, что в бою. А там, как известно, применяешь фигуры вынужденно — в соответствии с маневром и действиями противника.

Коммунисты отмечали в своих выступлениях, что в условиях фронта летчики должны стремиться использовать любые возможности для совершенствования техники пилотирования: пилотаж в зоне, учебный воздушный бой, стрельбу по наземным целям. На собрании предлагалось продолжать плановую учебу, добиваться совершенствования всех элементов и фигур пилотажа под руководством квалифицированных командиров-методистов. К учебе должны привлекаться все летчики, особенно молодые. Решение собрания потребовало от коммунистов неукоснительно соблюдать строгую воинскую дисциплину на земле и в воздухе, решительно пресекать случаи отступлений от уставов и наставлений, повысить требовательность к себе и к подчиненным. Оно послужило нам, коммунистам, да и всем летчикам, хорошим уроком повышения бдительности, наведения должного воинского порядка в подразделениях, совершенствования боеспособности. Влияние партийной дисциплины на жизнь и боевую деятельность полка чувствовалось теперь, как и всегда в самые ответственные моменты, в полной мере.

Февраль 1944-го выдался снежным, частые метели мешали летной работе. Вылеты в основном начались во второй половине месяца, когда погода чуть стабилизировалась. Полк уже несколько раз перебазировался. Теперь наш аэродром отделяла от передовой лишь небольшая гряда высот. Мы слышали артиллерийскую стрельбу и даже рокот танков.

Близость аэродрома к линии фронта позволила командованию оборудовать на одной из высот наблюдательный пункт. Оттуда мы следили за появлением самолетов противника. Вылет на перехват осуществлялся теперь из положения готовности номер один по первому сигналу с НП.

Обязанности наблюдателей несложны, но очень ответственные. Нередко это дело поручали девушкам. Прилежные и исполнительные, они справлялись и с этой задачей, оказывая

большую помощь командованию и выручая механиков, всецело занятых подготовкой машин.

Тот день 24 февраля выдался на редкость ясным. На наблюдательном пункте у телефона дежурила Шура Мягкова. Полеты проходили с обеих сторон весьма интенсивно. Группы одна за другой уходили в воздух и, проведя бой, возвращались, но угроза появления все новых и новых стай стервятников оставалась, и потому готовность номер один не снималась с повестки дня.

...Сквозь окуляры бинокля Шура пристально всматривается в небо, время от времени поглядывает и на покрытое снегом озеро Орлец. По берегу его проходит наш передний край. Девушке видны изломанные линии ходов сообщения, темные холмики блиндажей, брустверы окопов. На душе у Шуры неспокойно. Там, на аэродроме, ждет сигнала на взлет младший лейтенант Степан Молчанов. Шура знает номер его машины и очень волнуется за летчика, предчувствуя, что вот-вот он появится в небе и она сможет наблюдать за его боем.

В полку известно об их дружбе. Девушка скромная, строгая, она любила Степана. Мы, его товарищи, видели, что Молчанов также всерьез увлекся ею. Вчера вечером на торжественном ужине в честь празднования Дня Красной Армии они о чем-то увлеченно говорили, и такая безграничная нежность светилась в глазах обоих, что у всех, кто их видел, теплело на душе. Когда на следующее утро Шура на машине уезжала на наблюдательный пункт, Степан долго смотрел ей вслед.

Солнце поднялось уже довольно высоко, небо по-прежнему было чистым и ясным. Вражеские бомбардировщики продолжали налеты на наш передний край, но каждую их атаку отбивали истребители.

Шура Мягкова спешно сообщила о приближении новой группы бомбардировщиков противника и увидела над своим аэродромом зеленую ракету. Вслед за ней, взблеснув крыльями, взлетали «яки».

Степан Молчанов шел ведомым у заместителя командира эскадрильи старшего лейтенанта С. М. Купаво. Серебряные машины одна за другой, как птицы, взмыли вверх, развернулись и пошли к передовой навстречу врагу. Девушка вела свой бинокль за

машиной Степана и тихо приговаривала, как заклинание, одни и те же слова» не замечая никого вокруг: «Вернись живым, Степа... Вернись живым...»

Иногда в линзы бинокля попадал самолет Купаво или «юнкерс», к которому приближалась пара. Купаво и Молчанов с ходу атаковали врага. Трассы их снарядов пересекались почти рядом. Летчики, повторив заход, догнали одного из «юнкерсов» и сбили его. На третьем заходе они разрушили боевой строй фашистов. Сбросив бомбы на свои войска, противник развернулся на запад. Но тут на наших ребят навалилась стая врагов. Четыре «мессершмитта» надели на Купаво и Молчанова.

Силы явно неравные. Два истребителя, применяя фигуры высшего пилотажа, плотно держатся друг возле друга, отчаянно отбиваясь от нападающих врагов. Вошел в штопор еще один Ме-109. Но остальные, словно осы, вьются со всех сторон. Воздух то и дело пререзают густые пулеметные трассы.

Шура опрометью бросается к телефонному аппарату, торопится запросить помощь, но с аэродрома уже взмывают в небо новые пары «яков».

Самолет Молчанова наконец выходит из боя. Его отсекают от нападающих «мессершмиттов» взлетевшие свежие пары. Степан проходит над аэродромом, но не может с первого захода попасть на расчищенную от снега полосу и идет на второй круг. Шура теряет серебристую точку из виду. Напряженно всматривается она в бездонное синее небо над горизонтом. Спустя несколько мгновений где-то за высотками вырастает черный столб. Глухие раскаты взрыва доносятся до НП. Позже станет известно, что смертельно раненному летчику не удалось справиться с поврежденной машиной.

«Я долго не могла оторвать взгляд от этого дыма. Все надеялась: вдруг самолет со знакомым номером появится с другого направления и приземлится на аэродроме... — рассказывала впоследствии Шура. — Но не дождалась...»

Степана Молчанова похоронили с воинскими почестями у села Калачево, вблизи Великих Лук, могилу украсили еловыми ветками.

Высокая награда Родины

Март выдался на редкость теплым. Снег с земли начал сходить рано, солнце пригревало все сильнее. Четко наладилась наша воздушная работа.

2 марта с утра до вечера мы прикрывали штурмовики. Все атаки истребителей противника отбили успешно, и «илы» свою задачу выполнили. 3 марта был особый день. Впервые перехватываем самолеты противника с помощью радиолокационной станции наведения «Редут». По ее наведению я сбиваю «Юнкерс-88», пытавшийся внезапно под нижней кромкой облаков проскочить в глубь нашей обороны.

Станция наведения «Редут» — это теперь наши глаза. И то, чего раньше мы не замечали, теперь отлично просматривается по всему фронту и в глубину обороны.

16 марта меняем дислокацию. Новый аэродром находится в лесу, здесь же укрытия для самолетов и личного состава. Однако вражеской разведке удалось раскрыть наше перебазирование, и противник нанес бомбовый удар. Из строя выведены три самолета, несколько человек ранено.

Затем полеты прекращаются из-за сильной распутицы. Но летчикам требуется постоянно поддерживать свое мастерство на высоком уровне. Лучшая академия — непрерывные полеты, воздушные бои.

— Не волнуйтесь, — успокаивает нас заместитель командира полка Ершов. — Мы с вами еще повоюем. Отдых человеку тоже необходим.

Дают о себе знать старые раны, и меня отправляют на лечение. Госпиталь находится в городе Вышний Волочек.

Усадив меня в маленький По-2, подполковник Миронов и полковой врач капитан медицинской службы Титов долго машут нам на прощанье ушанками: в добрый путь!

По прибытию в Вышний Волочек разыскиваю свой госпиталь. Он размещен в каком-то старинном добротном здании. В палатах чисто, уютно. На кроватях белоснежные простыни, мягкие подушки. Не верится, что где-то недалеко отсюда кровопролитная

война. О ней напоминают раненые. Их много. Лежачие, ходячие, с перебинтованными руками, ногами, головами...

После осмотра мне назначили процедуры. Операция предстояла несложная. Скорейшему излечению способствует строгий распорядок дня: завтрак, обед, ужин в определенное время. Какое это блаженство — отдых! Улегшись в чистую постель, я отсыпаюсь за все годы войны. На шутки товарищей по палате замечая:

— Лучше переспать, чем недоесть.

За годы войны приходилось спать где угодно: в скирде соломы, в землянках, под открытым небом. Спал, но и во сне ожидал, когда прошелестит снаряд или в небо взлетит сигнальная ракета — приказ на немедленный вылет...

Удивительно, но приходится привыкать... к тишине! Угнетает вынужденное безделье. Таков закон войны. Сегодня ты раненый, завтра — боец, а послезавтра — победитель, если выжил в смертельных схватках.

Известный хирург Бурденко как-то заметил: «Эту войну выигрывают раненые». В правде этих слов великая заслуга всего медперсонала Советской страны. Земной им за это наш солдатский поклон.

13 апреля — день моего рождения, исполняется двадцать четыре года. Последние приходятся на период войны. Каков мой жизненный итог? Войну начал в 21 год, на фронте без малого три. За эти годы меня шесть раз подбивали. Садился не раз на подбитом самолете, как говорят, в огонь и в воду. Трижды ранен, но оказался крепче крупновской стали. Сбил более двадцати самолетов противника. Прожито мало, но пройден длинный и тяжелый путь борьбы. Не случайно в послужном списке ветеранов каждый год войны впоследствии засчитают за три...

Выхожу в коридор, прохаживаюсь из одного конца в другой. Останавливаюсь у окна, наблюдаю, как апрель вступает в свои права. Набухли почки на деревьях. Вот-вот лопнут и раскроются, зазеленеют молодые листочки. Прилетели скворцы.

Хочется на фронт, к боевым товарищам. Как там они без меня? Думаю о своем заместителе Семене Купаво. Справится ли? Вообще парень мне нравится. Требовательный, честный, справедливый. Улыбаюсь, вспоминая Семена. Худой, высокий, он

чем-то напоминает мне генерала Савицкого. Может, своей пунктуальностью, выразительностью жестов, своеобразной манерой речи.

Мимо меня снуют врачи, сестры, санитарки, больные; хлопают, открываясь и закрываясь, двери палат. Озабоченные, занятые люди здороваются кивком головы — в госпитале все равны. Но вот опять воцаряется тишина.

Вдруг слышу негромкое:

— Вы капитан Степаненко?

Оборачиваюсь. Передо мной пожилой человек в очках — почтальон.

— Так точно.

— Вам телеграмма.

Разворачиваю листок бумаги с наклеенными белыми полосками, читаю:

«Сердечно поздравляем днем рождения и присвоением почетного звания Героя Советского Союза. Желаем быстрее выздоровления и прибытия в часть. Миронов, Ершов, Рязанов, Шмелев».

Я так и застыл на месте. Неужели это правда? Может, кто пошутил? Но сегодня не первое апреля.

Все будто переменилось вокруг, стало ярким и праздничным. Куда и девалось мое плохое настроение!

— Что там нового? — обступили меня товарищи по палате. — Может, радостные вести с фронта?

В тот день телеграмма побывала в руках многих раненых бойцов, врачей, сестер, санитарок. Меня все поздравляли, обнимали, желали быстрее выздоровления. А под вечер прилетел Николай Иванович Миронов. Подполковнику надо было пройти медицинское обследование, вот он, воспользовавшись случаем, и встретился со мной. Мы долго разговаривали, вспоминали бои, товарищей. Командир рассказывал о полковых новостях, а затем по его инициативе состоялась встреча с медицинским персоналом, на которой он рассказал о боевых делах 4-го истребительного. Ясное дело, речь шла и обо мне, что меня крайне смущало.

30 мая после излечения я прибыл в Москву, вызванный для получения ордена Ленина, Золотой Звезды и Грамоты. Впервые в

жизни посчастливилось посетить Кремль. Награды вручал Председатель Президиума Верховного Совета СССР Михаил Иванович Калинин. Никогда не забуду впечатления от встречи с этим замечательным человеком — внимательным, простым и сердечным.

В столице я провел несколько дней. Побывал в Большом и Малом театрах, посетил выставку трофейного оружия в парке культуры и отдыха имени Горького. Выставка производила большое впечатление. Подумалось о том, какую огромную ношу пронес наш народ на своих плечах, сумев преодолеть такую силу.

В столице уже не чувствовалось близости фронта. О войне напоминали разве что выставляемые на ночь войсками ПВО аэростаты заграждения.

У меня осталось еще три дня отпуска, но я решил не задерживаться — тянуло в полк, к боевым друзьям. На Рижском вокзале встретил однополчанина — капитана Алексея Цыганкова, помощника начальника штаба полка. Купили билеты до Великих Лук. Будем ехать в одном купе.

В дороге познакомились с попутчиками: девушкой Татьяной и капитаном Кулагиним. Последний сопровождал Таню в ее поездке к отцу на фронт.

Девушка понравилась нам своей прямоотой и искренностью. Мы обменялись с Таней адресами, условились писать. Не думал я тогда и не предполагал, что из случайной попутчицы Таня станет моей верной спутницей на всю жизнь.

Конец июня 1944 года прошел в больших подготовительных работах к предстоящим боям. Летчики облетывали самолеты, ходили по кругу и в зону на высший пилотаж, проводили учебные воздушные бои с молодым пополнением. Только в конце месяца началась боевая работа, как обычно, с разведки войск противника и штурмовки его скоплений на железнодорожных станциях.

В первых числах июля войска 2-го Прибалтийского фронта переходят в наступление. Наша эскадрилья вылетает на блокирование станции Идрица. Уничтожено несколько железнодорожных эшелонов с боевой техникой и боеприпасами.

Задача войск фронта состоит в том, чтобы прорвать оборону противника на идрицком направлении и разгромить идрицко-

себежскую группировку. Авиационные дивизии 11-го смешанного авиационного корпуса генерала С. П. Данилова, куда входит и наш 4-й истребительный авиаполк, призваны во что бы то ни стало обеспечить наше превосходство в воздухе и здесь, как это было у Сталинграда и на Кубани, и уничтожить гитлеровские части на рубеже «Пантера».

После удачного блокирования железнодорожного узла Идрица нас сменяют летчики 148-го истребительного авиаполка. Удары истребителей по эшелонам весьма результативны. Противник несет большие потери в живой силе и технике.

Дороги в бессмертие

В этой главе хочется подробнее рассказать о замечательных подвигах истребителей и бомбардировщиков, совершенных летом 1944 года. Речь пойдет, конечно, о тех из них, которые мне лично пришлось наблюдать.

К вечеру 3 июля перебазировемся на новый аэродром. Последним к новому месту базирования вылетел на По-2 заместитель командира полка по политической части подполковник Алексей Константинович Ершов. В последнее время авиация противника была пассивна, и потому Алексей Константинович шел без прикрытия. Неожиданно на его машину напали «мессеры». Подполковник приземлился. Оказалось, что он тяжело ранен.

Подъехала санитарная машина. Перед отправкой в госпиталь врач еще раз проверил пульс... и снял фуражку. Подполковник Ершов скончался.

Погиб замечательный человек, чуткий товарищ, принципиальный коммунист. Много сил и энергии приложил он, чтобы воспитать нас стойкими и бесстрашными сынами своей Родины, помогал достойно жить и отважно сражаться с врагом. Некоторая мягкость в отношениях с людьми не мешала ему быть требовательным, непримиримым при решении принципиальных вопросов боевой и политической подготовки, при рассмотрении упущений, недостатков в работе ответственных лиц. Все мы привыкли, что замполит не только покритикует, но и посоветует, убедит, а если появится необходимость, то и защитит.

Гибель Ершова была для полка большой утратой. Личный состав переживал ее как огромное горе. Похоронили мы Алексея Константиновича со всеми почестями недалеко от станции Лемно.

...7 июля штурмуем войска противника на дороге Суточно — Петрово. Гитлеровцы отступают, и мы наносим удары по их технике и живой силе. На дорогах в тылы возникают пробки, фашистские вояки разбегаются по лесам.

10-го сопровождаем «илы» 225-й штурмовой авиадивизии: удар по району озер Кудевер, Духново. Здесь ведет бои за

овладение городом Опочка 10-я гвардейская армия. Враг остервенело сопротивляется, огрызаясь всеми средствами.

12 июля семь Ил-2 под прикрытием четырех «яков» наносят удары по колонне противника на дороге к Опочке. Барражируем над «илами». Внизу поднимаются столбы пыли. Части противника идут на запад. «Илы» заходят первый, второй раз. Трассы огня тянутся от них к земле, обломки фашистской техники разлетаются во все стороны. Штурмовики под командованием лейтенанта И. Н. Лапшина действуют смело и эффективно, но опасность усиливается ежесекундно: если сверху вражеские истребители могут прорваться к «илам» только сквозь наш заслон, то снизу защитить их от огня зениток невозможно.

В одной из атак внезапно вспыхнула машина младшего лейтенанта А. Т. Романенко. Летчик маневрирует, стремится сбить пламя с крыльев, фюзеляжа. Однако огонь разгорается, захватывает все новые участки. И тогда Романенко резко разворачивает пылающий самолет на дорогу, по которой нескончаемой колонной тянутся вражеские войска от Новоржева к Опочке. Огненный смерч разбрасывает солдат, машины, боеприпасы по обочинам и образует на забитом людьми и техникой большаке широкую пустынную просеку.

Пилот 11-го смешанного авиационного корпуса младший лейтенант А. Т. Романенко и воздушный стрелок С. Г. Царьков даже смертью своей нанесли врагу ощутимый урон, отомстили за себя и за Родину.

Это был очередной подвиг наших славных штурмовиков, который мне пришлось увидеть воочию. Мы гордились им, он останется в нашей памяти как пример самого высокого понимания воином своего долга на войне, как образец нравственной красоты бойца, в последний миг думающего о Родине, о победе. Уходя из жизни, они завещают нам, своим друзьям, непримиримость к врагам, стойкость в борьбе, решимость и бесстрашие в схватках.

Военные будни богаты подвигами. Не каждому суждено быть зафиксированным в истории, не о каждом будут слагать песни, писать книги. Но всем им суждено вечно жить в народной памяти.

...Помогаем «илам» громить колонны врага на дорогах Лудза — Резекне, Карсава — Резекне, Резекне — Даугавпилс. На этом направлении сопровождаем штурмовики ежедневно. Точные удары

авиации помогают наземным войскам гнать врага без передышки. Стремясь удержаться, фашисты перебрасывают с других участков фронта новые силы бомбардировщиков и истребителей. Работать в воздухе становится значительно труднее.

Девятка «илов» в тесном строю выходит для боевой работы. Мы за ней — уступом на флангах и сзади. Эскадрилья майора Рязанова прикрывает штурмовики в непосредственной близости, моя эскадрилья представляет ударную группу.

Погода облачная, сверху сыплет дождь. Забираемся повыше, под облака, наблюдаем за обстановкой на земле и в воздухе. Мои подходят ближе: небо большое, таит в себе много неожиданностей.

Крайний ведомый — Валерий Шман. Этот летчик нравится мне все больше — смелый, бесстрашный, отличный спортсмен. Он молниеносно реагирует на изменения обстановки, смело атакует. Перед войной Шман работал в цирке — под куполом ездил на мотоцикле. Теперь летает под гигантским куполом неба, бьет фашистов

— Сверху шестерка «фоккеров»! — сообщает Валерий.

Наблюдаю. Гитлеровцы вытянулись пеленгом и прочесывают воздушное пространство. Они заметили нас, разворачиваются в левом пеленге. Значит, готовятся к атаке. На кого бросятся: на нас или на штурмовики?

Передаю Шману:

— Парой атаковать, оттянуть противника на себя!

Валерий стремительно бросается на «фоккеров», но два фашиста в это время атакуют нас с тыла. Ишь, что задумали! Сначала расправиться с прикрытием, а потом наброситься на штурмовики. Нет, не выйдет!

Отворачиваем всей группой и открываем огонь на встречном курсе. Заградительным поражаем три «фоккера» — один попадает под трассу моих пушек, второго прикончила пара Погорелова, третьего сбил Валерий Шман.

Несмотря на потери, остальные истребители противника упорствуют, им удастся прошмыгнуть к «илам». Но тут начеку эскадрилья майора Рязанова. Еще два стервятника врезаются в землю.

Группа Рязанова, увлекшись боем, отвернула от штурмовиков всего лишь на мгновение, когда «илы» уже подворачивали домой. Но фашисты тут как тут. Вторая четверка «фоккеров» бросается к штурмовикам.

С КП слышим голос офицера наведения.

— Почему оставляете «горбатов»? Сзади «фоккеры»!..

Быстро поворачиваем и идем на выручку к «илам», с дальней дистанции открываем огонь. «Фоккеры» снижаются и исчезают за лесом.

...Десять групп наших самолетов поддерживают наступление войск 22-й армии на город Освея. Совместный удар назначен на 9.53.

Шестеркой идем развернутым фронтом. Вся группа в одной линии и хорошо просматривается ведущим; ведомые также наблюдают ее и видят действия каждого. Удачный маневр — если противник появится с тыла, спереди или со стороны, командир разворотом всей группы на 180 градусов имеет возможность контратаковать и не дать ему воспользоваться внезапностью для атаки по нашим самолетам, замыкающим строй.

Со стороны солнца в разрывах облаков блеснули знакомые — как бы обрезанные — крылья.

— Внимание, «фоккеры»!

Фашисты приближаются на большой скорости, готовятся атаковать. Командую:

— Разворотом влево на сто восемьдесят, делай раз!

Моя шестерка в несколько секунд развернулась на противника в лобовую. Огонь на встречных курсах из шести пушек заставляет вражеские истребители отказаться от атаки. Один «фоккер» падает, но и наше положение несколько ухудшилось: потеряна высота и максимальная скорость. Преимущества в высоте и скорости сейчас решают все.

Поворачиваем на свою территорию, набираем высоту. Быстро, пока гитлеровцы не увеличили скорость, пристраиваюсь к одному «фоккеру», Виктор Куницын — к другому. Мой противник попадает в перекрестие прицела: вижу опознавательные знаки, кабину, серый, в масляных подтеках фюзеляж. Нажимаю на спуск пулеметов и пушки и отворачиваю в сторону. Пламя лизнуло самолет врага и завихрилось в кабине.

Куницын сбивает второй «фоккер». Остальные, не выдержав напряжения боя, бросаются наутек, как ошпаренные кипятком. Не нравится фашистским войскам, когда их бьют. Кончились их легкие победы.

Что и говорить, врагу уже давно не удастся разорвать наш спаянный волей командира строй, уничтожить нас поодиночке. Мы нашли верный способ защиты от внезапных атак.

26 сентября сопровождаем девятку Ил-2. Внизу на дорогах тесно — фашисты не выдерживают, отступают. Штурмовики бьют по ним из пулеметов, паника охватывает завоевателей. Вот остановились, пытаются рассредоточиться колонны автомобилей. Бомбы и реактивные снаряды — «эрэсы» накрывают их.

В воздухе появились четыре «мессера», они проносятся над нами и пикируют на «илы». Штурмовики становятся в оборонительный круг — «кольцо дружбы» — и продолжают громить наземные цели. Мы перехватываем «мессершмитты» и атакуем их на виражах, сверху над «илами». Один из фашистских истребителей, увлекшись излюбленным пике, вдруг попадает прямо в наш круг и, сбитый точной очередью, падает и взрывается в районе Вецпаебалга.

По нам перекатами бьет зенитная артиллерия, ставит вертикальные заслоны. В небе становится темно. Дела неважные. Мы, истребители, набираем высоту, штурмовики маневрируют, но попадают под дождь осколков. Один из «илов» качнулся, из него повалил дым, затем выплеснулось пламя. Линия фронта далеко, до нее не дотянуть...

— Прощайте, друзья! — слышу в наушниках.

Охваченный огнем самолет врезается в фашистскую колонну. Слепящий глаза взрыв — и путь, по которому двигались колонны, словно раскололся. Гибнут гитлеровцы, десятки автомашин разлетаются в разные стороны, все заволакивают дым и пыль.

Третий раз мне приходится воочию наблюдать героический подвиг советских летчиков, последовавших примеру прославленного Николая Гастелло. По-разному гибнут самолеты. Но герои-летчики не умирают. Они уходят в бессмертие.

Бой продолжается. Мы разбиваемся на две группы — одна прикрывает «илы», вторая отражает атаки истребителей.

Запрашиваю по радио:

— «Горбатые», когда закончите работу?

— Уже уходим, — слышу ответ командира.

«Яки» цепью вытягиваются за «илами». Один «мессер», обнаглев, пытается прорваться к ним на бреющем. Догоняю его и даю очередь. Он камнем несется вниз, но вдруг у самой земли выравнивает полет и, явно довольный, удирает. Я с досады грожу ему вслед кулаком. Понимаю: вражеский ас имитировал поражение, чтобы я не преследовал его. Этот прием врага следует накрепко запомнить и бить до тех пор, пока не развалится в воздухе.

В этом бою особо отличился Валерий Шман. Прекрасный истребитель, он уже сбил десять самолетов врага и был представлен ко второму ордену Красного Знамени.

...Миллионы людей погибли, защищая родную землю от захватчиков, совершили великий подвиг, равного которому не знает история. Мы склоняем головы перед их светлой памятью. И печаль, которая возникает при воспоминании об их героической гибели, напоминает нам о долге — быть достойными того дела, за которое они сгорели в огне жесточайшей из битв. Мы склоняем головы перед их мужеством, они навсегда для нас остаются в боевом строю.

...Настала осень. Пожелтели леса, почернели поля. Дороги от частых дождей разбухли, наполнились водой. Погода ухудшилась, затруднив и полеты.

Наши войска продолжали наступательные действия, теснили врага в направлении Риги. Мы ежедневно вылетали на боевые задания, взаимодействуя со штурмовиками, прикрывали их. Но даже в этих условиях все свободные вечера в полку использовались для учебы и отдыха.

Как-то на полевой аэродром прибыли московские артисты. Прилетел и командир корпуса генерал Степан Павлович Данилов.

Мы горячо аплодировали каждому выступлению мастеров искусств. Удивительное явление. Час отдыха будто прибавил нам энергии и сил. Всем нам нравились новые фронтовые песни, стихи, которые привезли артисты.

После концерта в столовой исполнялись сольные номера, звучали песни. Мы подпевали, как могли. Потом Степан Павлович сказал:

— Подождите, товарищи. У нас есть и свои певцы. Послушаем?

— С удовольствием! — зааплодировали гости. — Просим фронтовых коллег.

Пели мы с воодушевлением и очень даже, по-моему, неплохо.

Дорогие мои земляки

Уже несколько недель стоит нелетная погода, и синоптики не обещают скорого улучшения. Отдыхаем, а по правде сказать — скучаем.

Как-то меня вызвал командир полка и говорит:

— На фронте сейчас затишье, и есть возможность, если вы не против, съездить в кратковременный отпуск. Говорите — куда и получайте проездные документы.

— Конечно, не имею возражений, товарищ подполковник... — обрадовался я.

— Тогда завтра вперед, на восток.

И вот я снова в Москве. На улицах уже почти нет укреплений, завалов, мешков с песком. Исчезли «ежи» и железобетонные надолбы. В городе, как всегда, строгий, деловой ритм жизни. Гитлеровцы уже не мечтали о захвате нашей столицы, но могли нанести удар с воздуха, поэтому везде дежурили зенитные подразделения, стояли орудия и аэростаты заграждения, высоко в небе кружили истребители, по ночам по-прежнему соблюдалась светомаскировка. Отряды ПВО и дружинники четко несли свою службу.

С волнением подхожу к Шмидтовскому проезду, здесь живет моя знакомая Таня. Вот и нужный дом. Нажимаю на кнопку звонка. Дверь открывает Татьяна. Они с матерью приняли меня как родного. Однако задержаться в Москве надолго я не мог: спешил в родное село Нехайки.

Поезд останавливается на станции Кононовка. Выхожу из вагона, оглядываюсь вокруг: от вокзала осталось лишь название, все разрушено гитлеровцами, сожжено. Небольшой сарайчик служит теперь пристанищем для пассажиров и железнодорожников.

Поодаль обнаруживаю подводу.

— Куда направляетесь? — спрашиваю ездового — пожилого колхозника в изношенной армейской шинели.

— В Шрамковку. А вам куда?

— В Нехайки...

Ездовой глубоко затягивается дымом самокрутки:

— Садитесь, подвезу к заводу, а там уж как-то доберетесь...

В пути расспрашиваю, как живется.

— Отстраиваемся. Завод уже работает. Вы, наверное, в курсе, что это значит для здешних. Люди перебиваются с хлеба на воду. Хозяйство ведь гитлеряками разграблено...

Директор Шрамковского сахарного завода Сергей Данилович Мирошниченко радушно встретил фронтовика. В одном из цехов, которые он мне показал, к нам подошла пожилая женщина:

— Скажите... Если вы с фронта, то, может, знаете: скоро ли кончится война?

— Какого точно месяца и числа закончится, не знаю. Но уже скоро. Противник не тот, что был... Сломали ему хребет.

— Раз хребет сломан, то уже не поднимется, — авторитетно добавляет колхозник, который привез меня из Кононовки.

В Нехайки я приехал неожиданно, но долго ли собираться людям в селе! Приходили знакомые и незнакомые, поздравляли с прибытием. На следующий день я пошел в бригады. И везде один самый важный для всех вопрос: когда же конец войне?

В числе первых меня посетил колхозный конюх Константин Устимович Тищенко.

— Вон ты какой стал, Ванько! — обрадовался старик. — Настоящий герой. Значит, даешь фашистам жару..

— Гуртом воюем, отец. Один в поле не воин. Так и в небе.

— Так-так... А мы тут как-то вспоминали... Помнишь, как искали жеребенка?

— Разве такое забудешь? Тогда вы меня выручили... Мы с Иваном Наталенко, таким же мальчишкой, как и я, пасли колхозных лошадей. Кто не ходил в ночное, тому трудно представить романтику этого занятия. Насобираем, бывало, сухого пырея, стеблей прошлогоднего подсолнуха, сухой травы, разложим костер. В темноте взлетают вверх тысячи искр. Мы сидим, подбрасывая понемногу топливо в огонь, а он словно проглатывает все. Где-то рядом в темноте кони жуют траву, фыркают иногда, ржут, будто переговариваются между собой, и мы угадываем по тем звукам, где какая пасется лошадь.

Ночь коротка, а ко сну клонит. Под утро иногда и задремлешь. Так случилось и в тот раз. Проснулись — и стремглав к лошадям. Они пасутся спокойно. Однако не досчитались мы одного

жеребенка. Где ему деваться? Оббегали вокруг все поле, рвы, заросли. Нет, и все тут.

Рано утром на пастбище пришел Константин Устимович.

— Ну, как тут у вас дела, герои?

— Плохо, дядя Костя, — сознались мы. — Пропал лошаденек.

— Который это?

— От чалой.

— Так... — протянул дядя Костя. — Неважное дело. И нигде его нет?

— Искали всюду. Пропал.

Он подумал, скрутил сигарку, прикурил ее от тлеющего в пепле уголька.

— Может, слышали, — затаился дымом и причмокнул, — не проезжала ли тут подвода?

— Будто не проезжала, — сказал Ванько.

— В том и дело, что проезжала. Когда я шел, видел свежую колею. Жеребенок привык к цокоту телеги. Наверно отбился от матери, а заслышав цокот, побежал за возом.

Дядя Костя не сердился, не кричал на нас. Он посадил меня на гнедого, сам сел на чалую, от которой сбежал жеребенок, и мы поехали по следу телеги. Когда приближались к подворью колхозной бригады соседнего села, на встречу чалой кобыле бросился наш жеребенок...

Двое суток отпуска промелькнули так быстро, словно их и не было. Снова еду на телеге в Кононовку, и опять, как и шесть лет тому назад, полсела машет мне платками, картузами, пока подвода не выкатывается за холм и деревня не исчезает из виду.

Оставляя родное село, я думал о том, какая нелегкая доля выпала моим односельчанам. От зари до зари трудились они, поднимая свое, завоеванное такой дорогой ценой коллективное хозяйство. И когда, наконец, достаток стал входить в каждый дом, пришел враг и испепелил нашу родную землю, молодежь угнал в рабство. Когда-то снова в их дома войдет радость?

Издали до меня донесся гудок паровоза и как бы стряхнул горестные раздумья.

...В Москве на обратном пути сделал короткую остановку, и мы с Татьяной зарегистрировали свой брак. Теперь Таня — моя жена. Скромно отметили это первое семейное торжество. Правда,

отсутствовал отец невесты — начальник инженерных войск 22-й армии полковник Аркадий Яковлевич Фурашов. Он был на фронте.

Вот как бывает иногда: случайно пересекутся пути-дороги двух людей и уже не расходятся никогда.

Необъятно, как небо

Даже в мирное время личный состав воинских подразделений не бывает постоянным, а тем более не бывает такого постоянства на войне. В течение четырех лет у нас сменилось немало летчиков, инженеров, техников. Одни погибли в жестоких боях, другие ушли на повышение. Летный состав не раз обновлялся почти полностью, и командирам для поддержания высокой боевой готовности полка приходилось много и упорно работать, трудиться. Мы, ветераны, продолжали боевую работу.

В моей памяти навсегда запечатлелся образ командира корпуса генерал-майора авиации Степана Павловича Данилова, авиационного начальника — лучшего из лучших, героя воздушных боев в небе Испании и Халхин-Гола, еще до Великой Отечественной войны удостоенного высокой награды — Золотой Звезды Героя Советского Союза. Сколько часов провел в воздухе генерал-майор, сказать трудно. Но летал он много и обладал огромным опытом, которым щедро делился со всеми, кто в этом нуждался. От нас командир неукоснительно требовал думать, анализировать свои действия. Нередко созывал конференции, семинары, на которых лучшие летчики обменивались новыми, эффективными способами ведения боя. Вместе с нами, младшими и средними командирами, обсуждал предстоящие задачи, вникал во все мелочи, считая своим высшим долгом заботу о росте мастерства подчиненных. В этом он видел залог победы и гарантию сохранения жизни каждого пилота.

Характерной чертой С. П. Данилова была душевная близость с нами, рядовыми авиаторами, знание психологии людей. Непосредственное общение его с летчиками давало возможность многое заимствовать у него и у более опытных товарищей, а ему быть в курсе настроений и чаяний своих подчиненных, четко видеть уровень их подготовки, безошибочно определять подходы к решению задач более широкого масштаба. Принято так считать, что чем выше поднимается военачальник по служебной лестнице, тем больше отдаляется он от рядового солдата. Рядовой солдат в авиации — это летчик. К чести генерала Данилова надо сказать, что он, будучи командиром дивизии, а затем и корпуса, с успехом

преодолевал этот «служебный барьер», всегда был прост и доступен, будто стоял с нами на одной ступени, хотя на его плечах к тому времени лежало управление большим авиационным соединением.

Генерал Данилов знал каждого летчика лично, как говорят, «в лицо». Неустанно следил за всеми — опытными асами и молодежью. Не терпел зазнайства, халатности, безответственности в любом деле. За нас переживал и волновался, как отец. Не раз напоминал о необходимости быть осмотрительным в бою. Не любил давать наставлений, а свою тревогу обычно скрывал за шуткой.

Думается, об этом я могу сказать с полным правом, поскольку не раз чувствовал на себе товарищеское внимание командира корпуса, видел его душевную заботу о рядовом составе авиаторов.

В расположении полка генерал-майор Данилов и начальник штаба корпуса полковник Бугаенко бывали довольно часто. В нашей повседневной жизни их интересовало буквально все: особенности последних боев, морально-боевые качества летчиков, их самочувствие, настроение. Это не было официальным знакомством командира и начальника штаба корпуса с командиром эскадрильи, своим подчиненным, а обычная, рядовая беседа.

Вот он подошел ко мне на стоянке самолета, поздоровался, взял под руку, и мы пошли рядом. Расспросив о последних полетах и встречах с противником и осведомившись, не было ли отказов двигателя и вооружения, генерал продолжал:

— Видно по всему, войне скоро конец. У меня горячее желание, Степаненко, чтобы в оставшееся время тебя не сбили фашисты. Они ведь чувствуют свою погибель и звереют окончательно. Идут на всякие подлости. Не попадись, комэск, в ловушку, будь осторожен. Главное, не горячись...

Беседы, предупреждения, обращенные к нам, не были новостью. Но от спокойного голоса командира, от его душевности и заботы тепло на сердце. И мы удваивали, утраивали свои усилия и в бою, и в учебе.

...В конце сентября 1944 года самочувствие Николая Ивановича Миронова ухудшилось, давали о себе знать последствия осколочного ранения в живот. Подполковника срочно

отправили в госпиталь. Полк принял новый командир Герой Советского Союза майор А. М. Марков. Невысокого роста, строгий и настойчивый, Александр Маркович умел и любил летать. За мужество и отвагу, проявленные в боях на Карельском перешейке, он был в апреле 1940 года удостоен звания Героя Советского Союза. Позже учился в Военно-воздушной академии командно-штурманского состава ВВС, но годы учебы прервала война, и он, боевой летчик, ушел на фронт. Командовал звеном штурмовой авиации, был ранен, снова вернулся в строй, командовал эскадрильей, учился сам и учил других. Военно-Воздушные Силы Красной Армии пополнялись более совершенной авиационной техникой, и Марков с успехом осваивал новые модели истребителей. Постоянная учеба была его жизненной потребностью.

— Боевое мастерство необъятно, как небо, — говорил Александр Маркович, — но мы обязаны объять его.

Жизнерадостный, общительный, он часто советовался с командирами эскадрилий, уважал их и ценил, как основных помощников в боевой работе.

Войска 2-го Прибалтийского, преодолевая Лубанскую низменность, болота и непроходимые топи, стремятся вперед. Сентябрь дает о себе знать — почти ежедневно льют дожди. С раскисшего грунта трудно взлетать, однако мы работаем. Недавно полк пополнился новыми самолетами и молодыми летчиками. Накапливаем силы для решительных ударов. Освобождение Прибалтики не за горами.

Как всегда, все свободное время Александр Маркович отдает учебе. И сейчас, перед тем как начать новые бои, командир полка решил лично проверить, на каком уровне поддерживается техника пилотирования.

Облака плыли высоко, дул свежий ветер. Полосатый матерчатый конус — указатель направления ветра — развевался поперек линии старта. Несмотря на неблагоприятную погоду, командиры эскадрилий поднимались в воздух и четко выполняли фигуры высшего пилотажа.

В небе майор Алексей Рязанов. За оглушительным гулом двигателя не слышно голосов молодых летчиков, но по их лицам видно — ребята в восторге от мастерства комэска.

За Рязановым взлетает Шмелев. «Борода» ничем не уступает Рязанову. Его машина вертится в небе, словно «волчок», пикирует вниз, взмывает вверх, описывает крутые виражи и вертикальные фигуры. А на финише прижимается точно к посадочному знаку «Т».

Третьим поднимаюсь я.

Когда проверочно-показательные полеты командиров эскадрилий закончились, Марков построил личный состав и сказал:

— Товарищи, завтра боевая работа. Результаты проверки готовности командиров эскадрилий удовлетворяют меня. Считаю, что летчики тоже не подведут, не отстанут от своих командиров.

— Так точно! — отозвался из строя высокий, богатырского сложения летчик — младший лейтенант Масленников.

— Выполним любое задание, товарищ командир, не сомневайтесь, — поддержали остальные.

Спать легли рано. С постели нас подняла команда адъютанта эскадрильи старшего лейтенанта Султана Агзамова. На дворе еще только серело. После завтрака и осмотра самолетов начальник штаба майор С. И. Донин построил личный состав полка.

— Товарищи, — обратился к нам Марков. — Враг на нашем направлении упорно сопротивляется. Наша задача — вместе с наземными войсками не дать фашистам закрепиться в столице Латвии, освободить ее, не допустив разрушений. Теперь мы ежедневно будем сопровождать штурмовики, осуществляющие удары по войскам противника на подступах к городу. Довожу до сведения, что гитлеровцы перебросили на это направление свежие силы истребителей из эскадры «Удэт».

Командир объявил боевой порядок полка:

— Я полечу в группе непосредственного прикрытия с эскадрильей майора Рязанова. В ударной группе — эскадрилья капитана Степаненко. Обе эскадрильи не допускают истребителей противника к нашим штурмовикам... Эскадрилья майора Шмелева находится в резерве в готовности номер один. Задача — наращивать бой и прикрывать посадку на своем аэродроме. Вылет для сопровождения по зеленой ракете.

Командиры эскадрилий доводят поставленную задачу летному составу. Уточняем, как держаться в боевом порядке, как лучше выполнять маневр, перестраиваться, кто первый атакует, кто

прикрывает атаку. От того, как все мы осознали свою роль и способы ее выполнения, зависит очень многое. Однако это лишь примерная схема действий, основное будет решаться там, в небе. На земле всего не предусмотреть.

Предстартовые минуты... До предела напряженные, решающие. Летчик, в высокой степени сознающий свою личную ответственность перед народом и Родиной, обычно в такие минуты тревожится прежде всего за исход боя. Доминируют оптимизм, вера в свои силы, все же где-то глубоко в душе временами возникает страх. Он дает о себе знать до взлета. Когда летчик начал работу, ему уже некогда думать о чем-то другом. Вступают в силу иные чувства, стремление встретить врага во всеоружии.

Как солдат, многократно смотревший смерти в лицо, могу с полным основанием сказать: страх — естественное чувство, но усилием воли человек может одержать над ним верх и сознательно, по зову долга выполнить любой приказ Родины, каким бы трудным тот ни оказался. Постепенно чувство страха все больше сменяется уверенностью в своих силах. А это уже прочная предпосылка к тому, чтобы выдержать огромные психологические нагрузки и не дрогнуть в бою.

Все мы, авиаторы, хорошо знаем: человек, способный снять с себя чрезмерное нервное напряжение, умеющий не терять самообладания при самых опасных обстоятельствах, всегда будет уверенно вести бой.

...В воздух взвилась зеленая ракета. Первой взлетает пара комполка, затем идет на взлет эскадрилья Рязанова.

Звенья ведут Валерий Шман и Виктор Куницын. За ними выруливаю и я с ведомым младшим лейтенантом Александром Куликовым. Второе и третье звенья ведут лейтенанты Николай Лысенко и Андрей Никонов. Ведомые — молодые летчики младшие лейтенанты Николай Андреев, Борис Телегин, Петр Масленников, Николай Зяблинцев, Петр Поночевный, Виктор Богомолов.

На горизонте показались восьмерки наших штурмовиков. Пристраиваемся к ним. Моя эскадрилья в верхнем ряду.

Внизу видна Даугава, река делит Ригу на две части. Отблески утреннего солнца играют на волнах. Вдали, на западе, гряда темно-серых облаков. Черные дымы встают над линией фронта,

застылают передний край. Там идет бой, видны танки и мотопехота.

Линия фронта встречает нас тысячами разрывов зенитных снарядов. Штурмовики маневрируют, командир их основной группы приказывает:

— Увеличить скорость! Цель перед нами. Атака!

«Илы» сначала бьют по артиллерии и танкам «эрэсами», потом строятся в круг и накрывают их бомбами.

В это время с востока на нас набрасывается группа «фоккеров». Командир полка командует:

— Отобразить атаку «фоккеров», не допускать их к «илам»!

Затем круто разворачивается на атакующих и дает длинную очередь. Один фашистский самолет, охваченный пламенем, падает. Мы вышли из-под удара разворотом на сто восемьдесят градусов и оказались над противником. Видим, как ФВ-190 проскочили вниз под «илы». Выполняем разворот всей группой и на выходе из атаки перехватываем самолеты противника. Мне хорошо виден крайний «фоккер». Он потерял скорость и растет, увеличиваясь, в моем прицеле. Мелькают кресты, пауки свастики. Посылаю длинную очередь. Фашистский самолет разваливается в воздухе, часть его крыла проносится прямо передо мной.

Звенья Никонова и Лысенко наваливаются на фашистские машины, ушедшие вниз, преследуют их. Приходится вернуть ребят в строй. «Илы» тем временем образуют защитный круг и продолжают «обработку» цели. Сверху, построив над «илами» купол, «яки» под командованием Рязанова отбивают атаки ФВ-190.

Первая атака «фоккерам» не удалась, именно поэтому они не проявляли особой активности и носились по внешнему обводу, ожидая случайной добычи: а вдруг кто-нибудь зазеваётся, на какой-то миг потеряет скорость или осмотрительность.

Четверка ФВ-190 проскочила мимо машины Маркова. Предупреждаю его: «Сзади «фоккеры»!» Подполковник круто бросает «як» на врага, но поздно: еще одна четверка «фоккеров» свалилась откуда-то сверху, ударила по нему и исчезла. Очередь пришлась по левому крылу и кабине. Мы бросились на гитлеровцев, но те уже скрылись.

Оглядываюсь на своих ведомых. Крайний слева — самолет младшего лейтенанта Артемьева — клонится на крыло, дымит,

теряет скорость и падает.

— Прыгай, чего медлишь! Да прыгай же! — повторяю приказ.

Для меня совершенно ясно: машина уже неуправляема. Самолет идет к земле и взрывается.

«Илы» выполнили задачу и на бреющем возвращаются домой. Избитые, израненные зенитным огнем, они еле двигаются на фоне зеркальной глади Даугавы. Мы отбиваем одну за другой упорные атаки врага. Горючее уже на исходе, и без помощи с аэродрома нам не обойтись.

На подлете к месту базирования встречаем, наконец, смену — эскадрилью майора Шмелева. Противник получает мощный отпор и ретируется на запад.

«Як» командира полка садится на фюзеляж, шасси не выходит. Очевидно, повреждена воздушная система. Я приземляюсь рядом с ним. Вижу царапины и ссадины на лице Александра Марковича. Сосредоточенный, он спешит на командный пункт.

На разборе А. М. Марков подвел итог боевого вылета:

— Сегодня задача по прикрытию группы штурмовиков выполнена. Но не обошлось без потерь. Погиб замечательный молодой летчик Георгий Артемьев. Досталось и мне... — Подполковник обвел нас внимательным взглядом. — Причина одна: мы ослабили осмотренность в групповом бою. За промахи и расплатились. Враг использовал наши ошибки. Учиться осмотренности следует не от случая к случаю, а постоянно и серьезно. Мы обязаны видеть противника не тогда, когда он уже атакует, а на далеких подступах, чтобы успеть сманеврировать, изготовиться к бою. Командирам эскадрилий приказываю организовать занятия по обучению осмотренности. Я тоже буду принимать в них участие.

Да, боевое мастерство поистине необъятно. Кажется, многому уже научился, есть у тебя и опыт, и победы. А завтра, в следующей схватке, словно снег на голову — опять какой-то изъян, ошибка, неудача. Значит, воюй и учись! В этом залог твоих успехов, удачи твоего подразделения, части, гарантия жизни твоей и подчиненных. В воздухе требования к летному мастерству одинаково высоки, но командир обязан быть на голову выше своих подчиненных.

Это как никто понимал и к этому стремился Герой Советского
Союза А. М. Марков.

Под нами — Рига

Первый осенний месяц 1944 года был ознаменован выходом Финляндии из войны. 19 сентября представители Финляндии подписали в Москве соглашение о перемирии. Это была большая победа на одном из ответственных направлений. Но в руках у гитлеровцев еще находилась значительная часть территории, прилегающей к Балтийскому морю. За нее противник держался, как говорят, зубами.

Гитлер не случайно отдал приказ удерживать столицу Латвии во что бы то ни стало. Рига была не только крупным морским портом и железнодорожным узлом, она символизировала целостность и независимость Латвийской Советской Социалистической Республики, незадолго до войны вошедшей в состав СССР.

В первые дни наступления на Ригу войскам 2-го Прибалтийского фронта пришлось довольно туго. Только мощные удары артиллерии и авиации на участке прорыва между Эргли и Плявиняс дали возможность 17 сентября 22-й и 3-й ударной армиям, действующим совместно с 5-м танковым корпусом, прорвать передний край и продвинуться в глубь обороны противника. Войска фронта при поддержке авиации протаранили оборонительный рубеж «Цесис» На пути к Риге.

Решающую роль в освобождении столицы Латвии играл 3-й Прибалтийский фронт, задача которого состояла в том, чтобы нанести удар главными силами из района Сангасте в направлении Валмиера — Рига.

Одновременно он должен был развернуть наступление навстречу войскам 2-го Прибалтийского фронта, действующего во взаимодействии с другими Прибалтийскими фронтами севернее реки Даугава. По южному берегу наступал 1-й Прибалтийский, нацеленный на юго-западный район столицы.

24 сентября Ставка Верховного Главнокомандования приняла решение о перемещении главного удара на мемельское направление. Командующий 2-м Прибалтийским фронтом получил приказ: не приостанавливая продвижения севернее Даугавы, к 3 октября перевести 3-ю ударную армию генерала М. Н. Герасимова

и 22-ю армию генерала Г. П. Короткова на южный берег реки. Осуществлять удар на этом фланге помогает 130-й Латвийский стрелковый корпус, входящий в состав 22-й армии. Корпус должен действовать в обход Риги с юга, перерезать дорогу Елгава — Рига и выйти с юго-запада в тыл фашистам. Летчики 15-й воздушной, армии поддерживают войска фронта, прикрывая их от ударов авиации, и ведут воздушную разведку.

Мы готовились к взаимодействию с наземными частями, сопровождению штурмовиков и проведению разведки. Изучив план столицы Латвии по карте, старались как можно подробнее уяснить ее вид с воздуха, запомнить характерные ориентиры: планировку кварталов, площадей, парков.

Нашли на карте Рижскую ратушу. Неплохой ориентир. Затем подобрали и проиграли различные варианты взаимодействия со штурмовиками, между собой, с наземными войсками. Беспокоило одно: как различать своих в городе.

— Бои пока идут на подступах, — сказал командир полка. — Как только наши войдут в предместье, они должны обозначить себя белыми полотнищами и сигнальными ракетами зеленого цвета.

— Не запоздали бы... — заметил Куницын.

— Думаю, все будет в порядке, — успокоил нас Марков. — Все, кому положено, оповещены.

Перед наступлением состоялось партийное собрание. На повестке дня — задачи коммунистов в боях за освобождение Риги. Доклад сделал заместитель командира по политической части майор Егорьичев. С предложениями, как лучше организовать взаимодействие с наземными войсками и подробнее изучить незнакомые районы города и Рижского залива, выступили коммунисты.

Первым попросил слова майор Шмелев. Он кашлянул, затем машинально погладил бороду и повернулся к молодым летчикам. Видно было, что его слова адресованы прежде всего им.

— Вот что я думаю, ребята, — начал он не спеша. — После Сталинграда мы ведь, по сути, и не воевали над большими городами. Хочу, чтобы меня правильно поняли. Город-то какой красивый! Сталинград фашисты в щебень превратили, а этот — не

успели. Уберечь бы нам Ригу... Вношу предложение: избегать обстрела жилых зданий.

Его поддержали в своих выступлениях майор Рязанов, капитан Погорелов, другие летчики и командиры эскадрилий.

Решение партийного собрания гласило: коммунисты должны показывать в каждом бою личный пример, проявлять храбрость, мастерство, вести за собой комсомольцев и беспартийных. Участвовать в доведении задач личному составу полка, разъяснять военное и политическое значение освобождения столицы Латвии от фашистских захватчиков. Формулировки привычные, но они напоминали коммунистам многое из уставных и служебных обязанностей: быть в авангарде, храбро сражаться с противником, не давать ему передышки ни днем, ни ночью.

Утром 10 октября бегу к командиру полка по вызову.

— Полетите на разведку Риги. Осмотрите дороги, мосты, залив, побережье. Учтите: всюду усиленная противовоздушная оборона... Данные следует передать как можно быстрее.

— Задачу понял. Разрешите выполнять?

— Желаю успеха.

Мой ведомый — летчик Куликов. Средняя облачность нам способствует. Идем под нижней кромкой, маскируемся облаками. На севере в междуречье Даугавы и Гауи нас обстреливают с земли «эрликоны». Быстро обходим одну опасную зону, вторую, третью. Впереди их еще немало. По нам бьет крупнокалиберная зенитная артиллерия. Маневрируем среди разрывов. Внизу показался Рижский речной порт. Выглянувшее из-за облаков солнце щедро золотит синюю речную гладь. В порту теснятся большие корабли.

Огибаем Ригу с юго-запада. На дороге в Тукумс масса танков, автомобилей. С южной стороны города видны леса. Надо бы снизиться, определить с близкого расстояния, что в них. Но терять высоту рискованно. Каждую секунду враг может воспользоваться любой нашей оплошностью. Левее патрулирует четверка ФВ-190. Вспоминаю предупреждение командира: в бой с противником не вступать. Маскируемся в нижней кромке облаков.

Под нами дорога Рига — Огре. Автомобили, тягачи, танки движутся то очень медленно, то вдруг обгоняют друг друга. Летим на восток. Сплетение дорог здесь гуще. В разных направлениях тянутся повозки, автомашины, видны и люди — местные

крестьяне. Кое-кто, завидев красные звезды на крыльях машин, останавливается, машет нам руками.

На бреющем осматриваем подступы к городу с востока: обычная «предоборонная» обстановка. Все в предельной готовности, напряжении. Инженерные сооружения, боевая техника одеты в свежую маскировку. Противник укрепляет свою оборону паутиной колючей проволоки, минными полями, траншеями и ходами сообщения. Видны солдаты, роющие окопы и щели. Рядом с ними — серые холмики свежего грунта.

Наконец позади остался прощальный «салют» зенитных снарядов. Под нами виден передний край советских войск. Готовится решающий штурм по врагу. Во всем видны спокойная уверенность наземных частей и чувство превосходства над неприятелем. Об этом свидетельствует даже небрежность в маскировке: техника стоит открытая, очень мало укрытий и для людей.

На юге войска 1-го Прибалтийского фронта уже вышли к Рижскому заливу. Танки генерала Баграмяна оттеснили врага от Тукумса, расширяют прорыв, приближаются к городу с юга.

После посадки докладываю командиру полка о результатах. Он скрупулезно записывает все в блокнот для доклада командиру 185-й истребительной авиадивизии полковнику Зайцеву.

На следующий день прикрываем наших товарищей — штурмовиков, которые наносят удар по скоплению противника на дороге Рига — Тукумс, обеспечивая продвижение своих частей. Группа, ведомая старшим лейтенантом Иваном Лапшиным, наносит сокрушительные удары по колонне «тигров». Крыло в крыло с нами истребители 148-го полка. Их возглавляет капитан Владимир Щербина, замечательный, человек, смелый летчик.

Дорога Кемери — Тукумс заполнена фашистами. Штурмовики разворачиваются вправо и бьют «эрэсами», затем бомбят. Внизу возникает паника: фашисты в поисках спасения мечутся по обочинам, прыгают в канавы, рвы, воронки. Из-за облаков выскакивает пятерка «фоккеров», но проходит стороной, не заметив нас под нижней кромкой. В наушниках слышен голос генерала Данилова:

— Степаненко, внимание! Левее «фоккеры»!

— Вас понял.

Разворачиваю нашу четверку Степаненко — Куликов, Погорелов — Масленников. Идем влево, наперерез атакующим. Штурмовики Лапшина строятся в круг, готовятся к отпору, бьют из турельных установок. Мы помогаем атакой с ходу.

Скорость на пикировании неумолимо возрастает. Создается впечатление, будто не мы идем на сближение с противником, а он с нами. Не проскочить бы! Главное — прицеливание. Вижу в перекрестии прицела — «фоккер». Земля быстро набегаёт на меня. Пора!.. Прицельная очередь приходится на фюзеляж стервятника.

Вывожу машину над лесом, позади меня встает столб черного дыма.

На выходе из пикирования Погорелов и Масленников поджигают второй самолет противника.

Фашистские истребители забирают резко вверх. Небо, как море: ни конца ему, ни края. Над нами облака. Это плохо, так как противник может использовать их для внезапной атаки. Пара старшего лейтенанта Валерия Шмана атакует «фоккеры». Один из них, воспламенившись, падает.

В небе снова спокойно, если не принимать во внимание густые разрывы снарядов «эрликонов».

Группа штурмовиков под командованием Ивана Лапшина поворачивает домой. Сопровождаем их и идем на свой аэродром. Волнение спадает, но окончательно оно исчезнет, лишь когда поставим самолеты в капониры.

Поддерживая войска 2-го Прибалтийского фронта, авиация 15-й воздушной армии наносит удары по фашистской обороне на участках прорыва 5-го танкового, 15-го и 19-го гвардейских стрелковых корпусов. Одну за другой противник сдает позиции и отступает. Самолеты непрерывно бомбят и обстреливают колонны войск и техники врага, нескончаемой серой лентой потянувшиеся на северо-запад.

«На колесах» в эти дни находится и КП командира 14-го смешанного авиационного корпуса генерала Данилова. Для лучшего взаимодействия с наземными частями на наблюдательные пункты командующих 10-й и 22-й гвардейских и 3-й ударной армий выделены представители от штурмовых и бомбардировочных соединений. Командиры стрелковых и

танковых корпусов уже познакомились со «своими» ведущими групп штурмовиков, истребителей и бомбардировщиков, действующих соответственно в их полосе наступления.

Помню, в эти дни во фронтовой газете «На страже Родины» было напечатано письмо пехотинцев, адресованное нам, авиаторам. Приведу его полностью.

«Я хочу, — писал от имени своих товарищей ефрейтор Павлюченко, — чтобы мое письмо прочитали летчики. Пусть знают, что о них говорит пехота, которая отвоевывает с жестокими боями захваченную врагом советскую землю.

Проходил у нас последний бой. Фашисты закрепились. Их надо было вышибить с каждой высотки, из каждого леса. Артиллерии и минометов у фашиста очень много. Нам следует прорвать оборону и двигаться дальше, вперед. Утром слышим — моторы гудят, летят наши самолеты. Считаем: десять, двадцать... Идут и идут. На сердце радостно стало, хоть «ура» кричи. Гитлеровцы начали бить из зениток, но разве советских летчиков остановишь?!

Дали они жару фрицам! Тут у нас такое настроение стало. Скорее бы вперед. И всегда так: как наши самолеты появляются, они нам будто силы прибавляют...

Летчики, конечно, не всегда видят свою «работу». А мы проходим и все замечаем. Мы видим и орудия подбитые, и врагов мертвых. Вот это работа! Вот это летчики — молодцы!.. Идешь и знаешь, что тебя поддержат, что летчики с воздуха обязательно помогут...»

В той же газете был напечатан и наш ответ боевым побратимам.

«...Похвалу считаем для себя высшей наградой. На войне благодарность друга превыше всего.

Вчера истребители под командованием лейтенанта Куницына вели групповой бой с ФВ-190, истребителями врага, которые пытались напасть на «илы» и сорвать штурмовку огневых позиций гитлеровцев. В этом бою только один летчик Калинин сбил двух ФВ-190, третьего вогнал в землю лейтенант Куницын.

Пусть друзья пехотинцы знают, что штурмуют врага на переднем крае летчики гвардии майора Сафонова, гвардии капитана Кожухова, гвардии капитана Поющева, Героя Советского

Союза капитана Башарина, старшего лейтенанта Курыжева, капитанов Соколова, Самохвалова...

Пусть смелее идет в бой родная пехота. Наша сила — в единстве действий на поле боя. Совместными ударами с земли и с воздуха мы скоро очистим всю Советскую Прибалтику от фашистской нечисти...

Герой Советского Союза майор Илья Шмелев, Герой Советского Союза майор Алексей Рязанов, Герой Советского Союза капитан Иван Степаненко (боевой счет каждого — 25–26 самолетов противника), гвардии старший лейтенант Александр Полунин (85 успешных самолето-вылетов), лейтенант Константин Снегирев (56 успешных самолето-вылетов)».

...12 октября вылетаем на поддержку наших войск, атакующих Ригу. Вначале держим путь на север, потом доворачиваем на запад. За два дня линия фронта значительно продвинулась к городу. В тылу наших наступающих частей — разрушенные долговременные укрепления. Еще вчера утром мы видели, как наши полки вгрызались в систему траншей, дотов и дзотов первой полосы городской обороны, сегодня этой полосы не существует. Пехота и танки продолжают бой в восточной части Риги. Видно, как солдаты перебегают улицы, переулки, стальные коробки танков рвутся вперед. Из нескольких домов валит дым. У самой Даугавы — площадь со сквером и приметное здание с башней. Это и есть городская ратуша. Проносимся над ней. Там тихо. Город будто присмирел, сжался, придавленный гнетом оккупации.

На севере — голубое окно озера. По нашим данным, оно в тылу противника. Но почему там, где вода подступает к городскому парку, взблескивают огоньки автоматных очередей, видны взрывы гранат? Неужели наши? Так и есть. На берег выползают продолговатые коробки амфибий. Нам ничего не известно об этой группе. Но поскольку она не просит помощи, мы пролетаем мимо. Даже сверху видно, как оборона города распадается на части, слабеет, хотя противник, безусловно, оказывает сопротивление, не сдаётся, до последней возможности цепляется за каждый квартал, каждое здание.

Докладываем командиру, что задание выполнили.

— В районе городского парка на берегу озера Киш, — показываю на карте, — отмечен наземный бой. Похоже, наши

просочились в тыл к фашистам.

— Точно, — подтверждает подполковник Марков. — Недавно сообщили: там высадился наш десант на амфибиях. Бой идет в районе городского парка.

— Жаль, не смогли им помочь. Никаких опознавательных знаков с переднего края.

— Может, не заметили?

— Вряд ли...

— Раз нам заблаговременно не сообщили — выходит, так надо. Когда готовится важная операция, о ней ставится в известность ограниченный круг людей. Понятно?

— Так точно.

— Значит, зря упрекаем пехоту. Показывайте, где еще видели наши войска...

Обвожу карандашом улицы, площади, скверы, отдельные группы домов, рисую на карте передний край.

Подполковник Марков внимательно смотрит, лицо его светлеет.

— Неужто скоро салют?! — улыбается он.

Утром 13 октября правобережная часть Риги, где размещены основные объекты города, полностью освобождена от противника.

Можно считать, что столица Латвии в наших руках. У фашистов остается только юго-западное предместье. Там наступают войска 2-го Прибалтийского. Штурмовики группа за группой вылетают им на подмогу. Мы барражируем сверху.

Лента дороги Рига — Елгава, соединяющая многие населенные пункты, пролегает через леса. Это единственная коммуникация, остающаяся в руках противника на подступах к Риге. Фашисты сосредоточили для ее удержания немало сил. Но мы уже с воздуха видим, что в нескольких местах путь отступающим частям противника перерезан нашими танками и пехотой. Припоминаю: здесь должны действовать части 130-го Латвийского стрелкового корпуса. Это он подходит с разных направлений, расширяет плацдарм на север, обтекает села и лесные массивы.

Противник нехотя отступает к морю, оказывая при этом упорное сопротивление и огрызаясь орудийным и пулеметным огнем. «Илы» снижаются и расчищают нашим войскам путь. После

удачной штурмовки «эрэсами» и метких пушечных ударов по колонне танков и автомашин пламя и дым поднимаются над местом, где фашисты наскоро готовили укрепления, пытаются задержать продвижение наших войск.

14 октября полностью освобожден и юго-западный пригород столицы Латвии. Вечером Москва салютовала войскам, освободившим Ригу от немецко-фашистских захватчиков. В приказе Верховного Главнокомандующего в числе других 82 соединений и частей упоминался и наш 14-й смешанный авиационный корпус. Теперь все они получили наименование Рижских.

Бои за Ригу продолжались недолго, однако противнику удалось нанести городу тяжелые раны. Гитлеровцы разрушили портовые сооружения, электростанцию, электромеханический завод, взорвали мосты через Даугаву, сожгли здание почты, вывели из строя автоматическую телефонную станцию и городской водопровод. Фашистские варвары вывезли все оборудование промышленных предприятий, ограбили музеи, институты, книгохранилище на площади Ратуши.

Пройдет время, и с помощью других советских городов Рига полностью отстроится, станет еще краше, неизмеримо возрастет ее производственный потенциал, расцветет культура, поднимутся ввысь и засверкают широкими, светлыми окнами, радуя глаз, новые кварталы прекрасных жилых зданий.

...Полк перелетел на один из аэродромов вблизи города Митава^[3], откуда только что были изгнаны гитлеровцы. Противник бежал так быстро и с такой поспешностью, что бросил все аэродромное имущество и даже технику.

Почетная награда

Разгромив основные силы вражеской группировки армий «Север», наши войска вынудили остатки дивизий противника отступить на Курляндский полуостров между Тукумсом и Либавой^[4]. Враг не сдавался, усиливал оборону. Гитлер придавал большое значение стойкости этой группировки, приказав удерживать позиции любыми средствами. Сюда потоком подавались материалы для инженерных укреплений, прибывали лучшие инженеры-фортификаторы. Командующим группой «Север» назначен генерал Шернер, известный своей беспощадностью и жестокостью к подчиненным.

Наше наступление на Курляндскую группировку возобновилось во второй половине октября, но из-за нехватки сил добиться решающего успеха не удалось. 27 октября советскими войсками был предпринят рывок, имевший целью расколоть Курляндскую группировку в районе Ауце — Салдус — Либава. Войскам фронта удалось несколько продвинуться вперед, но попытка расширить прорыв встретила жесточайшее сопротивление.

В этот день шестерка «яков» в составе Степаненко — Куликов, Лысенко — Масленников, Андреев — Барышников вылетела на сопровождение группы штурмовиков в район Ауце. Для действий авиации погода стояла довольно неблагоприятная. Шел дождь. Облака не позволяли подниматься выше 800 метров.

Отражая атаки группы «фоккеров», я на малой высоте сбил одного ФВ-190, который упал северо-западнее Ауце. Штурмовики потерь не имели.

Каждый бой начинается с разведки. Лишь точные и свежие данные приносят пользу. Того, что ты увидел и зафиксировал утром, может не оказаться в полдень или вечером. Потому приказано вылетать как можно чаще. Понятно, что лучший эффект дают повторные вылеты, поскольку это обеспечивает возможность сопоставить ранее полученные данные, определить степень изменений в передвижении частей противника, совершенствовании его обороны, наличие резервов, возможные перегруппировки.

Фашисты закапываются в землю, строят инженерные сооружения, подбрасывают свежие силы. Невольно возникает вопрос: зачем? Ведь наши войска уже у границ Германии?!

— Гитлер твердо надеется на новую технику и крутой поворот в ходе войны, — объясняет нам действия врага подполковник Марков. — Но его фанатическое упорство бессмысленно.

...Мы на новом аэродроме у Салдуса. 4 ноября выдался довольно морозный день. С самого утра личный состав полка в праздничном настроении. Сегодня состоится знаменательное событие — вручение полку ордена Красного Знамени. Еще задолго до построения объявлено, что Знамя части будет нести заместитель командира полка Герой Советского Союза майор А. К. Рязанов, ассистентами назначены Герои Советского Союза командиры эскадрилий майор И. В. Шмелев и капитан И. Н. Степаненко. Все мы очень волнуемся. Нам оказана большая честь, а значит, на нас возлагается и большая ответственность. Ведь боевое Знамя — это символ верности Родине, партии, народу, зовущий и вдохновляющий на ратные подвиги. Знамя всегда находится в бою вместе с полком. Оно сплачивает, цементирует коллектив, объединяет людей, готовых в любой момент, не щадя крови и самой жизни, защищать любимую Отчизну.

Достаем новую форму, ее только-только пошили в мастерской военторга. Надраиваем ордена и медали, приводим себя в порядок.

На торжество прибывают представители соседних полков, среди других вижу Владимира Щербину, Александра Ордина, Николая Логвиненко, Григория Олейника, Сергея Сафронова. Группу возглавляет командир дивизии полковник Г. Н. Зайцев.

Церемония вручения ордена проходит на поле аэродрома у стоянок самолетов. Личный состав застыл в ровных шеренгах поэскадрильно. Наступает торжественный момент. Заместитель командующего воздушной армией генерал М. Н. Сухачев зачитывает Указ Президиума Верховного Совета СССР, затем прикрепляет к алому стягу полка орден Красного Знамени. Над аэродромом прокатывается мощное протяжное «ура». Эхо повторяет его многократно и разносит далеко вокруг. Герой Советского Союза подполковник А. М. Марков опускается на колени и целует святыню полка — боевое Знамя, приспущенное к

земле, затем передает его А. К. Рязанову. Широкое алое полотнище гордо полощется на ветру. Много напоминает оно всем, стоящим в строю.

Нелегко доставались нам победы. В боях до западной границы Советского Союза сбито около 700 самолетов противника, уничтожено немало живой силы и техники врага. Многих боевых друзей потеряли мы на дорогах войны, но их ратные подвиги приумножили славу 4-го истребительного, славу нашей Родины, советского народа. 15 Героев Советского Союза дал наш полк. Большинство моих товарищей награждены несколькими орденами и медалями.

Начальник штаба полка майор С. И. Донин подает команду «смирно». Духовой оркестр играет Гимн Советского Союза и авиационный марш «Все выше и выше». Знамя плывет вдоль строя, впереди широким шагом идут командир полка Герой Советского Союза подполковник А. М. Марков, его заместитель по политчасти майор В. Н. Егорьичев. Святыню уносим в расположение штаба.

На следующий день на фюзеляжах наших истребителей с левой стороны моторов заалел почетный боевой орден — высокая награда Родины. Теперь 4-й истребительный — Краснознаменный Рижский. Это новый важный стимул в нашей боевой работе. Что ни говори, а награда обязывает ко многому. Вскоре мы сами в этом убедились.

И опять упорные тренировки, полеты в зону и по кругу, выполнение фигур высшего пилотажа. Генерал Данилов провел в масштабе корпуса теоретическую конференцию для летного состава на тему: «Как меньшими силами уничтожить противника в Курляндском мешке». Обсуждались способы борьбы с немецкими асами, новые методы прикрытия наших войск и авиации, совершенствование приемов боя над территорией, захваченной противником.

Фронт вновь готовится к наступлению. Командованию нужны разведданные. На разведку по маршруту Салдус, Скрунда, Либава вылетает командир звена капитан Никонов. Его задача: определить места скопления войск, систему обороны и наличие самолетов на Либавском аэродроме.

Летчик шел по заданному направлению на малой высоте. Вот и Скрудда. В небе висел аэростат наблюдения: корректировщик огня артиллерии. Последняя не раз накрыла нас мощным валом, особенно досаждала на площадке подскока.

Капитан не раздумывал. С ходу бросился на аэростат и поджег его. Объятый пламенем корректировщик закувыркался к земле, из него посыпались на парашютах фашистские наблюдатели. Но уже выходя из атаки, Никонов вдруг заметил, что сам попал в западню, очутившись в кольце четырёх «фоккеров». Их пушки держали на прицеле советский самолет.

Поняв безвыходность своего положения (любой маневр в сторону на малой высоте или увеличение скорости приведут к гибели), Никонов решил перехитрить врага. Он сделал вид, что подчиняется воле гитлеровцев, собираясь улучшить подходящий момент и скрыться.

В предчувствии успеха фашисты сопровождали командира звена к Либавскому аэродрому, сами изготовились к посадке и вынуждали к этому Андрея. Никонов уже выпустил шасси и продемонстрировал заход на посадку. Зенитки молчали. Внизу, видимо, тоже предвкушали легкую победу над советским летчиком. «Фоккеры» успокоились и на какой-то миг ослабили бдительность, но тут же, опомнившись, стали барражировать. Тогда Никонов продемонстрировал заход на посадку вторично, и гитлеровцы решили: никуда он не уйдет, приземлится. Начали садиться сами.

Этим и воспользовался Андрей. Убрав шасси, он тут же ударил из пушки и пулеметов по самолетным стоянкам и на бреющем полете ушел.

Фашисты почему-то его не преследовали — то ли кончилось горючее, то ли потеряли надежду на успех.

Андрей был незаурядным разведчиком, знал все тонкости этой профессии. Большая выдержка, военная хитрость, умение воспользоваться ситуацией позволили ему благополучно выйти из весьма критической ситуации.

В полку долго обсуждали этот случай. Одни хвалили капитана, другие ставили под сомнение целесообразность первоначальных действий. Не следовало, дескать, ему ввязываться в бой, обстреливать аэростат, в результате чего и была потеряна осмотрительность. Но не зря говорят: все хорошо, что хорошо

кончается. Смелость и находчивость летчика не позволили врагу осуществить свой замысел.

Декабрь был отмечен морозами и сильными ветрами. Повсюду выпало много снега. Если смотреть с воздуха, линия фронта все же приметна. Выдают свежие пятна воронок, чернеющие по обе стороны передовой и свидетельствующие о работе артиллерии и минометов, бомбардировщиков и штурмовиков. Пехота все глубже зарывается в землю. На первый взгляд, изменений никаких, хотя на самом деле они есть. Фронт не дремлет, он настороже, живет, сопротивляется.

В ходе последних боев ищем более совершенные способы взаимодействия с наземными войсками и авиацией. И это понятно. Многое из того, что применяли ранее, уже не удовлетворяет нас: ведь мы теперь достигли, можно сказать, более высокой степени выучки. Особенно это касается способов прикрытия, которые нуждались в совершенствовании. Сопровождая штурмовики или бомбардировщики, истребители ограничены в маневре и скорости, они не могут в полной мере использовать тактико-технические данные своих машин. Противник же, пользуясь этим обстоятельством, нередко добивается перевеса в высоте и скорости, атакует внезапно, свободно маневрируя на разных высотах и скоростях.

Теперь нам надлежало проверить новый способ прикрытия своих «подопечных», предложенный на семинаре опытными летчиками. Тут как раз и случай подвернулся. 26 декабря полк получил задачу: в течение нескольких дней, пока наземные части ведут наступление, обеспечивать штурмовикам и бомбардировщикам свободу действий в районе Салдус — Добеле.

Мы тщательно готовились к выполнению задания. В частности, проиграли различные варианты предварительной «расчистки» воздушного пространства до прихода штурмовиков и бомбардировщиков. Новое заключалось в том, что незадолго до появления «илов» и «петляковых» мы прочесывали воздушное пространство, как бы окаймляя район предстоящих действий. Через наброшенный нами «колпак» не должен был проникнуть ни один вражеский истребитель. Этот способ давал возможность заранее обеспечить себе преимущество не только в скорости, но и

в высоте, а это, как известно, главное для успеха истребителей в любом бою.

За несколько минут до появления штурмовиков и бомбардировщиков взлетаем всем полком — эскадрилья за эскадрильей. Первую возглавил командир полка подполковник Марков, вторую повел майор Шмелев, третью — я. В назначенный квадрат прибыли без опозданий, на большой скорости прочесали воздушное пространство. Барражируем. Прибывают и наши ударные группы — эшелоны штурмовиков и бомбардировщиков. Картина произведенного удара как по своим масштабам, так и по организации — поистине величественна. В течение 15–20 минут взрывы бомб и снарядов густо засевают под нами поле сражения. В небе, неожиданно возникнув, плотнеет стена разрывов. Она неотвратимо приближается к нам. Над Добеле дым, копоть смешиваются со снегом и отдаленно напоминают извергаемую вулканом лаву. Наши самолеты идут волна за волной. Внизу — штурмовики, над ними — бомбардировщики. Истребители как бы окаймляют их.

Вот «илы» прижались к земле, нырнули под облако, образовавшееся от взрывов бомб. В просветах между тучами видны орудия, танки, траншеи. Все это охвачено огнем. Атака штурмовиков повторяется. Увлеченные музыкой боя, мы носимся над прикрываемым районом на высоте полторы тысячи метров.

В моей группе пары Степаненко — Куликов, Масленников — Андреев, Погорелов — Барышников, Шкворунец — Усиков, Куницын — Богомоллов, Петроченков — Поночевный. На большой скорости подворачиваем на север.

— Слева «фоккеры»! — неожиданно звучит в наушниках голос Барышникова.

Эти два слова действуют, как вылитый на голову ушат холодной воды. Теперь мозг, воля летчика подчинены одному: встретить противника в наивысшей готовности. Внимание концентрируется на главном — не упустить врага.

Гитлеровцы прибыли с опозданием и решили наверстать упущенное, отомстить за поражение наземных войск. Четверка «Фокке-Вульф-190а» сваливается на нас со стороны солнца, пикирует. В ответ — наш излюбленный маневр «разворот на 180 градусов все вдруг». Противник не выдерживает лобовой атаки,

шарахается в стороны и исчезает в дыму. Не ожидая, что их встретит второй или третий ярус наших истребителей, «фоккеры» вновь выскакивают из-за облаков. Мы с полупереворота сближаемся с ними. В моем прицеле возникает лобастый ФВ-190а. Длинная очередь!..

— Молодец Степаненко, так держать! — слышу в наушниках голос генерала Данилова. Командир корпуса находится на передовом командном пункте, наблюдает за воздушным боем.

— К немцам идет подкрепление, — предупреждает генерал, — восьмерка «фоккеров».

Воздушная карусель закружилась быстрее, грохот пушечной стрельбы стал еще раскатистее. Два стервятника проскакивают сквозь наши боевые порядки, бьют из пушек по машинам Барышникова и Погорелова. Резко перевожу свой самолет в левый переворот и иду им на выручку. За мной неотступно следует лейтенант Куликов.

На выходе из переворота у самой земли замечаю: к разрывам снарядов, выпущенных «фоккерами», добавляются разрывы «эрликонов», несколько их попадает в самолет ведомого. Оставляя дымный след, Куликов планирует над лесом и садится на занятой врагом территории.

В бессильном отчаянии стискиваю штурвал. Что будет с летчиком? Ведь он приземлился прямо в пекло, где идет бой. Эвакуировать его оттуда не представляется возможным. Маневрируя за мной, лейтенант Куликов, по-видимому, не учел особенности огня «эрликонов». Целясь в ведомого, они обычно попадают в ведомого, который идет след в след. Куликову следовало соблюдать небольшой интервал по фронту. Это уменьшило бы вероятность его поражения. Но разве в маневренном бою все предусмотреть!..

Несколько упорных попыток противника прорваться сквозь заслон «яков» успеха не имеют. В бою сбито четыре фашистских самолета, их уничтожили подполковник Александр Марков, лейтенант Валерий Шман, старший лейтенант Виктор Куницын и я. Все применяли испытанный вертикальный маневр, неизменно оказываясь выше вражеских самолетов и имея запас в скорости. Наземные части в этот день немного продвинулись вперед, но враг

упорно сопротивлялся. Приходилось драться за каждый клочок земли, за каждую высотку или овраг.

28 декабря прикрываем «илы» в районе Джуксте. Эскадрилья в составе Степаненко — Зябров, Шман — Королев, Лысенко — Масленников, Андреев — Барышников в воздухе. Двадцать девять «яков» ведут воздушный бой с тридцатью двумя «фоккерами». Наши уничтожили шесть самолетов врага, потеряли один. С боевого задания не вернулся старший сержант П. П. Королев.

Группы штурмовиков ежедневно поднимаются в воздух для ударов по сопротивляющемуся и часто переходящему в контратаки противнику. Их ведут в бой мастера своего дела, отважные авиаторы Борис Золотухин, Иван Воробьев, Иван Гринько, Михаил Корнилов, Константин Рябов.

Действия штурмовиков сосредоточиваются преимущественно на районе Салдус. Мы вновь прикрываем их. Двадцать один самолет нашего истребительного полка провел нелегкий бой с сорока «фоккерами». Давно противник не имел такого численного преимущества. Однако и теперь нам удалось сбить пять машин врага. Свой боевой счет увеличили Рязанов, Бугарчев, Шман, Андреев. Один вражеский истребитель попался и мне на прицел... 38 фашистских дивизий оказывали упорное сопротивление в Курляндском «котле». Гитлеровское командование и слушать не хотело об отступлении из Прибалтики, так как группа «Север» сковывала здесь войска двух фронтов— 1-го Прибалтийского и Ленинградского. Это была существенная помощь немецким армиям, отступавшим в Восточной Пруссии и Польше. Кроме того, окруженные в Курляндии фашисты понимали, что отступать им некуда, пути назад перекрыты, а Балтийское море контролируется нашими кораблями и авиацией.

Конечно, всем было понятно и то, что судьба войны решается теперь не на Курляндском полуострове, а на берлинском направлении. Естественно, все наши мысли были устремлены туда. Нас утешала надежда, что боевой истребительный полк вот-вот перебросят на центральные фронты, где готовятся и в ближайшее время развернутся решающие сражения.

Окончания войны ждали люди всего мира. Они с надеждой обращали свои взоры туда, где от Балтийского моря до Балкан гремело эхо сражений. Нас тоже влекло небо Центральной части

Европы, хотелось личным участием ускорить желанный день Победы. Но старая солдатская истина гласит: для воина главное направление то, которое указал ему командир.

Освободить небо Курляндии — наша задача, наш священный долг. Ибо здесь тоже наша, советская земля, как и у стен Сталинграда, как на высоте 246. Ее нельзя оставлять в руках врага.

Новогодние тосты

Частые морозы дают о себе знать. Аэродром, на котором мы базируемся, занесен снегом. Работа на взлетно-посадочной полосе не приостанавливается: боевая готовность прежде всего. Погода пока стоит нелетная.

Настроение предпраздничное. Приближается Новый, 1945 год. Видно по всему: быть ему победным. Мы встречаем его, как встречают вся армия и страна, с огромной радостью, так как верим, что это последний год тяжелой, большой войны. Миллионы людей верят в это. Гитлеровская армия идет к неминуемому краху. И нет такого чуда, которое бы спасло ее от разгрома.

Год Победы навсегда останется в памяти людей, войдет в историю навечно. Нам приятно сознавать, что и мы причастны к этому великому событию, о котором благодарное человечество будет слагать песни, легенды.

В такую погоду фашистская авиация вряд ли решится взлететь, поэтому вблизи аэродрома в сельской школе — нашем «клубе» — шумно и весело. Большой класс натоплен и празднично убран. В углу красуется елка, украшенная гирляндами, флажками, конфетами, миниатюрными самолетиками. Традиционные новогодние игрушки, сделанные неутомимыми руками парашютоукладчиц и мотористок Шуры Мягковой, Лиды Зубковой и других девушек, вызывают удивление и восторг, заставляют на какое-то время забыть о фронтовых невзгодах, ощутить почти домашнюю обстановку.

Впервые за всю войну встречаем Новый год в такой торжественной обстановке, раскованно, без тягостных мыслей о постоянной опасности, подстерегающей тебя и твоих товарищей. Времена неуверенности, граничащей, случилось, с растерянностью, прошли безвозвратно. Наша армия и народ теперь сильны, как никогда.

За праздничным столом собрались все, кто в воздухе и на земле добросовестным ратным трудом приближает час долгожданной Победы. За несколько минут до наступления Нового года поднимается Герой Советского Союза подполковник А. М. Марков.

— Воины нашей армии и весь советский народ прошли большой и трудный путь борьбы с немецко-фашистскими захватчиками. Добыто немало исторических побед. В достижение их внес свой вклад и Четвертый Краснознаменный авиационный истребительный полк. Кишинев, Мариуполь, Ростов-на-Дону, Ярославль, Рыбинск, Елец, Воронеж, Сталинград, Кубань, Орел, Великие Луки, Прибалтика... Боевой путь долгий и героический. За четыре года полк совершил около четырех тысяч боевых вылетов, уничтожил почти семьсот самолетов врага... В воздушных боях мы потеряли немало замечательных летчиков, дорогих товарищей. Их нет с нами, но мы всегда будем помнить о них. Предлагаю почтить память павших героев минутой молчания...

Мы встали. В памяти всплыли родные лица друзей, с кем крыло в крыло вступали в жестокие бои с фашистскими асами.

— Сделано много, — продолжил командир полка, — но перед нами еще немало задач, которые поставили Родина, партия, народ. Одна из них — разгром курляндской группировки. Это потребует немало усилий. Гитлеровцы понимают, что их сопротивление в Курляндии — часть битвы за Берлин. Наш долг — покончить здесь с фашистами. И драться надо так, чтобы до конца войны не потерять ни одного летчика!

Бой курантов — и мы поднимаем наполненные кружки за победу, за скорейшее окончание войны.

Торжественную часть сменяет художественная. Звучат песни, музыка. В центре внимания — баянист, замполит полка майор Егорычев. Весь зал хором подпевает ему народные песни.

— Можно что-нибудь танцевальное, товарищ майор? — не раз уже обращаются с просьбой летчики.

Егорычев на миг замирает, но вот из-под его проворных пальцев неудержимо рвется, зовет к танцу огневая мелодия, от которой трудно устоять на месте.

— Шире круг! — командует начальник штаба полка майор С. И. Донин.

Раньше суровый фронтовой быт, постоянная боевая готовность не позволяли нам собираться вот так, всем вместе, чтобы большим коллективом отмечать торжество. Теперь же веселье будто плещет через край.

Никто и не подозревал, что у нас есть такие талантливые самодеятельные артисты и танцоры. Многих, например, удивило, когда в круг вошли два прославленных майора — Шмелев и Рязанов. Илья Шмелев картинно разгладил на две стороны бороду, развел руки и, словно орел, с перебором понесся по кругу. Алексей Рязанов прямо с места начал выделывать такие коленца, что у зрителей от восторга и дух захватило. Казалось, будто всю жизнь Алексей тем только и занимался, что танцевал на сцене. Ему был присужден первый приз за исполнение «барыни». Михаил Борисовец и Шура Мягкова опять порадовали нас образцовой «белорусской полькой».

Я тоже пел и веселился от души вместе с товарищами. Новогодний праздник был для меня праздником вдвойне. Накануне мне было присвоено воинское звание «майор». Мой боевой счет в дуэльных и групповых боях достиг 30 сбитых самолетов. Таким он был и у Алексея Рязанова. На новогоднем вечере подполковник Марков поздравил нас и сообщил радостную весть: мы оба представлены командованием к высокой награде Родины — второй Золотой Звезде Героя Советского Союза. Наградные листы уже подписаны командиром дивизии полковником Г. Н. Зайцевым.

Так настал 1945-й... Мы уверены: он будет последним годом войны. Но она еще не закончена, нужно еще повоевать на земле и в воздухе, бить фашистов без пощады и жалости. Мы всегда готовы выполнить этот почетный долг.

Синоптики не обещали погоды, поэтому мы веселились до утра. Да и у немцев наверняка полетов не будет. Грустная сегодня у них встреча: в новом году им не до жиру, быть бы живу.

Последние удары

— Лопаты, метлы, веники разобрать!

Заместитель командира полка по инженерно-авиационной службе майор Г. С. Айвазов улыбается, подав такую команду. Ну, не смешно ли — асы с вениками...

Разбираем нехитрый инструмент, бредем по глубокому снегу на стоянки. Снежные заносы — серьезный враг боеготовности эскадрилий и безопасности полетов. Аэродром под толстым снежным покровом — мертвое, пустое поле, если с него не могут взлетать самолеты.

Работают все: летчики, инженеры, механики, солдаты БАО. Для очистки взлетной полосы почти никакой специальной техники нет.

— Лучшей физзарядки не придумаешь, — шутит Погорелов. Он сбрасывает с себя куртку, раздевается до гимнастерки. Мороз не страшен, если в руках лопата, а перед тобой — огромные сугробы. Мишино лицо наливается румянцем, глаза искрятся, чуб выбивается из-под ушанки. Рядом позванивает орденами Алексей Рязанов...

Физзарядка, конечно, дело неплохое, но летные навыки, к сожалению, она не повышает и даже не поддерживает на прежнем уровне. Неделя без практики — скверная вещь для истребителя-фронтовика. Это, по сути, не просто топтание на месте, а даже отступление назад. Скоря ли распогодится? Мы должны летать! Иначе неизбежны промахи и ошибки.

Спустя несколько дней показалось солнце. Наконец!

Первые полеты по кругу, проверка двигателей, высший пилотаж, восстановление всех навыков. Без этого нельзя идти в бой и рассчитывать на успех.

8 января — сопровождение штурмовиков. «Илы» проходят вблизи от аэродрома в колоннах эскадрилий в направлении Джуксте. Загудели и наши двигатели. Со

246

своими четверками вылетает майор Рязанов, пристраивается рядом со штурмовиками: четверки составляют группу непосредственного прикрытия. Наша эскадрилья также набирает

высоту и идет за ними. Мы — ударная группа, идем с превышением над всей кавалькадой. Задача — не допустить истребители противника к «илам» и машинам Рязанова, пребывающим в нижнем ярусе, сковать врага боем на дальних подступах.

Линия фронта выделяется на фоне снежных заносов лишь новыми объектами, все остальное замаскировано или покрыто снегом. Наблюдать за землей некогда: едва минули передний край, как на нас с высоты падают группы «фоккеров».

Разворачиваемся в лобовую атаку. ФВ-190 отходят в сторону солнца. Радоваться пока рано — они еще вернуться и нападут. Их волчьи повадки нам хорошо известны.

— Штурмовики, внимание, — спустя минуту передаю по радио. — Над вами «фоккеры»!

В наушниках слышу голос командира штурмовиков:

— Внимание, сверху «фоккеры».

Все подтянулись. Значит, опять фашисты не воспользуются внезапностью. Любую их попытку атаковать мы встретим в боевой готовности.

Внизу артиллерийские позиции — цели для штурмовиков. Дым от выстрелов выдает их, демаскирует.

— Цель впереди по курсу, атака! — командует ведущий «илов».

Маневрируя между разрывами малокалиберных зенитных снарядов, самолеты пикируют на орудия. Со стороны солнца появляются две группы ФВ-190: одна атакует нас, другая — штурмовики. Расчет простой: оттянуть нас от всей группы. Первым подверглось атаке замыкающее звено капитана Погорелова. Мы с набором высоты и с разворотом стремительно идем на противника. При выходе из атаки мне и моему ведомому младшему лейтенанту Сидорину попадают на прицел «фоккеры». Они тут же сваливаются вниз. Миша Погорелов догоняет третьего и сбивает меткой очередью. Остальных разгоняет группа майора Рязанова.

Противник не достиг успеха, но и у нас не все в порядке: «эрликоны» повредили машину лейтенанта Масленникова, он идет на вынужденную посадку.

Да, наступил последний год войны. Однако фашисты нисколько не ослабляют сопротивления. Наоборот, часто контратакуют, надеясь на реванш. На чем основаны эти надежды? На вере в «новое оружие», которое способно повернуть вспять наши дивизии? Надежды иллюзорные. Вряд ли сами немцы верят в него после понесенных колоссальных потерь и крупнейших в истории поражений. Вероятнее всего, что ими движет звериный страх: с одной стороны, перед Гитлером и его режимом, предписывающим сражаться до последнего солдата за «великую» Германию, а с другой — ужас перед надвигающимся возмездием, расплатой со стороны объединившихся в мощную коалицию свободолюбивых народов.

И все же, несмотря на все усилия врага, очевидно главное: это агония. Никто и ничто не сможет остановить нас в стремлении к победе.

В течение января часто вылетаем на «свободную охоту», атакуем железнодорожный транспорт, автоколонны. В бой рвется молодежь. Это естественно: ребята сожалеют, что мало довелось им воевать, хотят внести свой ощутимый вклад в дело победы. Им хочется приобрести всесторонний опыт и, что греха таить, — получить больше наград.

Командир полка категорически против. Терять молодежь, когда войне скоро конец? Будет еще потребность в кадрах авиаторов и после войны. Защищать у нас есть что и есть от кого.

И все же молодые летчики выказывают недовольство.

— Почему нас все время назначают ведомыми? — жаловался как-то один младший лейтенант. — Так и провоюем в охране чужих хвостов...

— Не горячись, — успокаивали старшие товарищи. — Фашисты еще не сложили оружия. Набирайся терпения, бои от тебя не уйдут.

Помню, как я сам не так давно обижался на командиров, которые до поры до времени сдерживали нас, молодых. Лишь испытав в полной мере силу ударов опытных немецких асов, мы поняли, как правы были наши наставники — старшие товарищи. Верно они поступали, когда, оберегая нас, усиленно тренировали, учили и еще раз учили для смены «старикам».

Противник еще достаточно силен. В агонии он бросает навстречу нам лучших асов, об этом свидетельствуют последние бои над занятой врагом территорией. Теперь мы перед операцией обычно «расчищаем» воздушное пространство, но ситуация нередко складывается такая, что даже лучшие из наших воздушных бойцов не всегда добиваются успеха.

Время неумолимо бежит, вернее сказать, летит, оставляя позади свершившиеся события и являя людям новые. Через несколько дней — 23 февраля. В полку идет подготовка к празднованию 28-й годовщины Красной Армии: в эскадрильях состоялся смотр техники, подводятся итоги четырехлетней борьбы на фронтах. Приезжают артисты и писатели. Помню беседы внимательного, любознательного Игоря Чекина. Его статьи и очерки мы читали с большим интересом. А в один из дней ко мне подошел корреспондент Московского радио.

— Товарищ майор, если желаете, можете сделать заказ для праздничного концерта по радио.

Я взглянул на него — не шутит ли.

— Если можно, хотелось бы послушать «Турецкий марш» Монти.

— Что ж, — весело согласился корреспондент, — будет исполнено.

Гость уехал, и я уже забыл о встрече с ним, как вдруг в день празднования 23 февраля вбегает в столовую летчик Михаил Погорелов:

— Эх, друг Ваня, сидишь ты в столовой и не знаешь: Москва специально для тебя передает «Турецкий марш».

Оказывается, корреспондент выполнил-таки свое обещание.

Якуб Ильясович Шабакеев был последним моим ведомым в годы войны. Отличный летчик, он прошел сквозь огонь и бури Великой Отечественной на машине, подаренной ему украинским хлеборобом, жителем хутора Веселый Луганской области Иваном Никитовичем Базалеевым. Скромный труженик, Иван Никитович в грозную для Отчизны годину передал государству все свои личные сбережения для приобретения самолета.

...Двумя эскадрильями вылетаем для прикрытия штурмовиков. «Илам» много работы: зажатый в гигантские клещи с суши, моря и воздуха Курляндский «мешок» с большим трудом уменьшается в

размерах, но при этом становится более «наполненным». Насыщенность войсками занятой врагом территории растет с каждым днем.

Первую эскадрилью Рязанова снова ведет А. М. Марков. Идем двумя группами: ударную возглавляет командир полка, непосредственное прикрытие поручено мне.

В Курляндии март еще не весна, но уже и не зима. На земле, укрытой снежным покровом, четко просматриваются почерневшие леса и крыши домов. Они становятся для нас отличными ориентирами. Штурмовики безошибочно выходят на цель — колонну танков, совершающую в этот момент перегруппировку. Объект для поражения отличный. «Илы» пикируют на него с ходу. Внизу вспыхивают серые стальные коробки, повторяются знакомые картины паники. Ограниченные в маневре, мы барражируем над штурмовиками, прикрывая их своими крыльями. Ударная группа командира полка более раскована в действиях, прочесывает воздушное пространство вокруг нас. Истребители проходят парами в разных направлениях, сходятся и расходятся, вновь становятся в круг, меняют строй, отворачивают на запад, север, следят за небом и нами. А вот и «фоккеры»: подкрадываются на этот раз со стороны Балтийского моря, готовятся напасть на мою эскадрилью. Если фашистам удастся связать нас боем и мы хоть на миг оставим штурмовики, они нападут на них. Гитлеровцы еще не заметили ударную группу Маркова (она отошла на север) и начинают заходить для атаки.

— Держись, Якуб, — обращаюсь я к ведомому, — сзади «фоккеры». Разворот на сто восемьдесят, делай раз!

Вся группа молниеносно развернулась на противника. Четверка «фоккеров» тоже выполнила разворот, но на нее свалилась пара «яков», одного из которых мы опознали по номеру: его пилотировал подполковник Марков.

Ведомый командира полка — Иван Кошевой. У обоих преимущество в высоте. Марков с пикирования свалил первой же очередью одного стервятника, остальные растерялись, их боевой порядок расстроился.

Немцы пунктуальны во взаимодействии: как мы и предполагали, с юга подошли еще две четверки, чтобы напасть на штурмовики, которые, как они посчитали, должны были остаться

без прикрытия. Увидев, что первая четверка не смогла отвлечь на себя эскадрилью непосредственного прикрытия, а сверху барражируют наши истребители, противник бросился на группу Маркова. На помощь гитлеровцам для развития боя уже шли новые четверки «фоккеров». Численное преимущество было теперь на стороне противника.

Эскадрилья под командованием Маркова немедленно строится в оборонительный круг: теперь и ей нельзя отрываться от нас.

Штурмовики тем временем завершают удары, готовятся уходить. Мы непрерывно висим над ними и тоже продвигаемся на восток. Над нами гремит воздушный бой. Приказываю Валерию Шману в паре с Данилюком помочь Маркову сверху, и они устремляются на врага. Миша Погорелов, летевший со своим звеном в группе Маркова, устремляется наперерез «фоккерам», которые с особым остервенением атакуют командира, и поражает одного из них длинной очередью. Это немного охлаждает пыл врага. Он отходит, но спустя минуту атакует снова. Михаил не успевает прикрыть командира, но на его месте откуда-то возникает машина молодого летчика Ивана Кошевого и заслоняет подполковника Маркова. Очередь, выпущенная в этот миг немецким асом по командиру, приходится по самолету Кошевого. Языки пламени охватывают «як», пляшут на его крыльях.

— Ваня! Кошевой! Не задерживайся, лети домой, — приказывает командир полка. — Быстрее на свою территорию!

Кошевой отворачивает, вслед за ним тянется полоса черного дыма. Звено Погорелова прикрывает выход Кошевого из боя.

Отходим, отбивая жестокие атаки врага. По всему видно: с нами дерутся опытные асы-истребители.

...Санитарная машина увезла в госпиталь тяжело раненного в бою подполковника А. М. Маркова. Иван Кошевой приземлился недалеко от нашего аэродрома и едва успел выскочить из кабины. Все на нем горело, огонь добирался и до тела. Потушить пламя помогли подбежавшие пехотинцы. Когда подъехала «санитарка», Кошевой упал в снег и потерял сознание. Врачи оказали ему первую медицинскую помощь и увезли в госпиталь.

Забегая вперед, скажу: вылечившись, Иван Кошевой вернулся в полк и продолжал воевать.

Кто же будет командовать 4-м истребительным? Этот вопрос волновал всех нас. Но ответа на него долго ждать не пришлось. Через несколько дней командование полком принял Николай Иванович Миронов.

— Как видите, судьба у нас с вами одна, — шутил он, приветствуя полк на утреннем построении.

Незабываемый, славный путь прошли мы под его началом.

Война скоро окончится, в этом все мы глубоко убеждены. Наши сражаются на подступах к Берлину.

...Под вечер летчики собрались у командного пункта полка. Настроение у всех отличное. Наперебой делятся воспоминаниями, шутят. Вдруг над посадочной полосой зависает штурмовик Ил-2, не спеша снижается и садится. Что случилось? Почему он здесь сел?

— Наверное, заблудился, — высказывает кто-то из летчиков догадку.

— Может, из боя — и не дотянул до своих?

— Наверное, поврежден... Нужна помощь, — встревожился инженер Айвазов.

Майор Донин вызвал из штаба посыльного — мастера по кислородному оборудованию сержанта Асанова.

— Выясните, кто приземлился, и пригласите сюда. Вечерело. Солнце садилось за горизонт. Минуло уже полчаса — никто не появляется. Полеты уже прекратились. Неожиданно Ил-2 загудел, вырулил на старт и быстро поднялся в воздух.

Оказалось, командир эскадрильи соседнего штурмового авиационного полка капитан Максимча, возвращаясь из боя, передал управление эскадрильей своему заместителю, а сам «заблудился» на наш аэродром, чтобы навестить Лиду Зубкову — нашу оружейницу. Видно, не на шутку причаровала парня эта веселая дивчина.

— Ну, я тебя поймаю, «горбатый», — погрозил вслед капитану начальник штаба. — Тоже мне женихи, — с деланной насмешкой взглянул на нас. — Невест уводят, а вы ворон ловите.

Капитан Максимча не раз, возвращаясь после боя, снижался и проходил на бреющем над домиком, в котором жили девушки-авиаспециалисты.

Лида Зубкова прибыла к нам из Красноярска, где окончила школу младших авиаспециалистов. Вместе с ней приехала и Нина

Зинченко, тоже оружейница. О безупречной работе комсомолок говорило само за себя оружие на самолетах, ни разу не отказавшее в самых сложных боях.

Кроме подготовки оружия Лида Зубкова по своей инициативе выполняла и многие другие обязанности. Она чаще других ездила на почту за письмами и газетами, делала это охотно, видно, ей доставляло большое удовольствие общаться с людьми.

Помню, рассказывали, как Лида, часто пользуясь попутными машинами, никогда не забывала о регулировщиках и на обратном пути всегда наделяла их свежими газетами. Иногда, если полевая почта размещалась неблизко, начальник штаба майор Донин выделял для доставки корреспонденции самолет У-2. Лида просила пилота снизиться над узловыми пунктами шоссейных дорог и сбрасывала продрогшим на морозе или опаленным летним солнцем девчатам-регулировщицам пахнущие свежей краской, скатанные в трубочку газетные листки.

Невысокого роста, кругленькая, веселая и общительная, Лида нравилась многим нашим холостякам, однако она отдала предпочтение Ивану Максимче.

— Прохлопали невесту, — подшучивал над нами майор Донин.

Правда, не все истребители «ловили ворон», как неосторожно заметил начштаба. На самолете Виктора Куницына оружие заряжала Нина Зинченко — Лидина подруга. Скромная, красивая девушка. Не раз мы замечали, как после посадки Куницын подолгу задерживается у машины, беседуя с Ниной.

— О чем вы там воркуете, Куня? — подтрунивали ребята.

— Как — о чем? — у Виктора розовеют щеки. — Надо же доложить, как работало оружие...

Позже Виктор и Нина поженились. Всем полком мы справляли комсомольскую свадьбу, на которой и мне довелось исполнять песни. Фронтная дружба, рожденная в боях, навсегда соединила их дальнейший путь.

Милые наши девушки! Сквозь дымку времени я и теперь вижу Шуру Мягкову, Катю Баранову, Лиду Зубкову, Нину Зинченко, Зину Цветкову, Лену Марьясову, Веру Повницу... Мотористки, оружейницы, парашютоукладчицы, связистки... Пусть не обидятся, что я больше рассказываю о летчиках. Многие подробности о службе рядовых и сержантов с девичьими именами унесло

неумолимое время. Но в памяти осталось главное: на своих скромных постах они были настоящими воинами, отлично служили Родине в годину тяжких испытаний. Большое спасибо вам, дорогие подруги, славные дочери героического советского народа.

Незабываемое

Апрель 1945 года. Мы увлечены «свободной охотой». Противник маневрирует резервами внутри Курляндского «котла». Мы наносим удар за ударом по дорогам Тукумс — Кулдыга, Салдус — Либава, Кулдыга — Салдус. Атакуем, как правило, с малых высот, маскируясь лесами, складками местности. Громим скопления войск, поезда, позиции артиллерии. Работаем крыло в крыло со штурмовиками. Потери противника растут с каждым днем. Мне за эти дни удалось уничтожить три самолета врага — ФВ-190, Ю-88, Ю-52, три локомотива, несколько железнодорожных вагонов, пять зенитных пушек, склад с боеприпасами и боевой техникой. Немалый урон противнику нанесли и мои товарищи: Алексей Рязанов, Илья Шмелев, Михаил Погорелов, Валерий Шман, Виктор Куницын. С особым упорством дерутся и молодые летчики, наша славная смена.

Неудержимое продвижение советских войск вперед по территории, где гремят очищающие бури, вдохновляет нас на ратные подвиги. Наша армия несет народам освобождение, и мы гордимся этим.

Перед нами задача — не давать врагу передышки ни на один день, перемалывать его живую силу и технику, не выпустить его с Курляндского полуострова. Удивительна логика войны: еще вчера Гитлеру было выгодно держать здесь свои дивизии, но сегодня он пытается оттянуть их на помощь столице «третьего рейха», агонизирующей в предсмертных конвульсиях. Громить врага, не выпустить его отсюда — в этом теперь наша непосредственная помощь частям, сражающимся в Берлине, штурмующим его улицы и кварталы.

И вот пал Берлин. Советские войска встретились с американскими частями на Эльбе. Гитлеровская армия доживала свой недолгий разбойничий век.

Несмотря на безвыходное положение, фашисты огрызаются, бросаются в контратаки, готовые на разные авантюры. Однако наши дивизии с нерушимой последовательностью срывают все планы врага, сжимают кольцо окружения, методически уничтожают его живую силу и технику.

5 мая перелетаем на аэродром Вайноде. Не успели приземлиться последние истребители, как противник открыл огонь из дальнобойной артиллерии. Снаряды накрывают площадь аэродрома квадрат за квадратом. Гитлеровцы, видимо, решили истратить остатки своих боеприпасов, чтобы потом легче было удирать.

Повалился на крыло один Як-9, упал, обливаясь кровью, механик самолета Г. И. Севастьянов.

Слышится команда:

— Все к командиру полка!

Николай Иванович Миронов собран, сосредоточен.

— Внимание, товарищи! Слушайте обстановку. По данным разведки, фашисты оттягивают свой самолетный парк на западные аэродромы Курляндского полуострова с целью сохранить группировку авиации и переправить ее в нейтральную страну. Самолеты, спасаясь от плена, могут подняться в любую минуту. Больше всего их базируется на аэродроме Сирава. Необходимо блокировать фашистское гнездо, уничтожить все самолеты, если летчики не сдадутся. Штаб нашей воздушной армии разработал четкий план блокирования аэродрома. В назначенное время над ним будут дежурить и истребители других полков. Поэтому мы поддерживаем с ними теснейшее взаимодействие, оказываем друг другу всевозможную помощь.

7 мая вылетели всем полком. Мне приказано возглавить общую группу. Действительно, на Сираве сосредоточено множество авиационной техники, готовой к эвакуации. Самолеты размещены таким образом, что каждый имеет возможность выруливать на взлетную полосу, как только поступит команда.

Делаем над аэродромом несколько кругов. В воздухе все спокойно. Но вот с северной стоянки взмывает в небо транспортный самолет и берет курс на запад. Подхожу к нему и покачиваю крыльями, показывая, что лететь запрещено. Не подчиняется.

Слышу по радио голос Валерия Шмана:

— Товарищ командир, следует проучить фашиста, чтобы другим неповадно было.

— Валерий, прикрой! Я с ним сейчас «поговорю».

Устремляюсь в атаку. Даю по фашисту длинную очередь, и он, оставляя дымный след, падает на окраине аэродрома Сирава.

Это был последний, тридцать третий по счету, лично сбитый мною фашистский самолет, а еще восемь уничтожено при моем участии в групповых боях.

Целый день блокируем осиное гнездо. Наши воздушные бойцы кружат над Сиравой без перерыва. Лишь небольшой группе вражеских машин удалось удрать. Недобитые асы искали для себя новых хозяев.

Вечером 8 мая до нас дошли слухи о подписании в пригороде Берлина акта о безоговорочной капитуляции фашистской Германии. Долго не расходились и не ложились спать — ждали официального сообщения. Хотелось быть всем вместе, ведь такая огромная радость! Тем более, что радость эта — общая! Разговаривали возбужденно, громко смеялись, шутили. Угомонились лишь после приказа командира: «Отбой! Всем ко сну!» Понятно, боеспособность летчика — прежде всего. От врага, пребывающего в состоянии агонии, можно ждать всего. Спать долго не пришлось: проснулись от усиленной стрельбы. Вокруг нас трещали очереди из автоматов, пулеметов, где-то в стороне били зенитки, осколки их снарядов сыпались на крыши домов и на поле аэродрома. Вначале не все поняли, в чем дело, однако догадаться не составляло особых трудностей. Кто-то воскликнул:

— Салют победе!

— Конец войне!..

Спешим на улицу, разряжаем в воздух свои пистолеты, включаясь в общий салют. В небе то и дело вспыхивают осветительные ракеты, заливая мерцающим светом летное поле, прилегающий к нему лес, капониры и самолеты. Темноту ночи густо прорезают трассы светящихся пуль, разрывы зенитных снарядов. Такого фейерверка не приходилось видеть никому из нас. Стихийный, неорганизованный, он сливался в беспорядочное, но могучее море огня. Огонь этот рассыпался, искрился, сверкал и переливался по всему фронту, выражая радостный душевный порыв советских воинов.

До самого утра никто уже не ложился спать, ожидая сообщений из Москвы. Командир полка и его заместитель по политической части нетерпеливо дежурили у телефона,

связывались со штабом и политотделом дивизии, прислушивались к настроенному на Москву радиоприемнику, из которого без перерыва лились победные марши.

Победа! Наконец-то она пришла — выстраданная и долгожданная, омытая слезами народа, окропленная кровью его лучших сыновей и дочерей. Мы обнимались и целовались, пели песни и танцевали, смеялись...

Конец войне! В это трудно поверить. Как бесконечно долго она тянулась, как невероятно устали от нее люди планеты. Фашисты, терзавшие всю Европу, сеявшие страх во всем мире, под нашими сокрушающими ударами сложили наконец оружие.

Великое слово «мир»

Противник безоговорочно капитулировал. На Курляндском полуострове по всему периметру для сдающихся назначены пункты сбора.

Возможно, найдутся и такие, которым в эти последние минуты вздумается спровоцировать стычки, хотя в свою победу они, естественно, уже не могут верить, но и побежденными чувствовать себя не очень хотят.

Командир полка Н. И. Миронов и его заместитель по политической части В. М. Егорычев утром собрали руководящий состав полка и командиров эскадрилий.

— Как вам известно, — начал свое краткое выступление Николай Иванович, — противник сложил оружие. Подписан акт о безоговорочной капитуляции фашистской Германии. Командование поздравляет вас и весь личный состав полка с Великой Победой!

Последние слова командира потонули в наших горячих аплодисментах, мы аплодировали стоя. Михаил Погорелов, не выдержав, выкрикнул «ура», и мы дружно поддержали его.

Командир полка попросил внимания:

— Во второй половине дня в полку состоится митинг. А сейчас мы собрались для того, чтобы довести до личного состава задачи, вставшие перед нами сегодня.

Говорил Николай Иванович, как всегда, кратко и четко.

— Во-первых, бдительность. Сегодня и несколько дней подряд будем вылетать для барражирования и наблюдения за порядком. На полуострове много пленных, а органы местной власти пока в стадии становления. Пленные, в соответствии с договором о капитуляции, должны следовать на пункты сбора. Во-вторых, дисциплина. Нельзя расхолаживаться. Военская часть остается воинской, а отсюда вывод: поведение и подчиненность — согласно уставу; поддержание полной боевой готовности не снимается с повестки дня. Начальник штаба полка и заместитель командира майор Рязанов составили развернутый план боевой подготовки и расписание занятий летного и технического состава. Занятия начнем с завтрашнего дня.

В полдень эскадрильей поднимаемся в воздух, курс — на запад. В стане вчерашнего противника спокойно, вокруг нас — чистое небо. Чувствую себя как-то непривычно. На земле развеваются белые флаги. Окруженные немцы машут нам белыми платками, простынями — боятся, чтобы мы не ударили очередями... Предупреждаю:

— Стрелять запрещено. Огонь открывать только в случае, если противник спровоцирует стрельбу первым. Войне конец!

По дорогам Курляндии в пешем строю, на автомобилях, бронетранспортерах и танках тянутся колонны немецких солдат и офицеров. Направление одно: к пунктам сбора. В голове каждой колонны — белый флаг. Проносимся над дорогой на бреющем. Будто гигантская змея, колонна выжидательно замирает.

Пленные стекаются на площади городов и поселков, собираются на просторных лесных полянах, где их ожидают уполномоченные — представители советского командования.

Набираем высоту и летим в сторону Сиравы. На аэродроме и стартовом домике, где, очевидно, разместился штаб, тоже белые флаги.

— Израсходовали, небось, все простыни на знаки капитуляции, — смеется Лысенко. — Верно, и спать не на чем.

— Им сейчас не до сна, — серьезно добавляет Шман. — Дремлют на ходу. Главное теперь — смазывай пятки и прямо в плен.

Через час на смену вылетает эскадрилья Погорелова.

Очень хотелось нам увидеть теперь фашистское воинство не с воздуха, а поближе, как говорится, воочию. Это понимал командир, поэтому и разрешил в свободное от полетов время съездить туда, где представители советского командования принимают плененные части гитлеровцев.

На городской площади, куда мы прибыли, — огромное скопление немецких солдат и офицеров. Одни уже сложили оружие и сидят побатальонно, поротно, ожидают дальнейших распоряжений, другие складывают в кучи пулеметы, автоматы, гранатометы. Техника не умещается на площади, громоздится на улицах, в переулках.

Гитлер и его генералы обеспечили свои дивизии, затиснутые между Тукумсом и Либавой, всем необходимым для устойчивой и

продолжительной обороны. Было там множество оружия, боеприпасов, продовольствия.

Советские солдаты, сержанты, офицеры принимают, подсчитывают оружие, имущество, людей.

— Успеваете? — спрашиваем у майора-артиллериста, распоряжающегося у одной из колонн.

— К сожалению, нет... Да подождут. Теперь уже спешить им некуда.

— А за Гитлером не скучают?

— Рады, что война закончилась, — вставляет капитан, помощник майора.

Один из пленных, немецкий унтер, стоящий рядом, неожиданно говорит:

— Гитлер капут!

Смело так, даже с улыбкой произносит эти слова. А еще вчера наверняка смертельно боялся даже подумать об этом, хотя, может, где-то в глубине души и желал «капута» своему фюреру.

...Летим строем на небольшой высоте. Весна в разгаре, зеленеют деревья, распускаются луговые цветы. Под крылом свободная Латвия, часть советской земли. Нам радостно машут люди, выражая свою горячую благодарность за избавление от коричневой чумы. Внизу видны следы разрушений: руины домов, вспаханные снарядами и бомбами поля. Майское небо — солнечное и чистое. Таким оно будет всегда над землей, где люди занимаются мирным трудом, возвеличивая свою Отчизну, строящую социализм.

Вечер 9 мая. В полку митинг. Поздравления с победой. Над полем долго не утихают возгласы «ура», аплодисменты, на ветру колышется боевое Знамя. За годы войны полк произвел более пяти тысяч боевых вылетов, и если прибавить к самолетам врага, сбитым в воздухе, также уничтоженные на аэродромах, то их будет около тысячи. Выступают Егорьичев, Рязанов, Шмелев.

Начинается концерт художественной самодеятельности, хотя никто не организовывал, не объявлял его. Наши чувства выливаются в песне. Дружные голоса летчиков, инженеров, техников, механиков, солдат и офицеров слились в едином мощном хоре. Аккомпанирует на баяне заместитель командира полка по политчасти майор В. М. Егорьичев.

Никогда еще мы не пели так громко и дружно, с таким задором и вдохновением, как в тот вечер, когда ликовала вся страна, поздравляя победителей и людей всего мира с величайшим праздником, выдающимся историческим событием, главным участником и решающей силой которого был наш народ и его славная армия. Песня вырвалась на простор, разнеслась во все стороны, веселье и радость воцарились далеко вокруг.

На импровизированной сцене боевые друзья — водой не разольешь — летчики Николай Андреев и Борис Телегин. В полку они давно, их не раз разлучал госпиталь, но снова и снова ребята возвращались в 4-й Краснознаменный. Ордена и медали позванивают на их гимнастерках.

Воспитанник полка Коля Андреев уничтожил в боях 8 фашистских самолетов. Не хуже дрался с врагом и Борис Телегин. Однажды фашистам удалось поджечь его машину, но он не оставил строй и продолжал вести огонь. Пылающий, как факел, самолет Борис привел на свою территорию и сел недалеко от аэродрома. За этот подвиг Телегин был удостоен ордена Славы.

Теперь неожиданно выясняется, что друзья также незаурядные затейники, мастера смеха: на сегодняшнем концерте они выступают в роли конферансье.

На сцену выходит капитан Леут. Он читает стихи Демьяна Бедного. В одном из них высмеивается барон Врангель. К стихотворению Леут дописал свое окончание, в котором с глубоким сарказмом бичует Гитлера и его приспешников.

Бурные аплодисменты зрителей вызывает клоунада Ивана Кошевого. За победы в воздушных боях И. Кошевой удостоен двух орденов Славы и многих других наград. Это он прикрыл своей машиной самолет командира полка в момент смертельной опасности и сумел посадить пылающий «як». После лечения Иван вернулся в часть и продолжал сражаться с врагом.

Полковой хор и отдельные исполнители пели старинные и современные русские, украинские, белорусские песни. Вдохновенно исполнил «Камни Севастополя» майор В. М. Егорьичев.

Еще долго на просторном поле аэродрома звучали любимые мелодии, слышался перестук каблуков, раздавались

аплодисменты. Люди от души веселились, радуясь воцарившемуся миру.

...Далеко за полночь мы с Погореловым шли к небольшому домику — нашему жилищу. Окна его светились непривычно ярко. С Балтики повевало прохладой, вокруг палисадника приятно пахла сирень. Наплывали мысли о пережитом, мечты о будущем.

— О чем ты думаешь, что чувствуешь в эти минуты? — спросил я друга.

— Что чувствую? А ты смог бы высказать?

— Наверное, нет.

Передать настроение словами действительно невозможно. Нас переполняла радость, вытесняя прочие мысли и заботы. И все же хотелось хотя бы немного осмыслить то, что произошло в эти дни, что будет помниться вечно, высеченное на страницах истории.

Понятно, мы не готовы были еще к широким обобщениям, оценкам, выводам. Лишь вспоминали товарищей из 4-го истребительного авиационного полка, сравнивали с сегодняшними летчиками, и было ясно: все мы выросли и возмужали, изменились до неузнаваемости. Возрос наш технический уровень, повысились знания тактики, усовершенствовалось мастерство боя. Мы, дети колхозников и рабочих, сами вчерашние рабочие и колхозники, победили наглого, хорошо обученного, отлично вооруженного противника.

Война научила нас видеть дальше, оглядывать все с большей «высоты», откуда четче и выразительнее просматривается истинная суть общественно-политических и военных событий, происходящих в мире. Все мы на протяжении этих нескончаемо долгих четырех военных лет учились в наивысшем университете — университете жизни. Мы сдали нелегкий экзамен. Его выдержала не только Советская Армия, но и все наше социалистическое государство, наш общественный социалистический строй.

Мы победили жестокого и сильного врага. И суть не в воинских званиях, должностях, наградах и славе. Мы узнали войну, побывали в самом эпицентре эпохальных событий, научились мыслить, принимать четкие решения, когда времени на раздумья почти никакого, познали цену доблести и отваге, смелости и

героизма, самоотверженности, ненависти к врагу, испытали горечь поражений и радость побед.

В ходе войны умножились наши возможности, еще крепче стала вера в родную Коммунистическую партию, в рядах которой состояло большинство личного состава полка. Свою любовь к ней и преданность мы понесем как знамя, как девиз нашей мирной жизни и борьбы за построение коммунизма.

Мирные дни начались кропотливой учебой. Строевая подготовка, плановые занятия строго по расписанию, подготовка к полетам и сами полеты. Это требовало полной отдачи всего себя тому делу, которому ты посвятил жизнь.

Но еще два события лета сорок пятого запомнились навсегда. 24 июня мне посчастливилось принимать участие в параде Победы на Красной площади в столице нашей Родины Москве. Я был назначен ассистентом знаменосца колонны Ленинградского фронта. Ничего более грандиозного не пришлось видеть ни до этого, ни после.

Нашим сводным полком командовал Маршал Советского Союза Л. А. Говоров. Все фронты в этот день пронесли свои Знамена перед Мавзолеем, где покоится великий вождь Октября Владимир Ильич Ленин. На трибуне Мавзолея находилось Советское правительство, парадом командовал Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский. Принимал парад Маршал Советского Союза Г. К. Жуков.

Мы долго готовились к этому событию в одном из военных городков Риги, затем прибыли в столицу. На войне, как известно, строевой подготовкой никто из нас не занимался, и нам предстояло немало потрудиться, овладевая строевым шагом и поворотами. Руководил подготовкой отличный строевик командир 19-го гвардейского стрелкового корпуса генерал А. Т. Стученко. Его войска мы прикрывали в наступлении под Ригой. Не скрывая гордости, скажу: мы пришли по Красной площади не хуже слушателей военных академий и получили благодарность Верховного Главнокомандующего.

Самым впечатляющим был момент, когда в конце парада советские солдаты бросили к подножию Мавзолея 200 знамен и штандартов разгромленной гитлеровской армии. Вечером состоялся прием в Кремле в честь участников парада.

18 августа 1945 года. На аэродроме митинг, посвященный празднованию Дня Воздушного флота СССР. Стройные ряды летчиков, инженеров, всего личного состава полка. Новые кители, мундиры, к которым только начинаем привыкать. После оглашения приказа, речей и поздравлений командир полка Н. И. Миронов вызывает из строя майора Рязанова и меня. Чеканим шаг, докладываем.

— Поздравляю вас, дорогие товарищи! — торжественно говорит подполковник и, обратившись к строю, оглашает Указ Президиума Верховного Совета Советского Союза.

Мы с Рязановым награждены второй Золотой Звездой Героя Советского Союза.

Не успеваем опомниться, как крепкие руки друзей подхватывают и подбрасывают нас вверх, мощное «ура» раскатывается по полю. Мы с Алексеем перед лицом товарищей клянемся служить Родине и в мирное время так же честно и самоотверженно, как дрались с противником в пламенном небе войны.

Генерал С. П. Данилов, поздравив нас с наградой, сказал:

— Почетное звание обязывает вас не останавливаться на достигнутом... Вам нужно учиться.

Академия! Это была моя давняя мечта.

* * *

Летит время. Разъехались по всей стране наши ветераны, несут вахту мира, воспитывают молодое поколение на революционных, боевых и трудовых традициях. Их напряженный и бескорыстный труд высоко ценит советский народ. Не одному из наших бывших воздушных бойцов вручены награды за ратные и трудовые свершения на новом поприще. Это о них, моих боевых товарищах говорят: «Сказала им Отчизна «вольно!», но не сказала «разойдись...»

Однако жизнь есть жизнь, со всеми вытекающими отсюда последствиями... С каждым годом становится все меньше убеленных сединами ветеранов. Поэтому мне не хочется заканчивать книгу традиционной главой «Где же вы теперь?»

Пусть мои товарищи останутся такими, какими я знал их в те незабываемые огненные годы.

Время меняет не только нас. На смену одной эпохе приходит другая. С каждым днем крепнет социалистический строй, растет на основе военно-технической революции могущество Советских Вооруженных Сил. Сегодня на нашей планете ведется неустанная борьба за разрядку международной напряженности, возглавляемая Советским Союзом, ленинской Коммунистической партией. Народы всего мира хотят жить в согласии, они отстаивают свое право на чистое небо, в котором нет места смертоносному оружию.

Однако могучим силам мира продолжают противостоять черные силы империализма. И потому борьба за мир — самая насущная и неотложная задача современности. Все это заставляет нас не терять бдительности, всегда быть на высоте современных требований, предъявляемых к защитникам Отчизны.

Мне часто приходится выступать перед молодежью. Многие молодые люди не без основания интересуются, как нам удалось разбить опытных и технически хорошо оснащенных гитлеровских асов. Могу сказать, что этому способствовал весь уклад жизни нашего общества, система воспитания советских людей на идеях ленинской партии. Если принято говорить, что солдатами не рождаются, то к этому можно добавить: летчиками — тем более.

Нужна большая школа физического воспитания, боевой выучки, моральной закалки. Необходимы прочные знания математики, физики, химии, радиотехники и других дисциплин, без которых воин не сумеет освоить сложный курс летного дела, справиться с задачами современного боя.

Летчик — профессия героическая. Он обязан быть готовым к любым испытаниям. В небе ему приходится, как правило, действовать самостоятельно, принимать решения в считанные секунды, и тут требуются огромная выдержка, самообладание в сложных, экстремальных условиях, возникающих совершенно неожиданно и нередко грозящих смертельной опасностью. Конечно, проявлять смелость, рисковать — это не значит действовать наобум, как говорится, в надежде на удачу. Уверенность в себе — половина победы, но еще не победа. К ней следует прибавить знания, инициативу, находчивость, воинскую

смекалку, о чем и говорит опыт наших асов Великой Отечественной войны. Эти качества необходимы летчикам, летающим на современных скоростных реактивных машинах, оснащенных мощным вооружением и сложной радиоэлектронной аппаратурой. Победа сопутствует смелому и умелому — это не просто крылатые слова, в них заключена истина, выработанная многолетним опытом не одного поколения.

Да, ветераны знают, какой дорогой ценой добыта наша Победа в минувшей войне. Они помнят все: и горечь потерь родных и близких людей, и страшный, безутешный плач матерей, и слезы сирот. Такое не забывается в веках.

Пусть память о героических событиях прошлого служит грядущим поколениям добрым уроком бдительности, мужества и героизма.

Иллюстрации

Группа курсантов Качинской школы военных летчиков. В верхнем ряду второй справа — И. Н. Степаненко. В центре —инструктор младший лейтенант В. П. Попутько

*Выпускники Качинской школы военлетов
И. Н. Степаненко, И. Ф. Ребрик*

В. Н. Орлов

А. Г. Карманов

М. П. Галкин

В. И. Москвин

А. А. Терешкин

М. С. Погорелов

Постановка боевой задачи. Слева направо — сидят: И. А. Бабенко, А. К. Рязанов, А. Г. Ищук, Н. Ф. Кобяков, Г. А. Гаранчук, И. Н. Степаненко; стоят: М. С. Погорелов, Амет-Хан Султан, Г. Е. Ситиков, И. А. Марьин, И. Т. Королев, А. Д. Флейшман

A. A. Морозов

А. М. Бередин

В. М. Дрыгин

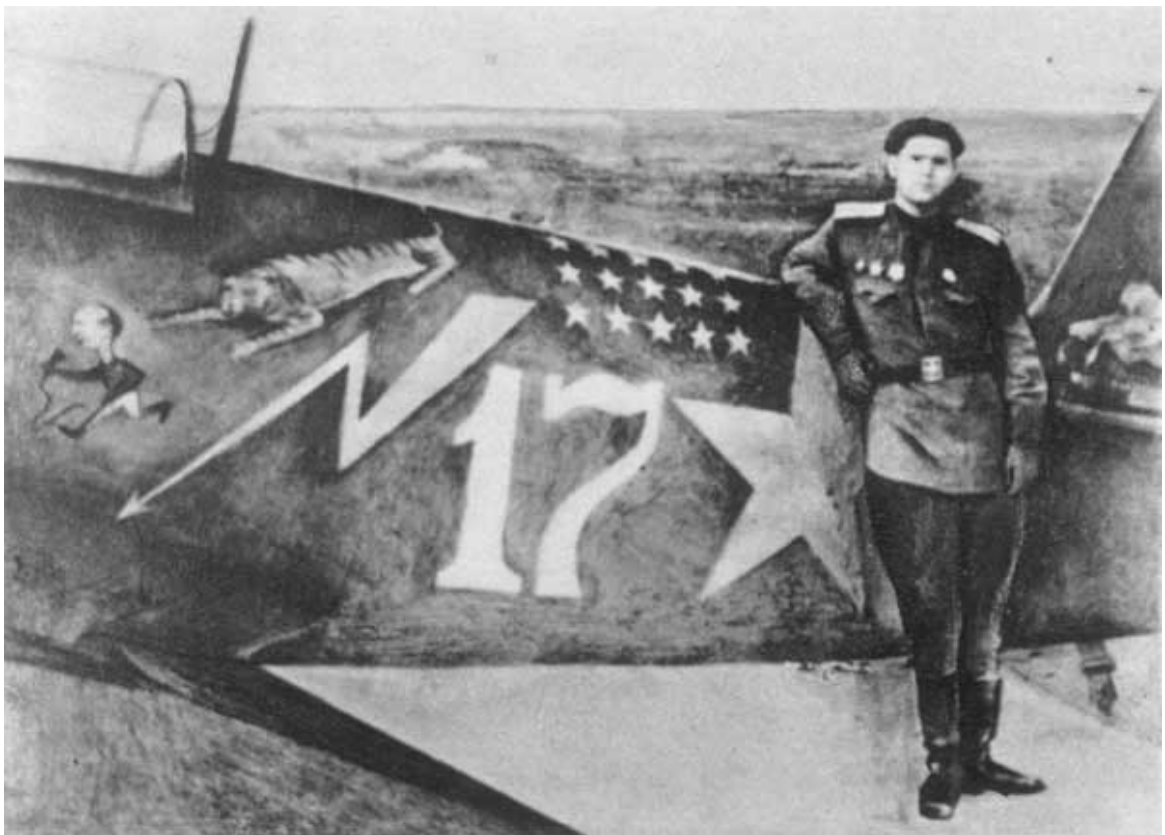
И. Н. Степаненко (фото 1976 г.)

Г. С. Айвазов (справа) и А. А. Дроздов (1942 г.)

Отвоевались...

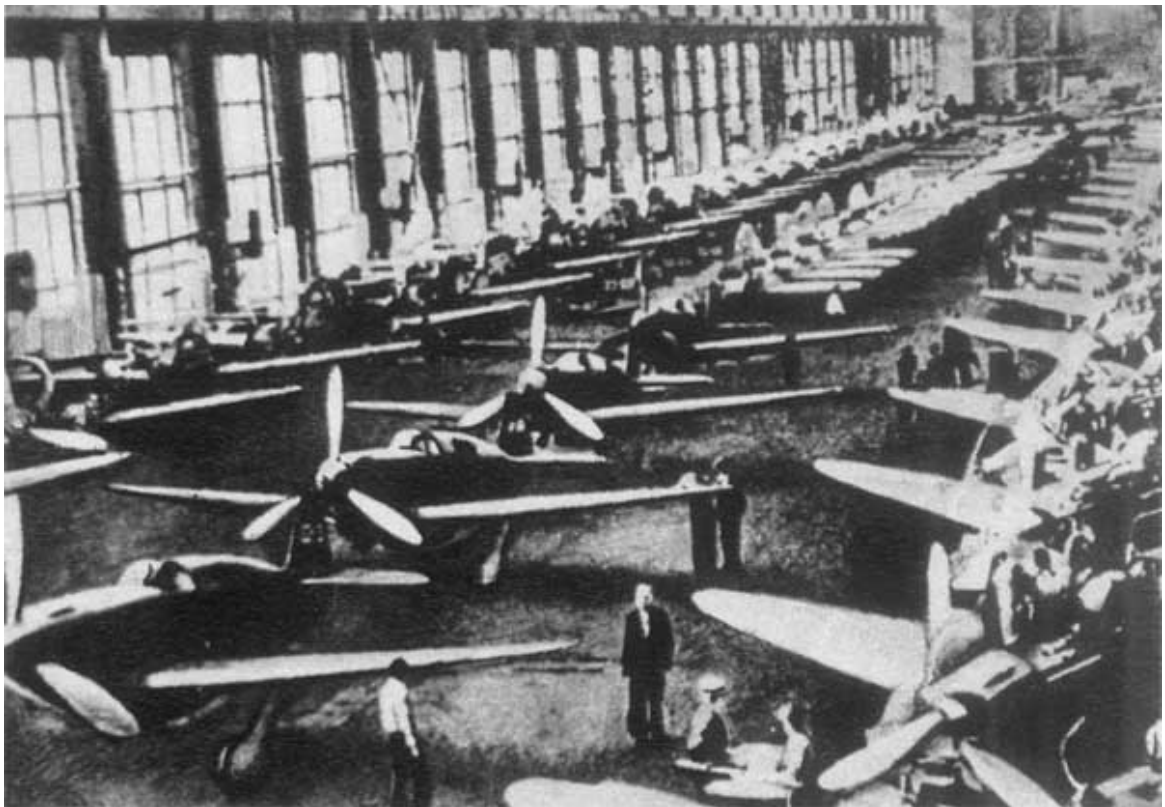
У своего боевого самолета (1943 г.)

И. Г. Борисов

В. М. Василенко

Крылья победы. В цехе одного из заводов (1943 г.)

Ферапонт Головатый и майор Б. М. Еремин (1943 г.)

Начальник штаба 4-го истребительного авиаполка С. И. Донин (в центре справа) с младшими специалистами полка (1945 г.)

Отлично поработала наша авиация

Летчики полка, отличившиеся под Орлом. Слева направо — 1-й ряд: И. В. Шмелев, А. К. Рязанов; 2-й ряд: Г. А. Усиков, Г. И. Казаченок, И. Н. Степаненко, К. М. Сафронов; 3-й ряд: В. С. Лещенко, Б. М. Бугарчев, М. Е. Ильченко, В. А. Куницын (1943 г.)

Летчики эскадрильи майора А. К. Рязанова с командованием полка. Слева направо: В. П. Шлыков, В. Е. Богомолов, И. Н. Степаненко, А. К. Рязанов, Н. И. Миронов, А. К. Ершов, Г. М. Шкворунец, Н. И. Кобзарь, Г. А. Усиков, Б. С. Телегин (1943 г.)

Д. Б. Глинка

П. М. Камозин

Н. И. Миронов

А. М. Марков

С. П. Данилов

И. В. Шмелев

В. С. Нагорный

А. Д. Флейшман

А. А. Новиков

Е. А. Савицкий

Т. Т. Хрюкин

Н. Ф. Науменко

В. Д. Лавриненков

А. К. Рязанов

Амет-Хан Султан

А. Ф. Худякова

Летчики эскадрильи поздравляют И. Н. Степаненко с 26-й победой в воздухе (1944 г.)

В. М. Егоричев (фото 1974 г.)

В. С. Лещенко

На Брянском фронте. Слева — бывший инструктор Днепродзержинского аэроклуба И. Ф. Мусиенко (1943 г.)

Личный состав эскадрильи И. Н. Степаненко. Справа (лежат) замполит полка В. М. Егорычев и командир полка Н. И. Миронов (1944 г.)

На Красной площади. Слева направо: А. Н. Ефимов, И. Н. Степаненко, С. Е. Артеменко

Лейтенант-инженер Андрей Степаненко готовит самолет отца к вылету

Примечания

1

С 1936 г. — Днепродзержинск.

2

Провозной — полет учлета, курсанта или летчика в сопровождении инструктора для приобретения или восстановления навыков летной работы.

Ныне г. Елгава. — *Ред.*

4

Ныне г. Лиепая. — *Ред.*

И.Н. Степаненко
ПЛАМЕННОЕ НЕБО

И.Н. Степаненко
ПЛАМЕННОЕ НЕБО

МЕМОАРЫ

И.Н. Степаненко

**ПЛАМЕННОЕ
НЕБО**